A 132/244

А 132/244

Г. Н. БАР. ТАУБЕ

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВТОРОЙ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

ВЪ КОНЦѢ ТЕКСТА ПОМѢЩЕНЪ ПЕРЕЧЕНЬ УПОТРЕБЛЯВШИХОЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНОВЪ СЪ ИХЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

А 132
244

Г. Н. БАР. ТАУБЕ

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВТОРОЙ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

ВЪ КОНЦѢ ТЕКСТА ПОМѢЩЕНЪ ПЕРЕЧЕНЬ УПОТРЕБЛЯВШИХСЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНОВЪ СЪ ИХЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

2007041302

Государственная
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ленина
44634-57

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-му ИЗДАНІЮ.

Цусимское морское сраженіе до сихъ поръ еще для всего міра представляется загадкой.

Участвовавъ въ этомъ бою, я постараюсь въ точности изобразить картину рокового дѣла и нашего плаванія со дня встрѣчи обѣихъ эскадръ въ Тихомъ океанѣ. Буду считать себя вполнѣ вознагражденнымъ за свой трудъ, если онъ до извѣстной степени можетъ послужить ключомъ къ раскрытію роковой тайны.

Авторъ.

23-го декабря
1905 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Уже полтора года, какъ война съ ея надеждами и разочарованіями, погромами и ужасами кончилась. Понемногу въ памяти общества начинаютъ сглаживаться отдѣльные, нанесенные намъ удары, но есть два имени, которыя еще долгіе годы будутъ волновать нашу память, при произнесеніи которыхъ будетъ каждый разъ съ болью сжиматься сердце каждаго любящаго свою родину. Имена эти — «Мукденъ» и «Цусима». Около двухъ лѣтъ прошло со времени послѣдняго морского погрома, общество желало знать и, имѣя на это полное право, требовало, чтобы выяснены были причины его. Сперва надѣялись, что на процессѣ миноносца «Бѣдовый» что-нибудь обнаружится, потомъ съ нетерпѣніемъ стали ожидать суда надъ Небогатовымъ и офицерами его отряда, но оба процесса прошли и окончились, не давъ ни-

рядъ адмирала Небогатова съ сѣвера въ строѣ кильватера подходилъ къ главной эскадрѣ и, обогнувъ ея концевые корабли, сталъ въ третью линію параллельно двумъ первымъ. Съ отдѣльныхъ кораблей при прохожденіи привѣтствовали другъ друга оглушительными восторженными криками «ура». Сколько непритворной радости и надежды слышалось въ этихъ крикахъ. Дѣйствительно, отрядъ судовъ подъ командой адмирала Небогатова, наконецъ, избавлялся отъ той мучительной неизвѣстности, «удастся ли соединиться, или нѣтъ», въ которой онъ до сихъ поръ находился; кромѣ того, сознаніе, что этотъ небольшой отрядъ одинъ въ Тихомъ океанѣ могъ каждый моментъ встрѣтиться съ главными непріятельскими силами, которыя въ этомъ случаѣ, безъ существеннаго вреда для себя, могли его уничтожить, до этихъ поръ тяжелымъ грузомъ лежало на душѣ каждаго офицера или матроса. Теперь же всѣ съ облегченіемъ вздохнули.

Духъ личнаго состава «Второй эскадры», многіе изъ офицеровъ которой до этихъ поръ довольно мрачно смотрѣли навстрѣчу будущему, настолько былъ приподнятъ этимъ присоединеніемъ, что большинство офицеровъ теперь уже не сомнѣвались въ побѣдѣ.

Даже болѣе другихъ пессимистически настроенные начали надѣяться, что, можетъ быть, при умѣломъ и разумномъ руководствѣ, нашей довольно-таки грозной эскадрѣ удастся, хотя бы цѣной полной своей гибели, избить японскій флотъ настолько, что онъ будетъ принужденъ надолго удалиться въ свои порта, а море, которымъ онъ владѣлъ такъ долго, наконецъ перейдетъ во владѣніе нашихъ владивостокскихъ крейсеровъ.

Что же думалъ объ этомъ присоединеніи начальникъ соединенной эскадры адмиралъ Рожественскій?

Прибыли тѣ корабли, отъ которыхъ онъ раньше отказывался, не считая ихъ способными сдѣлать такой переходъ. Мы съ мостиковъ своихъ судовъ видѣли, какъ онъ на трапѣ обнималъ адмирала Небогатова и, судя по слухамъ, и самъ былъ страшно радъ этому подкрѣпленію, на которое уже почти была потеряна надежда, такъ какъ, опоздай Небогатовъ на 48 часовъ, и эскадра ушла бы, не дождавшись его отряда, принужденная къ этому неоднократными представленіями французскаго правительства, нѣсколько разъ присылавшаго крейсеръ «Guichen» съ просьбой оставить нейтральныя воды. Да и было чему радоваться.

13 орудій крупнаго калибра много увеличивали шансы эскадры, въ особенности въ бою на дальнемъ разстояніи, который слѣдовало ожидать, такъ какъ японцы, въ рукахъ которыхъ, благодаря преимуществу ихъ въ ходѣ, былъ выборъ разстоянія, какъ показали предыдущіе бои съ ними, явно предпочитали дальнія дистанціи.

Да, это должна была быть большая подмога, конечно, при условіи, чтобы изъ этихъ пушекъ умѣли хорошо стрѣлять, а, какъ оказалось, изъ нихъ въ бою стрѣляли такъ же плохо, какъ и изъ пушекъ судовъ эскадры адмирала Рожественскаго. Да иначе же вѣдь и не могло быть. Какъ на 2-й, такъ и на 3-й эскадрѣ были только 2 боевыхъ стрѣльбы, да и то изъ каждаго орудія позволено было сдѣлать только весьма ограниченное число выстрѣловъ, иначе и нельзя было — неоткуда было взять боевыхъ припасовъ. А между тѣмъ каждый долженъ былъ понимать, что нельзя ожидать отъ комендоровъ хорошей стрѣльбы въ бою, въ которомъ даже опытный и обстрѣлянный человѣкъ непремѣнно будетъ волноваться, если эти комендоры за 6 мѣсяцевъ выпустили каждый отъ 10 до 12 выстрѣловъ изъ своей пушки.

Чтобы напрактиковать людей, которымъ предстояло сражаться, надо было сдѣлать не двѣ стрѣльбы за 6 мѣсяцевъ, а 22 или болѣе, какъ это сдѣлали японцы, которые, какъ мнѣ разсказывали японскіе моряки, пока шла эскадра Рожественскаго, одно время только и дѣлали, что съ броненосной эскадрой выходили на стрѣльбу въ море, стрѣляли при разныхъ условіяхъ погоды, затѣмъ возвращались въ Сасебо, принимали новые запасы и снова шли практиковаться въ стрѣльбѣ. Затѣмъ по очереди мѣняли износившіяся орудія и къ нашему приходу успѣли уже и изъ этихъ новыхъ орудій выпустить порядочное количество снарядовъ. По ихъ словамъ, они выпустили за это время подготовки къ Цусимскому бою около 500 снарядовъ на каждую 6-ти дюймовую пушку. Если эта цифра и преувеличена, то не особенно, такъ какъ, чтобы стрѣлять съ той поразительной мѣткостью, съ которой стрѣляли они, надо было много и много практиковаться.

Конечно, имъ у себя дома это было легко, лишь бы не было недостатка снарядовъ, а намъ очень и очень трудно, но не невозможно, и я совершенно увѣренъ, что если бы тѣ, на чьей обязанности это лежало, серьезно занялись бы этимъ вопросомъ со времени принятія рѣше-

нія послать эскадру и проникнись бы сознаніемъ, что это необходимо, то можно было бы въ достаточномъ количествѣ приготовить боевыхъ припасовъ, подвезти ихъ на транспортахъ въ Носси-бе и тамъ заняться серьезнымъ приготовленіемъ комендоровъ къ тому высокому и тяжелому экзамену, который имъ предстоялъ. А времени было, пожалуй, болѣе чѣмъ достаточно. Наши суда на Мадагаскарѣ и въ плаваніи ревностно учились, но учились погрузкѣ угля и тутъ дѣйствительно достигли такого поразительнаго совершенства, о которомъ раньше никто и не мечталъ: нѣкоторыя суда доходили до 130 тоннъ въ часъ.

Я не хочу, чтобы подумали, что я съ ироніей отношусь къ этому обученію командъ быстрой погрузкѣ угля, которую я считаю однимъ изъ важныхъ факторовъ современной боевой дѣятельности флотовъ, но къ японцамъ мы шли не для того, чтобы устроить состязаніе на рекордъ въ скорости погрузки угля, въ которомъ, я увѣренъ, они остались бы далеко за флагомъ, а для того, чтобы уничтожить ихъ флотъ, что можно было сдѣлать единственно хорошей, мѣткой стрѣльбой. Ближе всего къ этому вопросу стоялъ, конечно, начальникъ эскадры адмиралъ Рожественскій. Ему лучше, чѣмъ

кому-либо, были извѣстны недостатки и неподготовленность нашей орудійной прислуги. Командуя за два года до этого учебнымъ артиллерійскимъ отрядомъ, онъ отлично зналъ, что на подготовку комендора въ этомъ отрядѣ нельзя смотрѣть, какъ на окончательную, а только какъ на предварительную, такъ какъ стрѣльба въ этомъ отрядѣ никогда не дѣлается на бо́льшихъ дистанціяхъ, чѣмъ 30 кабельтовыхъ, да и то по неподвижному щиту на берегу, а при стрѣльбѣ по подвижнымъ щитамъ на контрагалсахъ ограничиваются разстояніями до 12 кабельтовыхъ; въ бою же опытъ показалъ, что, по крайней мѣрѣ, сражаясь съ японцами, 30 кабельтовыхъ есть наименьшее разстояніе, на которое сближаются сражающіяся эскадры; такъ было и 28 іюля и 1 августа, такъ же было и въ Цусимскомъ бою, гдѣ только головные корабли иногда сражались на меньшемъ разстояніи. Должно быть, адмиралъ и обращалъ вниманіе министерства на то, что нужны боевые матеріалы для обученія комендоровъ и что нужны подъ нихъ транспорты,— это только мое предположеніе, и я хочу въ него вѣрить,—но, по всей вѣроятности, если онъ и сдѣлалъ это, то не слишкомъ энергично, потому что обаяніе и престижъ адмирала Ро-

жественскаго, котораго Россія посылала поставить свою послѣднюю ставку «ва-банкъ» въ этой несчастной игрѣ, было такъ велико, что, казалось, потребуй онъ птичьяго молока для эскадры и скажи, что безъ него идти на войну не можетъ,—и его бы ему достали, а безъ снарядовъ для практической подготовки людей у пушекъ эскадрѣ нечего было и выходить.

Я такъ долго остановился на этомъ вопросѣ потому, что въ немъ, безъ всякаго сомнѣнія, заключается самая главная причина нашего пораженія.

Интересно знать, какъ въ головѣ адмирала совмѣщалось сознаніе въ нашей несостоятельности въ стрѣльбѣ, а оно должно было быть, съ тѣмъ, что на дняхъ придется идти въ бой. О начальникѣ эскадры въ Куабе говорили, что онъ страшно нервенъ, настолько, что мало кто изъ офицеровъ и даже командировъ рѣшался говорить съ нимъ. Разсказывали, что былъ случай, когда онъ молча принялъ пріѣхавшаго къ нему одного изъ командировъ, молча выслушалъ его, а затѣмъ отвернулся и выругался площадной бранью.

Не была ли эта нервность слѣдствіемъ того, можетъ быть, инстинктивнаго сознанія, что скоро эскадру придется вести на гибель и возврата нѣтъ?

Какъ я уже сказалъ, отрядъ Небогатова былъ 27-го апрѣля, съ разсвѣтомъ, посланъ въ бухту Куабе и съ 4-хъ часовъ того же дня началъ усиленную погрузку угля, которая продолжалась всю ночь и весь слѣдующій день до вечера; въ концѣ концовъ на броненосцахъ береговой обороны было принято отъ 600 до 650 тоннъ.

Казалось, не было мѣста, которое не было бы утилизировано. Уголь былъ на срѣзахъ, кругомъ башенъ, въ батареѣ, въ командныхъ рундукахъ, командирскомъ помѣщеніи жилой палубы,—словомъ, вездѣ, гдѣ только пытливый глазъ старшаго офицера замѣчалъ свободное мѣсто, его сейчасъ же заваливали углемъ. Параллельно съ этой погрузкой производилась перегрузка боевыхъ припасовъ съ транспортовъ 3-й эскадры на транспорты подъ военнымъ флагомъ «Иртышъ» и «Анадырь». Наконецъ, къ вечеру 29-го апрѣля всѣ эти работы были окончены, и 30-го утромъ было получено приказаніе быть готовымъ къ выходу въ море въ полдень, но затѣмъ уходъ былъ отложенъ до разсвѣта 1-го мая.

Меня очень интересовало, какимъ строемъ поведетъ адмиралъ свою громадную эскадру въ 48 судовъ и какъ онъ обезпечитъ ее отъ внезапнаго нападенія.

Наконецъ, вечеромъ былъ полученъ приказъ съ указаніемъ строя, въ которомъ предстояло идти. Эскадра была расположена въ 2-хъ кильватерныхъ колоннахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: правая колонна: «Суворовъ», «Александръ», «Бородино», «Орелъ», «Днѣпръ», «Олегъ», «Аврора»; лѣвая колонна: «Ослябя», «Сисой», «Наваринъ», «Нахимовъ», «Ріонъ», «Донской», «Мономахъ». Транспорты днемъ также въ 2-хъ кильватерныхъ колоннахъ, которыя составляли продолженіе колоннъ боевыхъ судовъ. Впереди эскадры, въ разстояніи отъ 3-хъ до 4-хъ кабельтовыхъ, шелъ, такъ называемый, развѣдочный отрядъ изъ крейсера «Свѣтлана» и вспомогательныхъ крейсеровъ «Уралъ», «Кубань» и «Терекъ», на траверзахъ головныхъ кораблей въ колоннахъ крейсера 2-го разряда «Жемчугъ» и «Изумрудъ» и, наконецъ, въ замкѣ, для охраны тыла, слѣдовали «Николай» и три броненосца береговой обороны подъ начальствомъ Небогатова въ строѣ фронта. Миноносцы должны были идти на буксирѣ транспортовъ. «Алмазъ», на которомъ былъ завѣдующій транспортами, все время находился въ строю вмѣстѣ съ ними.

Къ ночи строй долженъ былъ мѣняться слѣдующимъ образомъ: разстояніе между киль-

ватерными колоннами боевыхъ судовъ увеличивалось вдвое и ходъ уменьшался, транспорты же продолжали итти тѣмъ же курсомъ и ходомъ и входили между колоннами боевыхъ судовъ. Затѣмъ всѣ давали прежній ходъ. Такимъ образомъ, все оставалось по старому, только строй значительно укорачивался тѣмъ, что вмѣсто 2-хъ колоннъ образовывались 4 и транспорты оказывались между кораблями эскадры.

1-го мая, въ 6 часовъ утра, вышли изъ бухты и, присоединившись къ эскадрѣ, которая ждала насъ у входа, построились въ вышеизложенный дневной строй и легли на N0 68°, имѣя 8 узловъ ходу.

На ночь было приказано зарядить всѣ кормовыя орудія и имѣть отличительные огни. Госпитальныя же суда «Орелъ», бѣлый Орелъ, какъ его называли на эскадрѣ, и «Кострома» шли на небольшомъ разстояніи сзади, неся всѣ огни. Мы, прошедшіе на 3-й эскадрѣ отъ Либавы до Куабе безъ огней, никакъ не могли примириться съ этимъ фактомъ. Вблизи эскадра, должно быть, имѣла видъ иллюминованнаго города, а яркіе топовые огни госпитальныхъ судовъ могли издали привлечь вниманіе всякихъ нежелательныхъ наблюдателей къ этой

«рождественской елкѣ», какъ насчетъ этого иллюминованнаго строя острили офицеры.

Дневной порядокъ, въ которомъ шла эскадра, былъ достаточно удобенъ. Транспорты были защищены. Въ случаѣ внезапнаго появленія непріятеля, боевыя суда изъ двухъ колоннъ могли достаточно быстро и въ любую сторону перестроиться въ боевой строй одной кильватерной колонны. Транспорты же, подъ защитой трехъ броненосцевъ береговой обороны и «Николая», въ это время могли отойти въ противоположную сторону отъ непріятеля, а эти 4 броненосца, видя ихъ въ безопасности, имѣли возможность затѣмъ присоединиться къ главнымъ силамъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ помощь была бы всего нужнѣе.

Ночной же строй не имѣлъ ни одного изъ этихъ преимуществъ; идя подобнымъ образомъ, транспорты были единственно ограждены отъ какой-нибудь внезапной атаки непріятельскихъ быстроходныхъ крейсеровъ, которые въ этомъ случаѣ уже не могли, пользуясь темнотой, подойти къ нимъ, сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, а затѣмъ полнымъ ходомъ уйти. Но этотъ ночной строй какъ будто бы самъ напрашивался на атаку миноносцевъ. Я уже говорилъ, что ночью эскадра имѣла видъ иллюминованнаго

города, офицеры же съ судовъ развѣдочнаго отряда, шедшаго въ 4 кабельтовыхъ впереди его, говорили мнѣ, что спереди отличительные огни судовъ этихъ 4 колоннъ образовывали какъ бы три длинныхъ улицы, и если бы миноносецъ спереди полнымъ ходомъ ворвался въ одну изъ этихъ улицъ, что сдѣлать было бы очень нетрудно, онъ могъ бы пройти ее съ начала до конца, выпустить всѣ свои мины и затѣмъ уйти, почти не бывши подъ огнемъ, такъ какъ стрѣлять по немъ могли бы только наши концевые корабли, да и то лишь тогда, когда онъ уже вышелъ бы изъ этой предательской улицы. Если по немъ начали бы стрѣлять въ то время, какъ онъ пробѣгалъ между колоннами, каждый промахъ если не прямо, то рикошетомъ, попадалъ бы въ одно изъ своихъ судовъ, и тутъ было бы «своя своихъ не познаша» почище случая съ «Авророй» во время гульскаго инцидента.

Конечно, такого случая можно было бы не допустить, если бы развѣдочная служба при эскадрѣ была бы идеально организована, но, какъ будетъ объяснено ниже, я съ величайшимъ прискорбіемъ, долженъ сказать, что развѣдочной службы на эскадрѣ у насъ не было абсолютно никакой.

2-го мая погода продолжала быть благопріятной и къ полудню были въ широтѣ— 13°58′ сѣверной, долготѣ — 112°55′ восточной. Производились артиллерійскія ученья, практическія занятія по опредѣленію разстояній и повѣрка дальномѣровъ; на это послѣднее занятіе у насъ на 3-й эскадрѣ было обращено самое серьезное вниманіе и занятія производились и до присоединенія къ главной эскадрѣ.

Въ этотъ день, послѣ обѣда, «Дмитрій Донской» по телеграфу донесъ, что видѣлъ въ водѣ предметъ, похожій на перископъ подводной лодки, но, откровенно говоря, кажется, никто на эскадрѣ не повѣрилъ возможности нахожденія таковой такъ далеко въ открытомъ морѣ на нашемъ пути; по всей вѣроятности, онъ принялъ за перископъ какой-нибудь предметъ, выброшенный за бортъ однимъ изъ его переднихъ мателотовъ. Передъ ужиномъ былъ выстрѣлъ съ «Николая I», произведшій небольшую тревогу, но на немъ тотчасъ же былъ сдѣланъ сигналъ, что выстрѣлъ нечаянный, и всѣ успокоились.

Вечеромъ взяли курсъ на N0 50°. Слѣдующій день прошелъ совершенно спокойно, безъ всякихъ инцидентовъ, если не считать малень-

кой непріятности «Ушакову»—неудовольствіе адмирала, выраженное ему сигналомъ за чрезмѣрно большой расходъ угля и воды. Вообще уголь былъ, кажется, тогда слабой струной адмирала и, мнѣ кажется, что въ то время онъ простилъ бы кораблю всякіе недочеты, даже плохую стрѣльбу или маневрированіе скорѣе, чѣмъ перерасходъ угля. Въ полдень широта =15°41′ сѣверная; долгота=115°35′ восточная. 4-го мая, въ 11 ч. 30 м., адмиралъ Рожественскій поднялъ сигналъ: «Завтра съ разсвѣтомъ общая погрузка угля», а въ 1 часъ дня крейсера, такъ называемаго, развѣдочнаго отряда «Свѣтлана» и «Уралъ» были отправлены на развѣдки съ тѣмъ, чтобы они къ 6 час. вечера были обратно.

Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда этимъ крейсерамъ было поручено исполнять ту службу, для которой крейсера вообще только и существуютъ при эскадрахъ. Всѣ эти случаи я отмѣчу, и это будетъ тѣмъ болѣе, легко, что ихъ всего-то было 2 или 3. Но развѣ такія посылки на 20—30 миль одного или двухъ крейсеровъ три раза за 13 дней приближенія къ непріятельской базѣ можно назвать развѣдками? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ, и если командующему эскадрой иногда и приходила фанта-

зія послать тотъ или другой крейсеръ на 20 или 30 миль впередъ, то это, повидимому, дѣлалось для того, чтобы оправдать громкое названіе развѣдочнаго отряда, данное этимъ четыремъ крейсерамъ, шедшимъ на 3 кабельтова впереди флагманскаго корабля «Суворовъ», на которомъ обыкновенно все открывавшееся впереди на горизонтѣ бывало замѣчаемо раньше, чѣмъ на судахъ этого отряда, что совершенно понятно, такъ какъ на «Суворовѣ» сигнальщиковъ было въ 5 разъ больше, чѣмъ на каждомъ изъ этихъ крейсеровъ и, конечно, ужъ лучшіе сигнальщики плавали на флагманскомъ кораблѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ крейсеровъ, годныхъ для развѣдочной службы, было болѣе чѣмъ достаточно, не говоря уже про «Уралъ» съ его сильнымъ телеграфнымъ аппаратомъ, «Кубань», «Терекъ», «Ріонъ», «Днѣпръ», «Свѣтлана», «Алмазъ», «Жемчугъ» и «Изумрудъ», всѣ они могли развить очень хорошій ходъ, около 20 узловъ (кромѣ «Терека», который врядъ ли бы далъ больше 17). Первые пять изъ нихъ имѣли громадный запасъ угля и большой видимый горизонтъ и вмѣстѣ съ четырьмя послѣдними составляли бы такую развѣдочную сѣть, что эскадра могла бы быть предупреждена задолго до приближенія непріятеля.

А такъ, какъ мы шли, непріятель могъ въ любой моментъ застигнуть насъ врасплохъ и поразить внезапностью, какъ это и вышло предъ Цусимскимъ боемъ, когда эскадра не успѣла перестроиться.

Въ полдень мы были въ широтѣ =18°2′ сѣверной, долготѣ=117°55′ восточной. Ночь прошла спокойно, и на слѣдующій день, 5-го мая, въ 5¼ часовъ утра, въ широтѣ=19°30′ сѣверной, долготѣ=119°46′ восточной, по сигналу, застопорили машины, спустили паровые катера и барказы и начали погрузку угля гребными судами съ транспортовъ. Крейсерамъ «Рiонъ», «Днѣпръ», «Кубань» и «Терекъ» было приказано во время погрузки держаться въ предѣлахъ видимости сигналовъ, т. е. опять-таки въ разстояніи не болѣе 25—30 кабельтовыхъ.

Мы думали, что командующій эскадрой воспользуется этой, какъ тогда казалось, можетъ, послѣдней остановкой предъ боемъ и соберетъ къ себѣ командировъ на совѣтъ, чтобы объяснить имъ, какія его намѣренія въ предстоящемъ бою, на что онъ считаетъ нужнымъ обратить особое вниманіе и какъ онъ намѣренъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Еще во время стоянки въ бухтѣ Куабе я ожидалъ та-

кого совѣта. Я даже надѣялся на то, что старшіе судовые артиллерійскіе офицеры будутъ собраны на адмиральскомъ кораблѣ и что тамъ флагманскій артиллеристъ дастъ имъ указанія, какъ управляющимъ огнемъ на своихъ судахъ, согласно намѣреніямъ адмирала. Ни того ни другого во время соединенія сдѣлано не было; но такъ какъ я не допускалъ мысли, что адмиралъ Рожественскій вовсе не желаетъ сообщать своихъ намѣреній, то я, естественно, думалъ, что совѣтъ командировъ будетъ собранъ въ морѣ, чтобы, незадолго до боя, внушить имъ тѣ наставленія адмирала, которыми они должны будутъ руководствоваться. Всѣ морскіе тактики соглашаются въ томъ, что для того, чтобы адмиралъ и его эскадра составляли дѣйствительно одно цѣлое, отъ адмирала требуется, чтобы онъ сумѣлъ внушить и привить командирамъ свои взгляды настолько, чтобы они, дѣйствуя самостоятельно, дѣлали именно то, что въ данномъ случаѣ дѣлалъ бы самъ адмиралъ, будучи перенесенъ къ нимъ на корабль. Если такого единомыслія уже въ то время создать нельзя было, такъ какъ для этого недостаточно собрать командировъ одинъ разъ на военный совѣтъ передъ боемъ, то во всякомъ случаѣ о главныхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ

адмирала командиры должны были быть поставлены въ извѣстность.

Но вотъ въ 5 часовъ вечера окончили погрузку угля, по сигналу подняли шлюпки и, выстроившись въ походный строй, легли на островъ «Батанъ» по курсу NO 72°. Мои ожиданія не оправдались. Вечеромъ этого дня на броненосцѣ «Апраксинъ» было поврежденіе въ машинѣ, и потому всю ночь эскадра шла малымъ ходомъ. Въ 10 часовъ вечера на правомъ траверзѣ былъ замѣченъ пароходъ, который «Олегу» было приказано задержать.

Задержанный пароходъ оказался англійскимъ, по имени «Oldhamia». На слѣдующій день утромъ, по случаю царскаго дня, расцвѣтились флагами и произвели положенный салютъ въ 31 выстрѣлъ. Утромъ этого же дня, около 8 часовъ, былъ задержанъ «Жемчугомъ» другой пароходъ, впослѣдствіи оказавшійся на службѣ у японцевъ, который, однако, вскорѣ былъ отпущенъ. Въ полдень широта = 190° 52′ сѣверная; долгота—120° 52′ восточная. Транспорту «Ливонія» было приказано подойти къ задержанному пароходу и, оставартовившись съ нимъ бортъ объ бортъ, производить на немъ погрузку угля, а «Олегу» немедленно снять всѣхъ англичанъ съ парохода. Около 5 часовъ

на «Суворовѣ» былъ поднятъ сигналъ: «Требуется внимательность, сегодня ночью особенно». Продолжали итти малымъ ходомъ, и ночь прошла совершенно спокойно. 7-го мая, въ 8 часовъ, прошли траверзъ острова «Balintang» и вышли въ Тихій океанъ, курсъ NO 50°. Ясно стало одно, что адмиралъ не поведетъ эскадру Формозскимъ проливомъ, и оставался только вопросъ, предпочтетъ ли онъ итти между Японіей и материкомъ, или же, обогнувъ южные Японскіе острова и пройдя много мористѣе, онъ постарается черезъ Сангарскій проливъ прорваться во Владивостокъ. Оба плана имѣли свои преимущества и недостатки. Въ первомъ случаѣ мы непремѣнно должны были проходить узкимъ Цусимскимъ проливомъ, гдѣ пройти незамѣченными не было бы никакой возможности; съ этой же стороны было большинство японскихъ военныхъ портовъ, и если бы японцы дали намъ бой гдѣ-нибудь около Цусимы, то мы были бы въ разстояніи около 600 миль отъ своей базы, тогда какъ имъ оттуда до своихъ портовъ было бы рукой подать. Второй же планъ, повидимому, имѣлъ много болѣе преимуществъ, такъ какъ до Сангарскаго пролива легко было пройти незамѣченными; если бы намъ пришлось вступить въ бой въ самомъ

проливѣ или тотчасъ пройдя его,—нашимъ судамъ до Владивостока оставалось бы всего около 350 миль; единственный большой японскій военный портъ вблизи этого мѣста былъ Майдзуру въ разстояніи около 250 миль, остальные же были еще гораздо дальше; атаки японскихъ миноносцевъ въ этомъ мѣстѣ были менѣе вѣроятны, чѣмъ въ узкомъ Корейскомъ проливѣ; минныхъ заграждeній въ Сангарскомъ проливѣ мы встрѣтить не могли; объ этомъ позаботилась сама природа, такъ какъ при большой глубинѣ на томъ быстромъ теченіи, которое тамъ существуетъ, постановка этихъ минъ невозможна.

Зато проходъ Корейскимъ проливомъ, передъ послѣднимъ планомъ имѣлъ то громадное преимущество, что можно было отпустить всѣ транспорты уже около Шанхая и этимъ сбросить съ себя громадную обузу. Слѣдуя же Тихимъ океаномъ, пришлось бы держать ихъ при эскадрѣ почти до Сангарскаго пролива и затѣмъ уже оттуда отправлять подъ прикрытіемъ весьма слабыхъ силъ, т. е. тѣхъ же вспомогательныхъ крейсеровъ, въ какой-нибудь нейтральный портъ.

Весь вопросъ заключался въ томъ, желалъ ли адмиралъ встрѣчи съ японскимъ флотомъ до прихода во Владивостокъ, или нѣтъ. Каза-

лось, ему нельзя было желать этой преждевременной встрѣчи: уже не говоря о томъ, что японскій флотъ былъ порядочно-таки сильнѣе нашей эскадры (не стану этого доказывать, такъ какъ объ этомъ достаточно писалъ г. Кладо въ своихъ статьяхъ передъ отправленіемъ 3-й эскадры), мы, пройдя во Владивостокъ, были бы подкрѣплены 3-мя крейсерами, которые насъ тамъ ожидали. Да и затѣмъ адмиралу отлично было извѣстно, на какую стрѣльбу онъ можетъ разсчитывать у себя на эскадрѣ, и врядъ ли онъ могъ думать, что японцы стрѣляютъ значительно хуже насъ, а во Владивостокѣ мы, можетъ быть, могли бы получить снаряды и попрактиковаться.

Около 9 ч. утра адмиралъ поднялъ сигналъ «Олегу»: «Вы передадите англичанъ, снятыхъ съ «Oldhamia», не на «Аврору», а на госпиталь «Орелъ», такъ какъ ихъ надо доставить во Владивостокъ невредимыми».

Затѣмъ «Ливоніи» было приказано перегрузить на призовой пароходъ 70 тоннъ угля. Въ полдень широта=20°40′ сѣверная; долгота =122°4′ восточная. Ночь прошла спокойно.

8 мая, въ 7 часовъ утра, остановили машины, чтобы принять команды, работавшія на «Ли-

воніи». Въ 9 часовъ «Изумрудъ» поднялъ сигналъ: «пароходъ на N», но пароходъ этотъ не останавливали, и онъ прошелъ съ эскадрой контръ-курсами; затѣмъ «Кубани» было приказано снабдить призъ «Oldhamia» всѣмъ необходимымъ, такъ какъ онъ отдѣлялся по неизвѣстному назначенію. Въ полдень широта =22°26′ сѣверная; долгота=125°4′ восточная. Курсъ NO 35°. Въ 2 часа приказано «Жемчугу» сдѣлать развѣдку на 12 миль и «Олегу» поддерживать «Жемчуга», а въ 5 часовъ на «Суворовѣ» былъ поднятъ сигналъ: «Завтра, если погода позволитъ, будетъ погрузка угля». Къ вечеру погода начала портиться; около 9 часовъ вышли изъ тропиковъ.

На слѣдующій день, 9 мая, вслѣдствіе большой зыби и вѣтра, погрузка была отмѣнена; около 7 часовъ измѣнили курсъ на NW 23°. Развѣдочному отряду было приказано быть въ строѣ «клина», а вспомогательный крейсеръ «Терекъ» отдѣлился отъ эскадры и пошелъ по неизвѣстному назначенію на NO. На прощаніе съ «Суворова» ему былъ сдѣланъ сигналъ: «Желаю благополучнаго плаванья». Въ этотъ день былъ совершенно измѣненъ дневной строй эскадры: транспорты и днемъ продолжали итти между колоннами боевыхъ судовъ, а сзади

нихъ, вмѣстѣ 3-го броненоснаго отряда, были поставлены крейсера «Мономахъ» и «Донской», боевыя же суда были расположены слѣдующимъ образомъ: впереди въ строѣ клина развѣдочный отрядъ, затѣмъ въ правой колоннѣ впереди 1-ый броненосный отрядъ: «Суворовъ», «Александръ III», «Бородино», «Орелъ»; за нимъ 3-ій броненосный отрядъ: «Николай», «Апраксинъ», «Сенявинъ», «Ушаковъ»; лѣвая колонна—2-ой отрядъ: «Ослябя», «Сисой», «Наваринъ», «Нахимовъ» и за ними крейсера: «Олегъ», «Аврора», «Днѣпръ», «Ріонъ».

Этотъ строй уже вовсе не обладалъ вышеизложенными преимуществами прежняго дневного строя и, въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля, быстро перестроиться изъ него въ боевую кильватерную колонну уже было трудно, а транспортамъ выбраться изъ середины боевыхъ судовъ еще труднѣе. Въ виду чего адмиралъ выбралъ такой строй, не совсѣмъ понятно. Въ полдень широта=25°9′ сѣверная; долгота =126° 14′ восточная. Тутъ я хочу сказать нѣсколько словъ о подраздѣленіи эскадры на отряды. Обыкновенно такое раздѣленіе дѣлается, имѣя въ виду отдѣльныя дѣйствія, которыя могли бы быть поручены въ бою одному отряду, а для успѣха ихъ суда такого отряда

должны быть, по возможности, однотипными, обладать одинаковыми скоростями и дальнобойностью артиллеріи и т. д.

У насъ же на эскадрѣ подраздѣленіе это было основано на совершенно неясныхъ причинахъ, причемъ въ группы были соединены такія суда, которыя ни по артиллеріи, ни по ходу не подходили другъ къ другу. Человѣку, не посвященному въ тайны нашей эскадры, могло бы показаться, что 1-ый броненосный отрядъ составляетъ совершенно однотипную группу, и, взявши какой-нибудь морской альманахъ, онъ пришелъ бы къ убѣжденію, что дѣйствительно не ошибся; на самомъ же дѣлѣ, ходъ этихъ четырехъ броненосцевъ, который на бумагѣ былъ у всѣхъ 17 узловъ, сохранился въ дѣйствительности только у трехъ: «Суворова», «Александра III» и «Орла», «Бородино» же, послѣ прибытія эскадры къ берегамъ Индо-Китая, уже не могъ дать такого хода и, казалось бы, что было бы логичнымъ замѣнить его въ этой группѣ броненосцемъ «Ослябя», который хотя и отличался отъ этихъ кораблей бронированіемъ и радіусомъ циркуляціи, но зато имѣлъ съ ними одинаково дальнобойную артиллерію и могъ развить одинаковый съ ними ходъ.

Во второй группѣ броненосецъ «Ослабя» съ ходомъ въ 18 узловъ и дальнобойной артиллеріей соединенъ съ броненосцами «Сисой Великій» и «Наваринъ» съ гораздо меньшимъ ходомъ въ 13 узловъ и, наконецъ, со старымъ броненоснымъ крейсеромъ «Нахимовъ», артиллерія котораго такъ же, какъ и артиллерія «Наварина», била дѣйствительно не далѣе, какъ на 45 кабельтовыхъ.

Наконецъ, въ 3-мъ отрядѣ «Николай» по своему вооруженію совершенно не подходилъ къ своимъ товарищамъ, броненосцамъ береговой обороны, съ которыми онъ имѣлъ общаго только одну скорость, и какъ бы самъ напрашивался въ группу къ «Нахимову» и «Наварину».

Я заговорилъ о подраздѣленіи на группы, такъ какъ такая система практикуется на всѣхъ благоустроенныхъ эскадрахъ, — а мы такимъ эскадрамъ старались подражать,—для боя же безъ всякаго плана, какимъ былъ Цусимскій, вообще, не нужно было никакого подраздѣленія эскадры на отряды.

День прошелъ въ обыденныхъ ученіяхъ. Кромѣ «Терека», отъ эскадры отдѣлились вспомогательный крейсеръ «Кубань» и задержанный пароходъ «Oldhamia». Къ вечеру вѣтеръ

началъ стихать; луна въ этотъ вечеръ должна была взойти около 10 часовъ, но было облачно, и почь была темная. Становилось все холодпѣе и холодпѣе. Въ 10 часовъ съ «Суворова» передали, что впереди по курсу видѣли лучъ прожектора, но, несмотря на то, что на нашемъ кораблѣ также очень внимательно смотрѣли, у насъ ничего не было замѣчено. Ошиблись ли на «Суворовѣ», или же прозѣвали у насъ, такъ и оставалось неизвѣстнымъ, но ночью ничто не нарушило спокойствія плаванія, и на слѣдующій день, 10 мая, пользуясь штилемъ, адмиралъ приказалъ въ 5 часовъ утра остановиться и производить погрузку угля. Что означала эта погрузка? Вотъ вопросъ, который мы всѣ себѣ задавали, такъ какъ на всѣхъ судахъ, даже на броненосцахъ береговой обороны, угля было достаточно, чтобы дойти до Владивостока хотя бы кружнымъ путемъ, Сангарскимъ проливомъ. Если же адмиралъ разсчитывалъ вскорѣ дать бой, а это было весьма возможно, въ виду того, что мы плавали уже въ японскихъ водахъ, то такая погрузка была даже опасна, потому что изъ-за принимаемыхъ громадныхъ количествъ угля, вдвое болѣе противъ усиленнаго запаса (на «Орлѣ» усиленный запасъ 1100 тоннъ, принимали 2200), изъ броненосцевъ дѣлались не

бронированныя суда, такъ какъ поясная броня погружалась въ воду. Кромѣ того, у 4 главныхъ броненосцевъ, у которыхъ остойчивость и безъ того была одной изъ слабыхъ сторонъ, она отъ такихъ ненормальныхъ грузовъ значительно ухудшалась. Единственное объясненіе, которое могли придумать этой погрузкѣ, было то, что адмиралъ рѣшилъ вести эскадру Сангарскимъ проливомъ.

Въ полдень, по приказанію съ «Суворова», сняли военныя команды съ транспортовъ, широта =27°15′ сѣверная; долгота =125°21′ восточная. Въ тотъ же день былъ полученъ приказъ адмирала Рожественскаго, въ которомъ сказано: «Ожидать боя ежечасно». По приказу, миноносцы должны ночью итти впереди эскадры въ строѣ фронта и отгонять встрѣчныя суда, а также разстрѣливать плавучія мины и, въ случаѣ опасности, предупреждать о ней эскадру подъемомъ прожектора вверхъ на 45°.

Къ 4 часамъ прекратили погрузку и пошли не на Ost, какъ мы всѣ ожидали, а на West. По тому, какъ часто подымались сигналы на флагманскомъ броненосцѣ, можно составить себѣ понятіе о нервномъ состояніи, въ которомъ находился адмиралъ: въ теченіе $1^1/_2$ часовъ, отъ $3^1/_2$ до 5 часовъ, было сдѣлано на «Суворовѣ» 50

разныхъ сигналовъ, не считая флага (Б), т. е. больше ходъ. Ночь прошла достаточно спокойно, было пасмурно, временами шелъ дождь.

11-го мая адмиралъ снова съ утра измѣнилъ нашъ походный строй въ томъ смыслѣ, что въ головѣ лѣвой колонны шелъ «Николай», за нимъ броненосцы береговой обороны и крейсера.

Правую же колонну составляли попрежнему «Суворовъ», Александръ», «Бородино», «Орелъ» и за ними «Ослябя», «Сисой», «Наваринъ», «Нахимовъ». Транспорты по-старому продолжали итти въ двухъ колоннахъ по серединѣ. Собственно говоря, никакого существеннаго измѣненія въ строю сдѣлано не было, должно быть, этотъ порядокъ былъ вызванъ смертью адмирала Фелькерзама, который скончался вечеромъ 10-го мая. Смерть его, по желанію адмирала Рожественскаго, не была извѣстна на эскадрѣ, и о ней знали только на его флагманскомъ кораблѣ и на «Ослябѣ», остальные же всѣ чины эскадры, не исключая и слѣдующаго за нимъ по передачѣ командованія адмирала Небогатова, узнали о ней только послѣ боя въ японскомъ плѣну. Флагъ адмирала Фелькерзама продолжалъ развѣваться на «Ослябѣ» до самой гибели этого броненосца. Въ полдень

широта=29°37′ сѣверная; долгота=124°7′ восточная. Курсъ NW 23°.

Въ 2 часа на «Суворовѣ» былъ поднятъ слѣдующій сигналъ: «Ріонъ» и «Днѣпръ», завтра съ разсвѣтомъ предполагается отдѣлить транспорты, конвоированіе которыхъ поручаю вамъ до восточнаго меридіана 122°20′, послѣ чего итти по назначенію, вамъ итти, не соблюдая строя, съ транспортами и имѣть наблюденіе за ихъ безопасностью отъ непріятельскихъ крейсеровъ». Вечеръ прошелъ спокойно, на горизонтѣ видѣли нѣсколько джонокъ, и «Дмитрій Донской» замѣтилъ паровое судно. Если мы до сихъ поръ и могли думать (безъ всякаго, впрочемъ, основанія), что мы прошли незамѣченными, то теперь, во всякомъ случаѣ, наше присутствіе было уже, навѣрное, извѣстно, слишкомъ уже близко подошли мы къ той большой дорогѣ, по которой ежедневно проходятъ десятки судовъ. Теперь приходилось быть вдвойнѣ осторожными, и съ этого времени мало кто могъ думать о снѣ или отдыхѣ. На слѣдующее утро, 12-го мая, было пасмурно и хмуро, вѣтеръ сильно засвѣжѣлъ отъ S-да, шли по курсу NW 80°. Въ 8 часовъ утра на «Суворовѣ» показали широту 31° 11′ сѣверную и долготу 123° восточную и транспортамъ, въ сопровожденіи «Днѣ-

пра» и «Ріона», было приказано отдѣлиться и итти по назначенію. На прощанье имъ съ «Суворова» былъ сдѣланъ сигналъ: «Адмиралъ изъявляетъ транспортамъ свое особенное удовольствіе за службу».

Въ 8 ч. 15 м. транспорты отдѣлились и пошли въ Шанхай.

Когда былъ сдѣланъ сигналъ транспортамъ, всѣ съ облегченіемъ вздохнули. Эскадра освобождалась отъ нихъ, и съ этого момента, въ случаѣ появленія непріятеля, уже болѣе не нужно было заботиться о ихъ безопасности и не надо было бы стѣсняться въ своихъ движеніяхъ. Но когда транспорты отдѣлились и пошли по назначенію, а адмиралъ въ 9 часовъ показалъ курсъ NO 70°, т. е. направленіе въ Корейскій проливъ, многіе на эскадрѣ съ удивленіемъ и тревогой увидѣли, что отдѣлились только нѣкоторые изъ транспортовъ, остальные же, какъ-то: «Анадырь», «Иртышъ», «Камчатка», «Корея» и два буксирныхъ парохода, «Русь» и «Свирь», остались при эскадрѣ. Что это значило? При такихъ условіяхъ эскадра производила впечатлѣніе бойца, котораго отправляютъ на кулачный бой, предварительно надѣвъ на него вериги.

Или, можетъ быть, адмиралъ рѣшилъ, въ случаѣ боя, ими пожертвовать и предоставить самимъ себѣ. Это было бы, конечно, жестоко, но все-таки лучше того, что было сдѣлано. На случай боя, адмиралъ отдѣлилъ для защиты ихъ всѣ крейсера и, такимъ образомъ, ослабилъ и безъ того уже достаточно слабую эскадру на 36—6-дюймовыхъ и 29—120-миллиметровыхъ орудій, поступившись при этомъ первымъ и главнѣйшимъ принципомъ морской тактики — «принципомъ сосредоточенія силъ». Крейсера въ эскадренномъ бою участія и не принимали и дѣйствительно занимались защитой транспортовъ, которыхъ они вполнѣ защитить, конечно, не были въ силахъ. Я не могу сказать, что мы были разбиты единственно изъ-за этого раздѣленія силъ, но этимъ, во всякомъ случаѣ, порядочно облегчена была задача японцамъ; кромѣ того, «Иртышъ» не могъ дать больше $9^2/_2$ узловъ ходу и таковъ, значитъ, долженъ былъ быть и нашъ эскадренный ходъ во время боя. Раньше я говорилъ о томъ, что не было собрано совѣта командировъ, не было разъяснено плана, который намѣренъ принять адмиралъ. Это совѣтуетъ дѣлать морская тактика, но это есть не болѣе, какъ совѣтъ, съ которымъ адмиралъ Рожественскій могъ и не со-

глашаться, желая, можетъ быть, поразить не только японцевъ, но и насъ какимъ-нибудь неожиданнымъ, совершенно новымъ маневромъ, но этотъ послѣдній принципъ есть 2×2=4 морской тактики и его бы не слѣдовало игнорировать.

Какъ бы то ни было, пошли дальше. Развѣдочный отрядъ теперь уже составляли «Свѣтлана», «Уралъ» и «Алмазъ»; оставшіеся транспорты въ одной кильватерной колоннѣ слѣдовали по серединѣ. Шли пятнузловымъ ходомъ, иногда прибавляли до 8, затѣмъ, по сигналу, опять уменьшали его. Погода была пасмурная, дулъ свѣжій зюйдъ, состояніе моря отъ 5—6 балловъ. У всѣхъ нервы были возбуждены до крайности. Въ 3 часа съ «Суворова» сдѣлали сигналъ: «Завтра съ разсвѣтомъ приготовиться имѣть 12 узловъ ходу». Вечеромъ приказано въ кильватерныхъ колоннахъ боевыхъ судовъ закрыть наружные отличительные огни, оставивъ лѣвой колоннѣ зеленые и въ правой красные огни. Въ эту ночь, конечно, мало кто спалъ, такъ какъ тутъ надо было ожидать, болѣе чѣмъ когда бы то ни было, атакъ японскихъ миноносцевъ. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что они знаютъ и то, что мы идемъ и гдѣ мы идемъ; единственно, что могло имъ помѣшать,

это большая зыбь, разведенная дувшимъ цѣлый день свѣжимъ южнымъ вѣтромъ. Ночью шли малымъ ходомъ, около 5 узловъ; было ясно, что адмиралъ Рожественскій нарочно, въ виду какихъ-то особенныхъ причинъ, медлитъ. Какія же могли быть эти причины? Единственное разумное объясненіе такого замедленія состояло въ томъ, что, можетъ быть, даны были по телеграфу какія-нибудь приказанія крейсерамъ и миноносцамъ, находившимся во Владивостокѣ, и ихъ дѣйствія въ одно и то же опредѣленное время должны были быть связаны съ нашими. Потомъ оказалось, что ничего подобнаго сдѣлано не было; но не могли же мы, въ самомъ дѣлѣ, быть настолько проницательными, чтобы понять, что адмиралъ медлитъ потому, что боится тяжелаго 13-го числа и подгоняетъ бой ко дню Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ.

Впослѣдствіи оказалось, что если бы эскадра ночью съ 12-го на 13-е подошла къ Корейскому проливу, въ которомъ японцы держали на наблюдательныхъ постахъ много мелкихъ крейсеровъ, она безпрепятственно могла бы пройти самое узкое мѣсто, Цусиму, такъ какъ очень свѣжая погода заставила разставленныя для наблюденій непріятельскія суда покинуть

на эти сутки свои посты и укрыться въ своей базѣ, которой, кажется, былъ портъ «Мозампо».

Только на слѣдующій день, 13-го мая, послѣ ночи, полной напряженнаго ожиданія, въ $8^1/_4$ часовъ утра, было приказано броненосцамъ и развѣдочному отряду имѣть 9 узловъ хода, но не для того, чтобы быстрѣе подвигаться впередъ, такъ какъ транспортамъ было приказано отдѣлиться и итти 5 узловъ, а для того, чтобы дѣлать эволюціи. Это первый и единственный разъ, что на соединенной эскадрѣ дѣлались эволюціи со времени ея соединенія въ Куабе, за одинъ только день до боя, а это невольно наводитъ на мысль, что эволюціи дѣлались не съ цѣлью практики для командировъ, а единственно для того, чтобы оттянуть моментъ вѣроятной встрѣчи до слѣдующаго дня, 14-го мая. Въ полдень кончили эволюціи и подошли къ транспортамъ. Вѣтеръ началъ стихать, широта = 32°27′ сѣверная; долгота = 126°30′ восточная. Въ $12^1/_4$ часовъ присутствіе невдалекѣ непріятеля было въ первый разъ обнаружено броненосцемъ «Николай I», который поднялъ сигналъ: «Непріятель производитъ сигнализацію телеграфомъ безъ проводовъ».

Въ 1 ч. 5 м. на «Суворовѣ» былъ сдѣланъ сигналъ: «Непріятельскіе развѣдчики видятъ

нашъ дымъ и много между собой телеграфируютъ», а черезъ полчаса: «Слѣдуетъ ожидать сегодня ночью повторныхъ минныхъ атакъ». Море все болѣе и болѣе утихало и было совершенно ясно, что завтрашній день именно тотъ, когда, наконецъ, произойдетъ та встрѣча, которая сразу рѣшитъ участь войны. Для всѣхъ, даже тѣхъ, которые совершенно не вѣрили въ успѣхъ, эта встрѣча была желанной, слишкомъ истомились всѣ въ долгомъ ожиданіи, слишкомъ были натянуты у всѣхъ нервы и многіе предпочитали конецъ этому мучительному ожиданію. Всѣ какъ бы воспрянули духомъ, на лицахъ у всѣхъ было написано удовольствіе, что вотъ завтра, наконецъ, все рѣшится.

Въ 2 ч. 30 м. снова начались эволюціи, которыя продолжались до $4^1/_2$ часовъ.

Въ 4 ч. 30 м. на «Суворовѣ» былъ поднятъ сигналъ: «Приготовиться къ бою». «Завтра съ подъемомъ флага поднять стенговые флаги». «Во время боя имѣть лучшаго телеграфиста у аппарата».

Въ 5 часовъ съ «Суворова» сигналъ: «По телеграфнымъ знакамъ хорошо вижу, что возлѣ насъ переговариваются 7 непріятельскихъ кораблей». Дѣйствительно, знаки на пріемныхъ аппаратахъ всѣхъ судовъ эскадры начали полу-

чаться совершенно отчетливо. Передъ ужиномъ было приказано всей эскадрѣ имѣть къ завтрашнему дню пары разведенными для полнаго хода.

Въ ожиданіи усиленныхъ минныхъ атакъ ночью и боя на слѣдующее утро, всѣ, конечно, находились въ сильномъ возбужденіи; каждый осматривалъ свою часть и старался увидѣть, нѣтъ ли какого-нибудь недостатка, къ защитѣ ея, который можно было бы еще поправить. Все, что возможно, было, кажется, пущено въ ходъ для защиты отъ осколковъ и снарядовъ. Мѣшки съ углемъ, стальной и пеньковый тросъ, сѣти минпаго загражденія—все было использовано. Несмотря на запрещеніе адмирала Рожественскаго, приказавшаго не выкидывать дерева, о чемъ его два раза запрашивали при выходѣ изъ Носси-бе и пройдя Сингапуръ, нѣкоторые командиры взяли на себя отвѣтственность и выкинули за бортъ изъ деревянныхъ вещей все то, что было возможно.

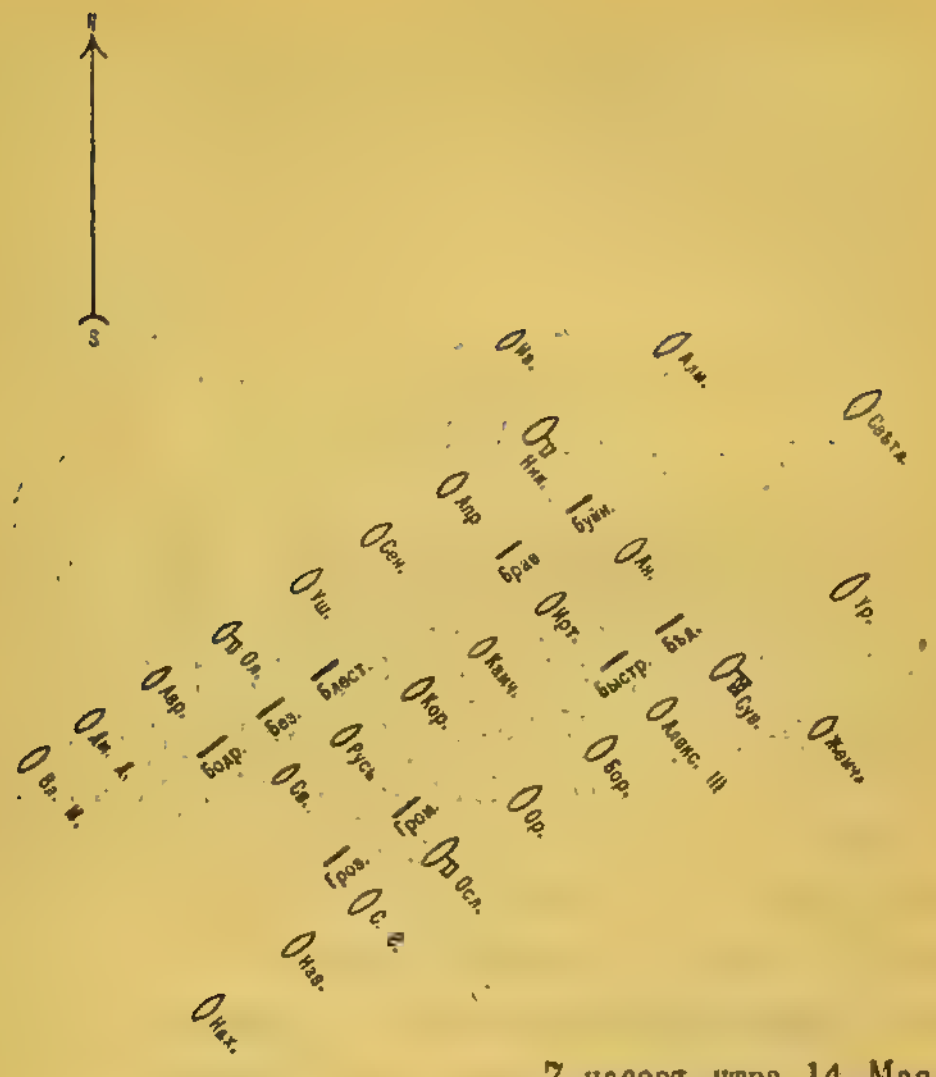
Въ эту ночь, конечно, большинство офицеровъ и команды не спало, ожидая минныхъ атакъ. Если бы людямъ даже разрѣшено было уйти спать, я думаю, и тогда они остались бы дежурить у орудій. На ночь наружные огни опять были закрыты, но огни, обращенные къ адмиралу, даже и въ эту самую опасную въ

отношеніи минныхъ атакъ ночь было приказано оставить зажженными. Была пасмурная, холодная и очень темная ночь; луна должна была взойти около 12 часовъ, но послѣ ея восхода не сдѣлалось свѣтлѣе, такъ какъ въ воздухѣ стояла какая-то мгла. Часъ за часомъ въ постоянномъ ожиданіи атаки проходила эта для многихъ послѣдняя ночь и, казалось, безконечно долго тянулись часы. Но атаки все не было и уже начинало свѣтать. Мы поздравляли другъ друга, что японцы упустили случай насъ атаковать, а они, оказывается, берегли всѣ свои миноносцы для того, чтобы добивать насъ послѣ боя.

ГЛАВА II.

Наконецъ насталъ роковой день 14 мая. Около 5 часовъ утра справа по носу эскадры показался коммерческій пароходъ, который, увидѣвъ насъ, сейчасъ же повернулъ отъ эскадры и черезъ нѣсколько времени скрылся изъ виду—это было весьма подозрительно, но за нимъ никто вдогонку посланъ не былъ (по рапорту Того, это былъ Shinano maru). Несмотря на то, что небо было безоблачно, въ воздухѣ стояла какая-то мгла, которую лучи солнца не были въ состояніи разсѣять. Эта мгла продержалась весь день, такъ что дальше 70 кабельтовыхъ уже ничего не было видно. Вѣтеръ SW около 4 балловъ, на морѣ зыбь отъ 3—4 балловъ. Къ 7 час. утра эскадра шла въ слѣдующемъ порядкѣ: (См. планъ на слѣд. страницѣ).

Въ 6 часовъ утра съ крейсера «Адмиралъ Нахимовъ» былъ сдѣланъ сигналъ: «Вижу не-



7 часовъ утра 14 Мая
курсъ NO 60.
Скорость около 10 узловъ.

пріятельскій корабль на правомъ траверзѣ». Это былъ японскій крейсеръ «Идзуми». На телеграфномъ пріемномъ аппаратѣ все время получались непріятельскія депеши; уже впослѣдствіи, въ плѣну, я узналъ по этому поводу совершенно необъяснимый случай: когда наканунѣ

знаки на пріемныхъ аппаратахъ начали получаться настолько интенсивно, что ясно стало, что японскіе развѣдчики слѣдуютъ совершенно вблизи насъ, крейсеръ «Уралъ», на которомъ былъ установленъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ аппаратовъ, имѣющихся на судахъ всего міра, для отправленія депешъ на 700 миль, въ концѣ концовъ не выдержалъ и самъ по семафору просилъ разрѣшенія адмирала мѣшать японцамъ телеграфировать. Если бы на нашей эскадрѣ были предварительно разобщены пріемные аппараты, а затѣмъ началъ бы телеграфировать «Уралъ», онъ, во всякомъ случаѣ, если бы и не пережегъ непріятелю (что, впрочемъ, было бы весьма возможно) его аппаратовъ, то настолько разстроилъ и испортилъ бы имъ станціи, что они долгое время лишены были бы возможности переговариваться. Но на сигналъ «Урала» адмиралъ Рожественскій приказалъ отвѣтить болѣе чѣмъ страннымъ сигналомъ, переданнымъ по семафору: «Не мѣшать японцамъ телеграфировать». Это уже было до того странно, что я не повѣрилъ этому разсказу и считалъ его простой сплетней, пока самъ отъ офицеровъ штаба адмирала не узналъ, что это дѣйствительно было такъ.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Обидно было читать одно мѣсто рапорта японскаго адмирала Того, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Хотя наша эскадра и была еще въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль отъ непріятеля, но, благодаря сообщеніямъ нашихъ крейсеровъ, мы знали его расположеніе и всѣ движенія такъ, какъ будто онъ былъ передъ нашими глазами».

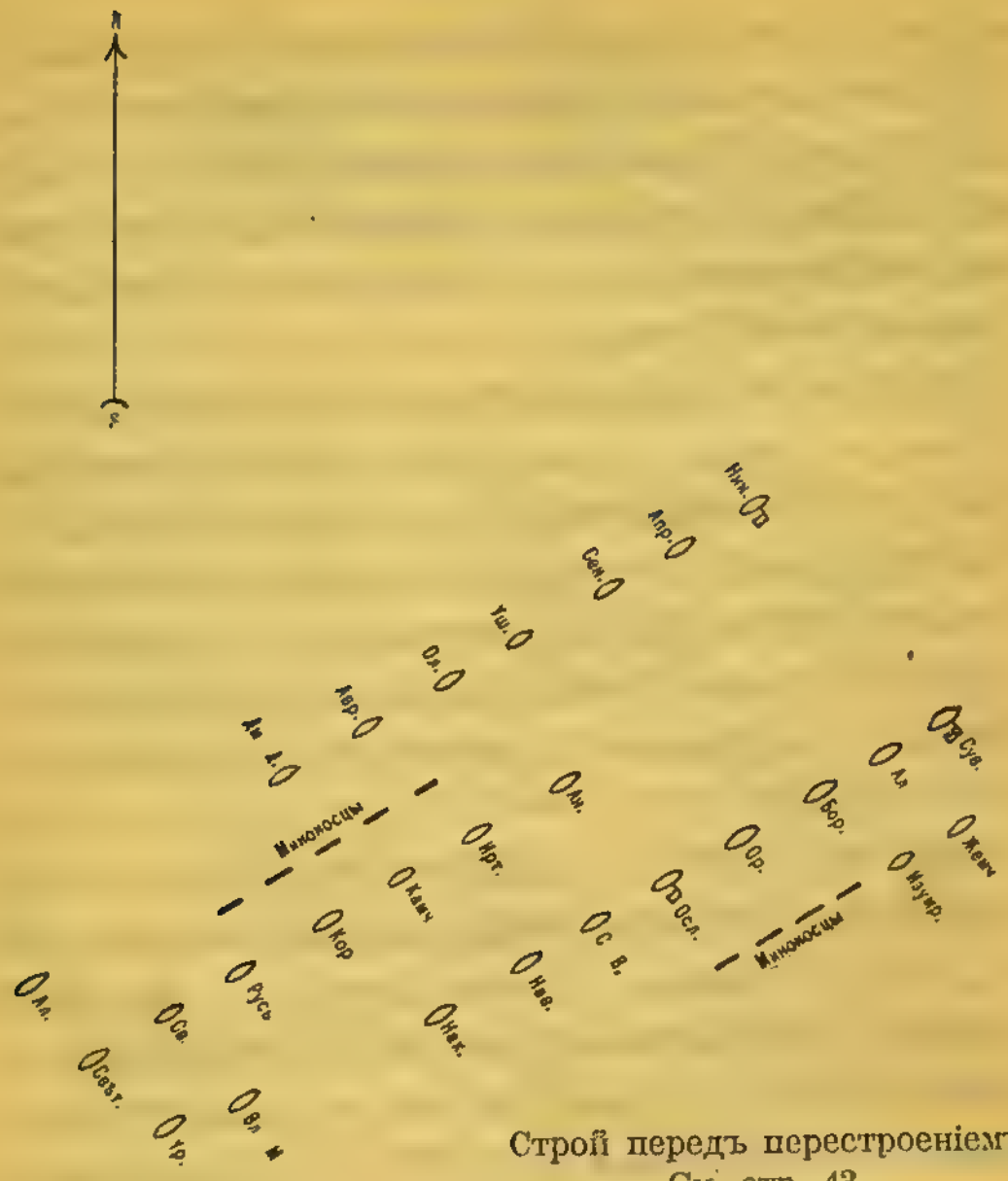
Около 8 часовъ съ «Суворова» было приказано, такъ называемому, «развѣдочному отряду» вступить въ тылъ эскадрѣ. По этому сигналу крейсеръ «Свѣтлана» вступилъ въ кильва́теръ транспортамъ. «Уралъ» расположился съ правой и «Алмазъ» съ лѣвой стороны отъ него. Тутъ же было приказано крейсеру «Владиміръ Мономахъ» быть съ правой стороны транспортовъ.

Крейсеръ «Идзуми» въ это время уже поровнялся съ нами и шелъ на правомъ траверзѣ эскадры въ разстояніи отъ 55 до 60 кабельтовыхъ. Съ «Суворова» было приказано сигналомъ 1-ому и 2-ому броненосному отрядамъ наводить въ него орудія праваго борта и кормовыя башни, но никакихъ распоряженій не дѣлалось о томъ, чтобы отогнать его, тогда какъ достаточно было послать «Олега» и «Аврору», которые не только отогнали бы его, обладая гораздо бо́льшимъ

противъ него ходомъ, но и очень быстро могли нанести ему очень тяжелыя поврежденія, а можетъ быть, и совсѣмъ потопить его; въ случаѣ же появленія главныхъ непріятельскихъ силъ, они, благодаря своему ходу, сейчасъ же могли вернуться къ эскадрѣ.

Около 8½ часовъ строй былъ слѣдующій: правая колонна—1-ый броненосный отрядъ, за нимъ 2-ой броненосный отрядъ. Лѣвая колонна—3-ій броненосный отрядъ, за нимъ крейсерскій отрядъ. По серединѣ, отставши отъ траверза «Осляби», транспорты, а сзади нихъ «Свѣтлана», «Уралъ», «Алмазъ», правѣе ихъ «Мономахъ». (См. планъ)!

Въ 9 ч. 45 м. съ лѣвой стороны на NW показались изъ мглы старые непріятельскіе крейсера: «Матсушима», «Итсукушима», «Хошидате» и старый, отобранный у китайцевъ, броненосецъ «Чинь-Іенъ» и легли на параллельный намъ курсъ въ разстояніи отъ 65 до 70 кабельтовыхъ. Въ это время былъ сдѣланъ сигналъ съ «Суворова» съ цѣлью перестроенія: «1 и 2 броненосные отряды имѣть 11 узловъ ходу, лѣвой колоннѣ и транспортамъ 9 узловъ». Въ 10 часовъ непріятельскіе крейсера, повернувъ послѣдовательно влѣво, отошли настолько, что ихъ еле стало видно, и опять легли на параллель-



Строй передъ перестроеніемъ.
См. стр. 43.

ный намъ курсъ. Въ 10 ч. 50 м. сигналъ адмирала: Съ «Суворова» будетъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ 12-дюймоваго орудія по «Идзуми». Повидимому, дерзость послѣдняго, который все продолжалъ итти съ правой стороны въ разстояніи около 50 кабельтовыхъ, наконецъ, надоѣла ад-

миралу, но выстрѣла такъ и не послѣдовало, потому что вниманіе было сразу обращено въ другую сторону. Въ то же время съ лѣвой стороны сзади показался новый непріятельскій отрядъ, который быстро шелъ, нагоняя эскадру сближающимися съ ней курсами. Когда онъ подошелъ ближе, мы могли опредѣлить составъ его: это были непріятельскіе быстроходные крейсера 2-го класса «Касаги», «Читозе», «Нитака» и «Цусима». Въ 11 ч. 10 м. суда правой колонны, по сигналу адмирала, повернули всѣ вдругъ на 2 румба влѣво, чтобы, такимъ образомъ, выстроить одну кильватерную колонну.

Непріятельскіе крейсера съ лѣвой стороны все приближались и въ концѣ концовъ были отъ ближайшихъ къ нимъ судовъ эскадры на разстояніи отъ 35 до 38 кабельтовыхъ. Они были плохо вооружены, не имѣли почти никакой защиты и приходилось только удивляться ихъ безграничной дерзости. Ждали сигнала «Открыть огонь», но его все не было и офицерамъ приходилось противъ собственной воли сдерживать наводившую въ эти крейсера прислугу орудій лѣваго борта. Комендоры у орудій буквально дрожали отъ волненія и страстнаго желанія разрядить свои орудія по этой недалекой и удобной цѣли. Если бы на «Суво-

ровѣ» былъ поднятъ сигналъ и приказано было бы со спускомъ его сдѣлать залпъ и затѣмъ продолжать огонь съ лѣваго борта всѣхъ судовъ эскадры, 4-мъ крейсерамъ непріятеля грозила бы неминуемая гибель. Съ первымъ залпомъ въ нихъ выпускалось около полутораста снарядовъ разныхъ калибровъ, отъ 77 мм. до 12-дюймоваго, и если считать, что попаданій было бы только отъ 5% до 6%, то и тогда въ нихъ попало бы около десятка снарядовъ; но скорострѣльныя орудія могли успѣть сдѣлать и по 2 или по 3 выстрѣла, пока бы эти крейсера удалились. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что крейсера отъ этого перваго интенсивнаго огня пострадали бы настолько, что уже не могли бы достаточно быстро уйти, и тогда наша эскадра, повернувъ на нихъ, доканала бы ихъ въ какія-нибудь 5 или 10 минутъ. Если бы это и не принесло какой-нибудь особенно существенной пользы, то, во всякомъ случаѣ, японцы лишились бы своихъ самыхъ быстрыхъ развѣдчиковъ, а у насъ на эскадрѣ сильно былъ бы поднятъ духъ личнаго состава этимъ первымъ успѣхомъ. На самомъ же дѣлѣ произошло слѣдующее: напрасно ожидали сигнала, сдерживая прислугу орудій до 11 ч. 20 м.; въ этотъ моментъ съ броненосца «Орелъ» былъ сдѣланъ

нечаянный выстрѣлъ изъ 6-дюймоваго орудія по «Касаги». Какъ только былъ услышанъ звукъ этого перваго выстрѣла, команду у орудій больше удержать было невозможно, и съ судовъ 3-яго броненоснаго отряда и слѣдующихъ за ними былъ открытъ безпорядочный огонь по непріятелю. Всего было сдѣлано около 30 выстрѣловъ, изъ которыхъ усмотрѣно было нѣсколько попаданій. Какъ только огонь былъ открытъ, съ «Суворова» сейчасъ же былъ сдѣланъ сигналъ: «Не бросать даромъ снарядовъ», и стрѣльба прекратилась.

Непріятельскіе же крейсера при первыхъ выстрѣлахъ всѣ вдругъ повернули влѣво и, отвѣтивъ нѣсколькими выстрѣлами, быстро удалились на разстояніе до 60 кабельтовыхъ и опять легли на курсъ, параллельный эскадрѣ. Другой же непріятельскій отрядъ, изъ крейсеровъ «Матсушима», «Итсукушима», «Хошидате» и броненосца «Чинь-Іенъ», въ 11 ч. 30 м. повернулъ послѣдовательно влѣво и эти суда скрылись изъ виду. Еще до перестрѣлки японскій крейсеръ «Идзуми», шедшій на правомъ траверзѣ, должно быть, сталъ держать много правѣе, такъ какъ скоро и его больше не стало видно во мглѣ.

Въ 11 ч. 30 м. сигналы съ «Суворова»: «Имѣть 8 узловъ ходу» и «Команда имѣетъ время обѣдать повахтенно».

Мало кто въ этотъ день обѣдалъ съ аппетитомъ, всѣ ждали, что вотъ-вотъ появятся главныя японскія силы. Около 11 ч. 55 м. показались на лѣвомъ траверзѣ японскіе крейсера 2-го класса «Чіода» и «Чихая» въ сопровожденіи миноносцевъ и легли на параллельный курсъ на разстояніи 70 кабельтовыхъ.

Въ полдень, по сигналу адмирала, легли на NO 23°, а черезъ 10 минутъ японскій отрядъ адмирала Дева, тотъ самый, по которому мы стрѣляли, идя очень большимъ ходомъ, пересѣкъ намъ путь въ 50 кабельтовыхъ впереди нашего курса и перешелъ на правую сторону. Увеличили ходъ до 9 узловъ. Острова Цусима, невдалекѣ отъ котораго мы находились, изъ-за мглы видно не было.

Въ 12 ч. 25 м. сдѣланъ сигналъ съ «Суворова»: «1-му и 2-му броненоснымъ отрядамъимѣть 11 узловъ ходу». Потомъ 2-му броненосному отряду былъ сдѣланъ отмѣнительный, а 1-му приказано повернуть послѣдовательно на 8 румбовъ вправо.

При исполненіи этого сигнала произошло нѣкоторое замѣшательство, такъ какъ «Бородино», повидимому, плохо разобравъ сигналъ, началъ поворачивать вдругъ, но, впрочемъ, сейчасъ же выправилъ ошибку и вступилъ въ свое

мѣсто. Отойдя приблизительно на 15 кабельтовыхъ отъ лѣвой колонны, первый отрядъ броненосцевъ повернулъ послѣдовательно на восемь румбовъ влѣво и, такимъ образомъ, образовалъ собой правую колонну. Въ 12 ч. 25 м. парусная джонка, идя на югъ, пересѣкла курсъ лѣвой колонны. «Ослябя», шедшій въ головѣ ея, а за нимъ и всѣ слѣдующія суда послѣдовательно огибали то мѣсто, въ которомъ былъ пересѣченъ путь эскадры, избѣгая, весьма возможно, выброшенныхъ тамъ плавучихъ минъ.

Въ 12 ч. 35 м. японскіе крейсера отряда адмирала Дева, шедшіе впереди эскадры съ правой стороны, выстроили строй фронта и продолжали итти по курсу съ правой же стороны.

Нашъ телеграфъ показывалъ, что японцы безпрерывно посылаютъ другъ другу депеши. Какъ оказалось, главныя ихъ силы были уже недалеко и какъ разъ поспѣли во время, чтобы воспользоваться послѣднимъ неудачнымъ расположеніемъ нашей эскадры, безъ сомнѣнія, сообщеннымъ имъ крейсерами Дева.

Въ 1 ч. 15 м. послѣдовалъ сигналъ съ «Сисоя Великаго»: «Вижу на Nord 6 кораблей». Въ 1 ч. 20 м. сдѣланъ сигналъ съ «Суворова»: «Имѣть 9 узловъ ходу»; въ этотъ моментъ шедшіе впереди эскадры непріятельскіе легкіе крей-

сера отряда Дева повернули «всѣ вдругъ» вправо. Въ это время 1-ый броненосный отрядъ находился на 15 кабельтовыхъ правѣе лѣвой колонны, которую велъ броненосецъ «Ослябя»; концевой корабль правой колонны «Орелъ» находился на его траверзѣ. «Жемчугъ», «Изумрудъ» и миноносцы 1-го отряда на правой раковинѣ «Орла» въ строѣ кильватера. Остальныя суда всѣ на прежнихъ мѣстахъ.

Въ 1 ч. 25 м. изъ мглы справа по носу показались главныя непріятельскія силы, шедшія со скоростью приблизительно 16 узловъ въ строѣ кильватера напересѣчку нашего курса. Въ 1 ч. 30 м. сигналъ на «Суворовѣ»: «Имѣть 11 узловъ ходу 1-му броненосному отряду», и затѣмъ: «2-му броненосному отряду вступить въ кильватеръ 1-му». Вмѣстѣ съ этимъ 1-й броненосный отрядъ началъ послѣдовательно поворачивать на 4 румба влѣво, чтобы подойти къ линіи кильватера лѣвой колонны. «Ослябя» же и слѣдующіе за нимъ въ кильватерѣ броненосцы лѣвой колонны уменьшили ходъ и послѣдовательно начали склоняться вправо, чтобы такимъ образомъ быстрѣе вступить въ линію. «Ослябя» находился еще на траверзѣ «Орла», когда «Суворовъ» открылъ огонь по шедшему головнымъ японскому броненосцу «Миказа» въ 1 ч. 50 м.

Черезъ нѣсколько моментовъ японцы стали отвѣчать, и бой начался по всей линіи. Транспорты, состоявшіе при нихъ крейсера, 2-й отрядъ миноносцевъ и госпитальныя суда, при появленіи непріятеля, уклонились вправо. Японская эскадра въ составѣ броненосцевъ: «Миказа», «Шикишима», «Фуджи», «Асахи», броненосныхъ крейсеровъ «Кассуга» и «Ниссинъ» и немного далѣе броненосныхъ крейсеровъ: «Идзумо», «Иватэ», «Асама», «Токива», «Якумо», «Адзумо», пересѣкши путь нашей линіи, пошла съ ней контръ-курсомъ въ разстояніи отъ 55 до 60 кабельтовыхъ, и когда головной ихъ броненосецъ «Миказа» дошелъ до траверза «Суворова», который въ это время открылъ огонь, онъ и за нимъ вся японская эскадра начали послѣдовательно ворочать влѣво и пошли сходящимся съ нами курсомъ на NO, преимущественно сосредоточивъ свой огонь на «Суворовѣ» и «Ослябѣ». Не могу сказать, чтобы этотъ послѣдній поворотъ японской эскадры на обратный курсъ послѣдовательно подъ огнемъ всей нашей эскадры былъ бы очень удачнымъ маневромъ; онъ, безъ сомнѣнія, былъ сдѣланъ для того, чтобы занять выгодное положеніе въ головѣ нашей эскадры, но самый этотъ поворотъ, во время котораго японскія суда створи-

лись и не имѣли возможности стрѣлять до тѣхъ поръ, пока они не повернутъ окончательно, былъ имъ крайне невыгоденъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ японская эскадра, обладая такимъ громаднымъ преимуществомъ въ ходѣ (почти вдвое противъ насъ), могла выполнить этотъ маневръ, пройдя правѣе и дальше внѣ нашихъ выстрѣловъ и затѣмъ, уже легши на параллельный курсъ, занять то же выгодное положеніе противъ головныхъ судовъ нашей эскадры.

Въ 2 ч. 5 м. «Суворовъ» ворочаетъ на 2 румба вправо. «Олегъ» и «Аврора», было пошедшіе за эскадрой, вслѣдствіе сигнала «Донского»: «Къ транспортамъ приближаются непріятельскіе крейсера», спѣшатъ къ транспортамъ и отдѣляются отъ главныхъ силъ. Японская эскадра, пользуясь своимъ ходомъ, расположилась съ лѣвой стороны немного впереди нашей эскадры, такъ что «Суворовъ» находится на траверзѣ 4-го японскаго корабля въ линіи; послѣдній же японскій крейсеръ приблизительно противъ «Николая I». Такое положеніе даетъ ей возможность сосредоточить всѣ свои силы противъ головной части нашей эскадры, что даетъ ей видимое преимущество; только часть японскихъ орудій стрѣляютъ по промежуточнымъ судамъ, главнымъ же образомъ убійствен-

ный огонь направленъ въ «Суворова» и «Ослябю», на которыхъ предполагаются адмиралы. Ближайшій японскій корабль отъ «Суворова» приблизительно въ 30 кабельтовыхъ.

Въ 2 ч. 10 м. «Суворовъ» поворачиваетъ на 2 румба влѣво и ложится на старый курсъ NO 23°, разстояніе еще сближается, и онъ терпитъ страшныя потери. На немъ и на «Ослабѣ» видны большіе пожары, на послѣднемъ уже выведена носовая башня, сбита гротъ-стеньга и сильно разрушенъ носъ, которымъ онъ сѣлъ и кренится на лѣвый бортъ. Въ 2 ч. 20 м. «Суворовъ», повидимому, не выдержалъ адскаго огня, поворачиваетъ на 4 румба вправо, но въ этотъ моментъ у него снарядомъ перебиваетъ рулевой приводъ, и онъ медленно продолжаетъ катиться вправо, выйдя изъ линіи.

Въ это же время, весь избитый, съ подбитымъ носовымъ казематомъ, совершенно развороченнымъ носомъ, изрѣшетенными трубами и сильнымъ пожаромъ на рострахъ, выходитъ изъ строя «Ослябя», подъ креномъ около 15° — на лѣвый бортъ; онъ сидитъ носомъ до клюзовъ, но еще держится, стрѣляетъ и старается справиться съ креномъ, который все увеличивается.

«Суворова» головнымъ теперь замѣнилъ «Александръ III», который повернулъ на 4

румба вправо и ведетъ эскадру; на нем, главнымъ образомъ, сосредоточиваетъ огонь японская линія, которая сперва пересѣкаетъ намъ курсъ въ разстояніи около 28 кабельтовыхъ, но затѣмъ послѣ нашего поворота послѣдовательно вправо за «Александромъ III» опять остается съ нами на параллельномъ курсѣ, по лѣвую отъ насъ сторону. Около 2 ч. 25 м. «Бородино» тоже выходитъ изъ строя, что еще ухудшаетъ положеніе переднихъ кораблей нашей эскадры, и одно время «Бородино», «Ослябя» и «Орелъ» створятся, и въ эту-то кучу японцы направляютъ весь свой огонь. Въ 2 ч. 30 м. «Бородино» опять вступаетъ въ кильватеръ «Александру III». Въ 2 ч. 35 м. «Александръ III», сильно избитый и весь въ пламени, выходитъ на нѣсколько моментовъ изъ строя, но быстро оправляется и вступаетъ въ кильватеръ «Бородину». Его мѣсто головнымъ въ строѣ съ 2 ч. 40 м. занимаетъ «Бородино», на которомъ видны страшные пожары. Въ это время отъ непріятельскихъ снарядовъ начинаютъ сильно терпѣть «Сисой Великій» и слѣдующія суда.

Эскадра проходитъ мимо «Ослябя» въ разстояніи около 120 саженъ, онъ застопорилъ машины и уже совершенно легъ на лѣвый

бортъ, зарывшись всѣмъ носомъ въ воду и приподнявшись кормой. Никогда въ жизни не забуду я картины этой гибели: я увидѣлъ его немного впереди насъ, онъ все больше и больше ложился на бокъ, нѣсколько сотъ человѣкъ толпилось на правомъ борту, не зная, откуда ждать помощи, нѣкоторые были совсѣмъ голые, другіе только наполовину раздѣлись. Въ эту группу погибающихъ людей то и дѣло попадали японскіе снаряды и рвались въ ней. Когда мы поровнялись съ нимъ, онъ оголилъ уже всю свою правую подводную часть до киля; его блестящая обшивка походила на мокрую чешую большого морского чудовища, и вдругъ, какъ по командѣ, всѣ люди, толпившіеся на правомъ борту, бросились по этой чешуѣ внизъ; одни, стоя, соскальзывали на ногахъ, другіе падали и катились имъ подъ ноги, третьи скатывались на животѣ головой внизъ. Большинство изъ нихъ разбивалось о боковой киль и попадало въ воду уже искалѣченными, въ водѣ же образовалась невообразимая куча тонущихъ, взывающихъ о помощи и топящихъ другъ друга тѣлъ, надъ которыми все время не переставали рваться непріятельскіе снаряды. Еще нѣсколько секундъ, и «Ослябя» исчезъ подъ водой. Я обернулся на часы—было 2 ч. 45 м. Къ нему

сейчасъ же подошли миноносцы «Буйный», «Бравый» и «Быстрый» и подъ градомъ снарядовъ начали вытаскивать тѣхъ, кого еще можно было спасти.

«Бородино» продолжаетъ вести эскадру на Ost, а японская линія, сильно обогнавъ нашу эскадру и находясь у насъ слѣва на носу, продолжаетъ поражать передніе корабли нашей колонны и понемногу склоняется вправо, стараясь перерѣзать намъ путь. Видя это, «Бородино», повидимому, не желая больше склоняться вправо на югъ и разсчитывая, должно быть, нанести серьезныя поврежденія концевымъ кораблямъ японской колонны, вдругъ круто поворачиваетъ на 8 румбовъ влѣво и ложится на курсъ Nord; ему въ кильватеръ слѣдуютъ другіе корабли, и бой на нѣкоторое время переходитъ на правый бортъ.

Какъ только японцы замѣтили этотъ маневръ, суда ихъ броненосной эскадры въ 2 ч. 55 м. сразу повернули «всѣ вдругъ» на 16 румбовъ вправо и, имѣя «Ниссинъ» головнымъ, пошли уже въ обратномъ направленіи на пересѣчку нашего курса, непріятельскіе же крейсера, дойдя до того мѣста, гдѣ ворочали ихъ броненосцы, продѣлали тотъ же маневръ, что и эти послѣдніе, и легли имъ въ кильватеръ.

Тогда «Бородино» опять склоняется вправо и ложится на старый курсъ, а его мѣсто головнымъ снова занимаетъ «Александръ III». Такимъ образомъ, непріятельскія эскадры расходятся другъ съ другомъ лѣвыми бортами контръ-курсами въ разстояніи 28 кабельтовыхъ отъ середины линіи, такъ что на нѣкоторыхъ судахъ вызывается лежащая за закрытіями прислуга мелкихъ пушекъ въ ожиданіи дальнѣйшаго сближенія. Но непріятель ближе не подходитъ, и, пройдя линію нашихъ судовъ, японскіе броненосцы опять «всѣ вдругъ» ворочаютъ на 16 румбовъ вправо на обратный курсъ и уже опять идутъ параллельно нашей эскадрѣ въ разстояніи около 40 кабельтовыхъ, нагоняя ее. Непріятельскіе броненосные крейсера также поворачиваютъ и на время скрываются во мглѣ. Повидимому, они потомъ переходятъ довольно далеко сзади нашихъ концевыхъ кораблей на нашу правую сторону, такъ какъ черезъ нѣсколько времени появляются съ правой отъ насъ стороны.

Наша эскадра, сперва уклонившись на Ost, во время прохожденія контръ-курсами съ непріятелемъ все болѣе и болѣе склоняется вправо и, такимъ образомъ, направляется въ SO-вую четверть, но вдругъ, въ 3 ч. 15 м., видитъ

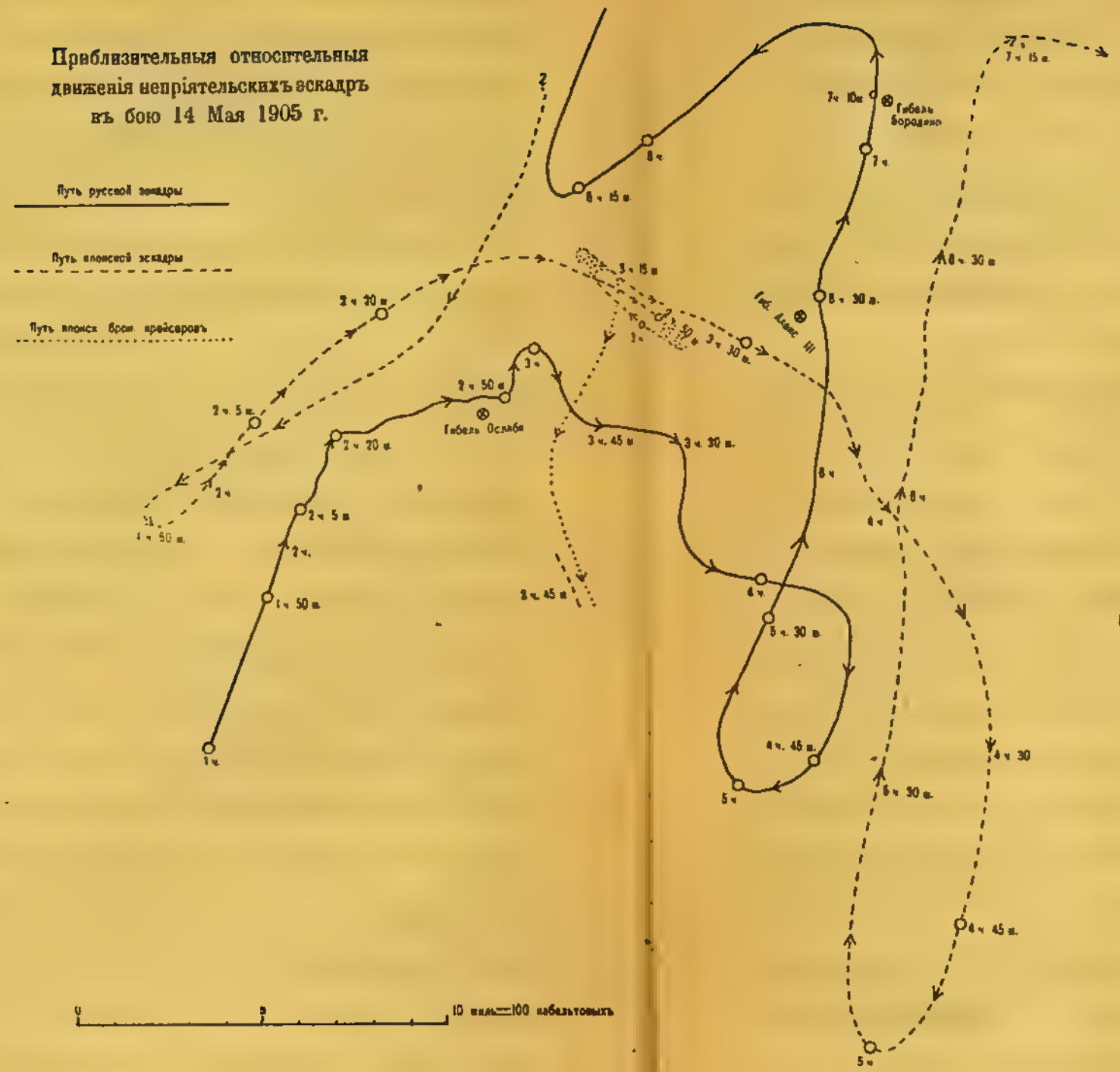
«Суворова», который, должно быть, исправивъ поврежденія рулевого привода и слѣдуя за эскадрой, успѣлъ, пока она описывала вышеприведенныя кривыя, пройти дальше на Ost. Когда его увидѣли, онъ находился между непріятельскими броненосцами и нами, и эскадра, съ цѣлью прикрыть его собою, опять повернула влѣво и пошла прямо на него приблизительно по румбу NO. «Суворовъ» обогнуть не удалось, и «Александръ III», пройдя мимо него въ 15 кабельтовыхъ, оставляя его съ лѣвой стороны, въ 3 ч. 20 м. опять повелъ эскадру вправо. Непріятельскіе броненосцы часть своего огня отдѣлили по «Суворову», который и безъ того уже до этого сильно пострадалъ. У него къ этому времени была совершенно сбита задняя труба и гротъ-мачта, отъ фокъ-мачты оставалась только половина и на немъ виденъ громадный пожаръ.

Прошли еще минутъ пять, постепенно уклоняясь вправо и сражаясь лѣвымъ бортомъ съ непріятельской броненосной эскадрой, которая, благодаря своему ходу, опять заняла положеніе спереди и слѣва отъ нашихъ головныхъ кораблей. Около 3½ часовъ почти всѣ наши суда имѣли болѣе или менѣе значительныя поврежденія, и на многихъ видны были

пожары. Въ это время мгла и дымъ застлали отъ насъ японскіе броненосцы, и бой на лѣвый бортъ прекратился, но почти сейчасъ же съ правой стороны показались японскіе крейсера 1-го класса, которые, должно быть, прошли у насъ за кормой и теперь дѣйствовали соединенно со своими крейсерами 2-го класса по нашимъ крейсерамъ и транспортамъ, такъ что бой тотчасъ же возобновился на этотъ разъ на правый бортъ съ еще большимъ ожесточеніемъ. Въ 3 ч. 45 м. проходили мимо «Урала», онъ сильно сѣлъ носомъ и держалъ сигналъ: «Имѣю пробоину, которую задѣлать не могу, спасаю команду». Въ это время по намъ начали стрѣлять съ особенной интенсивностью, и снаряды прямо градомъ ложились вокругъ броненосца и рвались объ воду, давая при этомъ массу осколковъ. Невдалекѣ отъ «Урала» я увидѣлъ «Свѣтлану» и пароходъ «Свирь», которые, кажется, собирались спускать шлюпки. Пройдя транспорты, мы еще около 10 минутъ пролежали на этомъ курсѣ, направляясь приблизительно къ S-ду и сражаясь правымъ бортомъ, а затѣмъ начали уклоняться влѣво. Около 4 часовъ бой опять перешелъ на лѣвый бортъ, такъ какъ съ лѣвой стороны снова появился броненосный отрядъ японцевъ на параллельномъ съ нами курсѣ,

а вскорѣ ему въ кильватеръ вступили непріятельскіе броненосные крейсера 1-го класса, перешедшіе тоже на нашу лѣвую сторону. Сражающіяся эскадры шли на разстояніи около 35 кабельтовыхъ, но разстояніе иногда уменьшалось и до 28 кабельтовыхъ. Около 4½ часовъ впереди курса съ правой стороны увидѣли остовъ горящаго «Суворова» и придержались къ нему; иначе, какъ остовъ, не могу назвать это судно безъ трубъ и безъ мачтъ, у котораго, вмѣсто верхней палубы, была какая-то куча обломковъ; изъ нея выходили густые клубы чернаго дыма, а изъ всѣхъ орудійныхъ портовъ и многочисленныхъ пробоинъ видны были языки огня. Онъ имѣлъ довольно большой ходъ и шелъ прямо на эскадру, производя впечатлѣніе «Летучаго Голландца», о которомъ такъ много говорятъ морскія легенды. Видимо, ему удалось пройти довольно большое разстояніе отъ того мѣста, гдѣ мы послѣдній разъ его видѣли. По всей вѣроятности, «Суворовъ» хотѣлъ еще разъ попытаться вступить въ строй, но это ему не удалось и онъ только съ правой стороны перешелъ на лѣвую. Эскадра же, продолжая сражаться лѣвымъ бортомъ, опять начала уклоняться вправо и снова постепенно перешла на курсъ SO и затѣмъ S. Около 4 ч. 45 м. не-

Приблизительныя относительныя движенія непріятельскихъ эскадръ въ бою 14 Мая 1905 г.



пріятель впереди съ лѣвой стороны, вслѣдствіе сгустившейся мглы, а также и дыма, сталъ еле виденъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ совершенно скрылся изъ виду, послѣ чего эскадра послѣдовательно повернула на SW и стала черезъ West опять подниматься къ Nord для того, чтобы снова лечь на нашъ исходный курсъ NO. Японцы же, потерявъ насъ во мглѣ, повидимому, предполагаютъ насъ въ это время идущими къ Sud и только отдалившимися отъ нихъ, въ виду чего продолжаютъ итти своимъ курсомъ къ югу и только пройдя около 6 миль замѣчаютъ свою ошибку, послѣ чего броненосная эскадра поворачиваетъ на сѣверъ съ цѣлью насъ снова нагнать и преградить намъ путь во Владивостокъ.

По всей вѣроятности, этотъ поворотъ былъ слѣдствіемъ полученной на японской эскадрѣ безпроволочной депеши, извѣщавшей ихъ о нашемъ мѣстонахожденіи и посланной съ одного изъ острововъ, можетъ быть, Окиношимо, съ котораго мы были видны. Пользуясь наступившимъ перерывомъ боя, на судахъ начали прибирать убитыхъ и раненыхъ и, по возможности, приводить въ порядокъ испорченные и разбитые механизмы и орудія.

Я тоже воспользуюсь этимъ перерывомъ, чтобы объяснить, почему наша стрѣльба была

такъ мало дѣйствительна въ сравненіи съ японской, что къ этому времени у насъ было два судна совершенно выбитыхъ изъ строя, а остальныя съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями и большими пожарами, тогда какъ у японцевъ изъ видимыхъ поврежденій только у одного крейсера, должно быть, «Асама», былъ на нѣкоторое время виденъ кренъ, который онъ, впрочемъ, быстро выправилъ.

Въ самомъ началѣ боя японцы застали нашу эскадру во время перестроенія въ безпорядкѣ и при этомъ сосредоточили огонь на головныхъ нашихъ колоннъ, «Суворовѣ» и «Ослябѣ», а затѣмъ, легши на параллельный курсъ, благодаря своему громадному преимуществу въ ходѣ, держались почти все время такъ, чтобы вся ихъ эскадра была расположена противъ нашихъ головныхъ кораблей, сосредоточивъ, такимъ образомъ, всѣ свои силы противъ передней части нашей эскадры. Головные наши корабли, конечно, съ успѣхомъ могли отвѣчать на огонь непріятеля, но отъ среднихъ и въ особенности заднихъ нашихъ судовъ онъ находился въ такомъ разстояніи, что стрѣльба ихъ на этой дистанціи была уже гораздо менѣе дѣйствительна, а по головному японскому броненосцу совершенно невозможна. Въ инструкціи артиллерійской службы

на нашей эскадрѣ было сказано, что при открытіи боя «Суворовъ», сдѣлавши первый пристрѣлочный выстрѣлъ по головному японскому кораблю, сейчасъ же показываетъ разстояніе, по которому онъ сдѣланъ, и, руководствуясь этимъ, остальныя суда сейчасъ же открываютъ огонь. На самомъ же дѣлѣ, ничего подобнаго сдѣлано не было, флагманскій корабль первый показалъ примѣръ неисполненія этой инструкціи и каждое судно должно было пристрѣливаться самостоятельно.

Когда же японская эскадра уже вся находилась съ лѣвой стороны впереди нашихъ головныхъ кораблей, на «Суворовѣ» былъ поднятъ условный флагъ «I», означавшій «Стрѣлять по головному» — это былъ единственный сигналъ за все время боя и разобранъ онъ былъ только 2-мя или 3-мя задними мателотами «Суворова», остальныя же суда его не разобрали, что, впрочемъ, никакого вреда дѣлу не принесло, такъ какъ кто могъ и безъ того стрѣлялъ по японскому флагманскому броненосцу, отъ заднихъ же судовъ нашей колонны онъ уже былъ въ слишкомъ большомъ разстояніи, вслѣдствіе чего они принуждены были избрать себѣ другую цѣль.

Пристрѣлка по японскимъ судамъ была крайне затруднительна, наши снаряды объ воду

не рвались (къ сожалѣнію, они часто не рвались также о бортъ непріятельскихъ судовъ) и при рикошетѣ давали только невысокій столбъ воды, такъ что недолеты въ этотъ сѣрый день на разстояніи около 35 кабельтовыхъ видны были плохо, перелеты же и попаданія почти совсѣмъ были не замѣтны.

Японцы стрѣляли снарядами двухъ родовъ съ весьма чувствительными трубками, отъ которыхъ они почти всѣ взрывались при попаданіи въ воду, поднимая при этомъ громадный столбъ воды и дыму, при прикосновеніи же къ борту они давали страшный взрывъ, который при снарядахъ крупнаго калибра производилъ дѣйствіе мины, разрывая этотъ бортъ въ пробоину огромныхъ размѣровъ.

Одни снаряды, должно быть, пристрѣлочные, разрываясь, давали большое количество совершенно чернаго дыма; другіе снаряды, снаряженные, по всей вѣроятности, составомъ шимоза, чѣмъ-нибудь вродѣ мелинита, при взрывѣ давали темновато-бурый дымъ.

Японскія суда были выкрашены въ боевой грязно-сѣрый шаровый цвѣтъ и въ этотъ мглистый день на разстояніи 35 кабельтовыхъ еле выдѣлялись на горизонтѣ, а въ бывшіе на нашихъ судахъ оптическіе прицѣлы, стекла кото-

рыхъ, несмотря на ихъ прекрасное устройство, въ сырую погоду отъ газовъ все же покрывались нѣкоторымъ количествомъ копоти, непріятельскія суда почти сливались съ горизонтомъ и наводчики у орудій часто теряли ихъ изъ виду. Вспомнивъ объ оптическихъ прицѣлахъ, которые были у насъ, я не могу не замѣтить, что на ихъ точность особенно разсчитывать было нельзя, такъ какъ во время практической стрѣльбы уже было замѣчено, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ они сдвигаются съ своего мѣста, а малѣйшій сдвигъ такого прицѣла уже даетъ порядочную ошибку при стрѣльбѣ.

Наши суда, выкрашенныя въ черный цвѣтъ съ желтыми трубами, ясно должны были вырисовываться на фонѣ сѣраго неба и этимъ облегчать прицѣлку и стрѣльбу японцамъ. Кромѣ того, изъ-за безпрестанно выписываемыхъ нашей эскадрой кривыхъ, намъ почти не приходилось стрѣлять на прямыхъ курсахъ и большинство нашихъ выстрѣловъ дѣлалось на циркуляціи. Эта стрѣльба самая трудная и невѣрная, а у насъ она еще затруднялась тѣмъ, что мы во время боя и пяти минутъ, кажется, ни разу не продержались опредѣленномъ ходомъ, а изъ-за частаго выхода изъ строя переднихъ судовъ и поворотовъ — то давали наибольшее

количество оборотовъ, то шли самымъ малымъ ходомъ, иногда же были принуждены совершенно стопорить машину. Можно сказать, что поправка на ходъ непріятеля, шедшаго почти все время около 16 узловъ, которая въ теоріи считается весьма приблизительной, у насъ, навѣрное, давалась точнѣе, чѣмъ поправка на свой собственный ходъ, который ежеминутно измѣнялся.

Ко всему этому я долженъ еще прибавить, что дымъ отъ горящихъ судовъ иногда, когда его вѣтромъ несло мимо нашей эскадры, тоже служилъ большой помѣхой для стрѣльбы.

Между тѣмъ на японскихъ судахъ пожаровъ видно не было и, повидимому, наши снаряды при разрывѣ своемъ сильныхъ зажигательныхъ свойствъ не имѣли, хотя у нихъ на судахъ было, по крайней мѣрѣ, столько же дерева, сколько у насъ, если не больше.

Японскіе снаряды, которые много длиннѣе нашихъ, очевидно, снаряжены гораздо большимъ количествомъ взрывчатаго вещества и при взрывѣ даютъ большое количество мелкихъ осколковъ, до такой степени накаливающихся, что нѣтъ, кажется, ничего такого, чего они не могли бы зажечь: напримѣръ, у насъ на броненосцѣ осколки снаряда большого калибра,

попавшаго въ башню, пробивши и зажегши верхнюю палубу, пройдя двѣ стальныхъ переборки и книжный шкапъ, попали въ одну изъ каютъ, гдѣ такъ же, какъ и вездѣ на своемъ пути, все-таки еще произвели пожаръ.

На нашихъ судахъ не только койки, но и краска горѣла яркимъ пламенемъ.

Впослѣдстаіи я имѣлъ случай сравнить два разныхъ осколка отъ нашего и японскаго снаряда: первый представлялъ изъ себя обыкновенный изломъ стали съ блестящей поверхностью, японскій же осколокъ былъ совершенно перекаленъ.

Не могу также не сказать нѣсколькихъ словъ объ управленіи на нашихъ судахъ, которое тоже было очень затруднено тѣмъ, что боевыя рубки, въ которыхъ было сосредоточено это управленіе и которыя должны представлять изъ себя наиболѣе защищенное на кораблѣ мѣсто для командира, управляющаго огнемъ и рулевыхъ, т. е. людей, убыль которыхъ не можетъ не вліять вредно на ходъ боя,—у насъ на всѣхъ судахъ, не исключая и новыхъ, были построены такимъ образомъ, что при своихъ громадныхъ пролетахъ съ выступающимъ грибомъ (крышей), подъ который должны были летѣть всѣ осколки отъ рвущихся

о рубку снарядовъ, они представляли весьма недостаточную защиту. На всѣхъ судахъ, по которымъ непріятель сосредоточивалъ свой огонь, люди, бывшіе въ рубкахъ, были весьма быстро тамъ перебиты и замѣнялись новыми, которые, въ свою очередь, скоро выбывали изъ строя.

Я забылъ сказать, что нижняя 75-миллиметровая батарея 4-хъ нашихъ новыхъ броненосцевъ, благодаря своему малому возвышенію надъ водой и перегрузкѣ, послѣ которой она, очевидно, опустилась еще ниже, по словамъ офицеровъ съ одного изъ этихъ броненосцевъ, во время боя часто заливалась водой и должна была прекращать стрѣльбу. Эта же батарея, должно быть, много способствовала перевороту «Александра III» и «Бородина».

Я, можетъ быть, немного долго останавливался на всѣхъ этихъ вопросахъ о нашихъ недостаткахъ и прошу меня извинить, но дѣлалъ я это оттого, что мнѣ эти недостатки бой показалъ съ такой поразительной ясностью, что я считаю долгомъ указать на нихъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, это указаніе не останется совсѣмъ безъ пользы на будущее время.

Когда японцы исчезли изъ виду, наша эскадра опять выравнялась, оправилась и по-

степенно начинала переходить на исходный курсъ въ NO-вую четверть, описавъ, такимъ образомъ, петлю. Но затишье продолжалось недолго, всего около трехъ четвертей часа.

Въ 5 ч. 30 м. уже опять сзади, съ правой стороны, показалась японская броненосная эскадра и быстро начала насъ нагонять на параллельномъ курсѣ; черезъ нѣсколько минутъ она уже открыла огонь, и мы начали отвѣчать правымъ бортомъ. Японцы опять преимущественно сосредоточиваютъ огонь по переднимъ нашимъ судамъ и тутъ сильно терпятъ «Александръ III», «Бородино» и «Орелъ». Около 6 часовъ «Александръ III», подъ очень сильнымъ креномъ на лѣвую сторону, выходитъ изъ строя, на рострахъ у него громадный пожаръ, весь носъ совершенно развороченъ и въ носовой части, съ лѣвой стороны, видна пробоина діаметромъ футовъ въ 20. Я думалъ, что его черезъ нѣсколько секундъ постигнетъ участь «Осляби», но онъ, видимо, начинаетъ справляться съ креномъ и, медленно выпрямляясь, вступаетъ въ кильватеръ «Адм. Сенявину» и продолжаетъ бой.

Отъ 6 часовъ бой ведется на дистанціи отъ 44 до 28 кабельтовыхъ, причемъ японцы то уменьшаютъ свой ходъ, то опять, сильно увеличивъ его, начинаютъ насъ обгонять и во

время этой второй фазы боя уже не стараются пересѣчь нашъ курсъ, какъ они дѣлали это въ первую половину боя. Около 6 ч. 30 м. «Александръ III» опять сильно накренился на лѣвую сторону и, поднявъ сигналъ: «Терплю бѣдствіе», вышелъ изъ строя влѣво, передавая «Сенявину» тотъ же сигналъ семафоромъ, но вдругъ быстро перевернулся килемъ вверхъ. Это произошло такъ неожиданно, что всю команду, бывшую на верхней палубѣ, должно быть, накрыло броненосцемъ и на киль успѣло выбраться только человѣкъ 16. Въ это время бой опять затихъ минутъ на пять, по всей вѣроятности, вслѣдствіе нашедшей снова мглы.

Благодаря тому, что въ эту вторую фазу боя суда часто выходили изъ строя и обгоняли другъ друга, порядокъ слѣдованія нѣсколько измѣнился и въ моментъ гибели «Александра III» былъ слѣдующій: «Бородино», «Орелъ», «Николай», «Апраксинъ», «Сенявинъ», «Александръ», «Ушаковъ», «Наваринъ». «Сисой», «Нахимовъ».—Сражаясь правымъ бортомъ, эскадра все болѣе и болѣе уклонялась въ лѣвую сторону, такъ что къ моменту гибели «Александра III» курсъ нашъ склонялся снова къ острову Цусима. Около 6½ часовъ на «Николаѣ I», шедшемъ 3-мъ въ линіи, было

послѣдовательно поднято два сигнала: «Слѣдовать за мной» и «Курсъ NO 23°». Это послѣднее приказаніе было отдано во время весьма краткаго перерыва боя, наступившаго послѣ гибели «Александра III», и эскадры снова сблизились, и снова завязался ожесточенный бой съ праваго борта на параллельныхъ курсахъ; минутъ чрезъ пять послѣ послѣдняго сигнала, эскадру, съ лѣвой стороны, обогналъ миноносецъ «Безупречный» и, подойдя на близкое разстояніе къ «Николаю I», голосомъ передалъ, что адмиралъ Рожественскій перешелъ на миноносецъ и приказалъ итти во Владивостокъ и передаетъ командованіе адмиралу Небогатову. Наши крейсера и транспорты въ это время были далеко сзади съ лѣвой стороны.

Послѣ сигнала мы опять начали склоняться вправо, повидимому, съ цѣлью лечь на назначенный курсъ, но дальше Nord вправо уклониться намъ не удалось въ виду того, что непріятель все время отжималъ насъ влѣво къ тому самому, по всей вѣроятности, мѣсту, гдѣ насъ должны были ожидать его миноносцы.

Бой все продолжался, а солнце, уже низко склонившееся надъ горизонтомъ, какъ будто остановилось и дальше не шло. У всѣхъ на умѣ было одно—когда же оно, наконецъ, зай-

детъ, когда же, наконецъ, настанетъ отдыхъ. Время тянулось безконечно долго. Подъ конецъ боя японцы начали давать гораздо больше промаховъ, видимо, заходившее солнце, бывшее у насъ съ лѣвой стороны, свѣтило имъ прямо въ глаза и ослѣпляло ихъ наводчиковъ, что, должно быть, сильно мѣшало ихъ стрѣльбѣ.

Около 7 ч. 10 м. снарядъ крупнаго калибра попалъ въ ватерлинію броненосца «Бородино» недалеко отъ кормовой башни; послышалось два глухихъ взрыва, и я увидѣлъ пламя съ лѣваго противоположнаго борта у ватерлиніи броненосца, послѣ чего онъ вильнулъ вправо, сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ изъ 6-дюймовыхъ башенъ и вдругъ, легши на правый бортъ, сразу перевернулся килемъ вверхъ. Несмотря на очень быстрый переворотъ, на киль его все-таки успѣло взобраться около 12 матросовъ, которые, когда мы проходили, махали намъ руками, прося о помощи. Подводная часть «Бородина» порядочно возвышалась надъ поверхностью воды и довольно долго еще мы могли ее видѣть. Эскадра обогнула ее съ лѣвой стороны и послѣ этого пролежала на курсѣ N не болѣе пяти минутъ. Въ это время впереди курса съ правой и лѣвой сторонъ показались отряды не-

пріятельскихъ миноносцевъ. Пробили атаку и открыли по нимъ огонь съ лѣваго борта, тогда какъ орудія праваго дѣлали послѣдніе выстрѣлы по непріятельской броненосной эскадрѣ, которая въ 7 ч. 15 м. повернула вправо—броненосцы «всѣ вдругъ», «Ниссинъ» и «Касуга» послѣдовательно—и, удаляясь, скрывалась во мглѣ. Когда они исчезли изъ виду, всѣ съ облегченіемъ вздохнули, мысленно благословляя эту избавительницу ночь, которая, спускаясь на землю, казалось, наконецъ должна была принести покой и отдыхъ отъ этого ужаснаго дня, а вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ, которые съ радостью смотрѣли на это закатывающееся солнце, уже не суждено было его больше увидѣть, и эта самая ночь, которой они съ такимъ нетерпѣніемъ ждали, дѣйствительно дала имъ покой—вѣчный покой.

Почти одновременно съ поворотомъ отъ насъ японской эскадры, которая, сдѣлавши свое дѣло, т. е. приведши насъ къ тому мѣсту, гдѣ насъ ожидали миноносцы, теперь уходила, скрываясь изъ воду, «Николай I» круто повернулъ влѣво и легъ на SW подъ корму виднѣвшемуся вдали нашему крейсеру «Владиміръ Мономахъ». Около него былъ виденъ одинъ изъ нашихъ большихъ транспортовъ; много

дальше, по тому же направленію, во мглѣ вырисовывались еще нѣсколько судовъ,—должно быть, другіе наши крейсера. «Николаю I» въ кильватеръ сейчасъ же вступилъ шедшій впереди него «Орелъ», а за нимъ послѣдовали всѣ остальные. Этотъ маневръ, повидимому, имѣлъ двойную цѣль: во-первыхъ, сбить съ толку и избѣгнуть атаки ожидавшихъ насъ впереди миноносцевъ, которые, послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ по нимъ выстрѣловъ, ушли впередъ и, очевидно, ждали только наступленія темноты, чтобы на насъ броситься, и, во-вторыхъ, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду сблизиться съ нашими крейсерами и дать имъ возможность присоединиться къ главнымъ силамъ.

Крейсеръ «Изумрудъ», дѣйствительно, чрезъ полчаса присоединился къ эскадрѣ, которая къ 7 ч. 50 м. имѣла курсъ W. «Мономахъ», «Донской» и «Свѣтлана», дѣйствительно, сильно отстали; крейсера же «Олегъ», «Аврора» и «Жемчугъ» куда-то исчезли, и ихъ такъ больше и не видѣли. Одни предполагали, что они только сильно отстали и скоро присоединятся; другіе утверждали, что они уже прошли впередъ на пути во Владивостокъ, нѣкоторые же боялись, что ихъ постигла несчастная участь нашихъ бѣдныхъ храбрыхъ товарищей съ «Суворова»,

«Александра III» и «Бородина». Впослѣдствіи оказалось, что всѣ ошибались. Адмиралъ Энквистъ, державшій свой флагъ на «Олегѣ», избралъ, по его мнѣнію, благую долю и, не желая связываться съ японскими миноносцами, приказалъ своему отряду повернуть на югъ и спокойно поплылъ въ нейтральныя воды, въ которыхъ нѣтъ ни непріятельскихъ миноносцевъ, ни плавучихъ минъ и вообще никакихъ опасностей, а все тихо и спокойно.

Послѣ 8 часовъ стало совершенно темно, настолько, что шедшій на лѣвомъ траверзѣ, въ разстояніи 3-хъ кабельтовыхъ отъ «Николая I», крейсеръ «Изумрудъ» только временами былъ виденъ. Около 8½ часовъ «Николай I» опять круто повернулъ на NO 23° и, точно исполняя полученное приказаніе, повелъ оставшіяся суда эскадры по прямому пути во Владивостокъ.

Послѣ поворота сейчасъ же начались атаки непріятельскихъ миноносцевъ. Всѣ суда эскадры открыли прожекторы (на «Орлѣ» они не могли дѣйствовать, и потому онъ продолжалъ итти въ темнотѣ) и началась стрѣльба изъ орудій всѣхъ калибровъ и пулеметовъ, сперва съ праваго борта, потомъ съ обоихъ по миноносцамъ, которые отчаянно шли на эскадру и, выпустивъ свои мины, открывали огонь изъ всѣхъ

имѣемыхъ мелкихъ орудій, а по увѣреніямъ нѣкоторыхъ, даже ружей, чтобы, въ случаѣ промаха миной, хоть нѣсколькихъ человѣкъ убить на верхнихъ палубахъ и мостикахъ нашихъ судовъ и хоть этимъ принести намъ вредъ. Несмотря на адскій огонь, направленный на миноносцы, они только въ рѣдкихъ случаяхъ его не выдерживали и поворачивали назадъ, большинство же доходило на разстояніе отъ 3 до 5 кабельтовыхъ и выпускало свои мины, но, повидимому, этотъ градъ снарядовъ и пуль, сыпавшійся на нихъ, все-таки производилъ свое дѣйствіе въ томъ смыслѣ, что мины, повидимому, выпускались съ лихорадочной поспѣшностью, стоявшіе на прицѣлахъ, должно быть, сильно волновались, и, благодаря этому, большинство минъ не попадало въ цѣль.

Всего японцами было произведено отъ 6 до 8 атакъ, они преимущественно выпускали свои мины по заднимъ кораблямъ благодаря тому, что эти послѣдніе все время свѣтили прожекторами, переднія же суда, «Николай I» и «Адм. Апраксинъ», сейчасъ же послѣ первой атаки, ихъ закрыли и больше боевого освѣщенія не открывали; ихъ примѣру вскорѣ послѣдовалъ и «Адм. Сенявинъ», почему, должно быть, всѣ они и остались цѣлы, такъ какъ японскіе миноносцы, идя

спереди полнымъ ходомъ, обыкновенно ихъ не сразу замѣчали и проскакивали мимо, а тѣ, которые все-таки выпускали мину, давали промахъ. Само собою разумѣется, что никакихъ огней не несли, кромѣ еле замѣтнаго огня на гакобортѣ «Николая I». Управляться было очень трудно, такъ какъ иногда судамъ, увертываясь отъ мины, приходилось сразу класть руль на бортъ и выскакивать въ сторону изъ строя.

Около 9½ часовъ вечера, при свѣтѣ прожекторовъ, можно было разглядѣть порядокъ, въ которомъ шла эскадра: впереди былъ «Николай I» и сейчасъ же за нимъ «Орелъ», затѣмъ, немного отставши, кабельтовыхъ въ 4-хъ, «Апраксинъ» и близко сзади него «Сенявинъ», потомъ, отставши отъ него кабельтовыхъ на 5, «Ушаковъ», «Нахимовъ», «Сисой», «Наваринъ»; на лѣвомъ траверзѣ «Николая I» крейсеръ «Изумрудъ». Къ 10 часамъ атаки стали рѣже, а съ лѣвой стороны миноносцы вовсе больше не появлялись. Тутъ я не могу не упомянуть объ участи одного изъ миноносцевъ, атаковавшаго насъ, и, должно быть, неудачно для него выпустившаго свои мины по переднимъ нашимъ судамъ. Онъ проходилъ очень близко, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ эскадры, и, вѣроятно, снарядъ одного изъ переднихъ броненосцевъ

попалъ ему въ котлы, такъ какъ, когда его приняли въ лучи своихъ прожекторовъ наши задніе корабли, онъ уже весь парилъ и не имѣлъ хода. На его верхней палубѣ былъ виденъ офицеръ, должно быть командиръ, который стоялъ, поставивъ ногу на сѣтки и, видимо, спокойно ожидалъ своей участи. Наконецъ, въ самую средину миноносца попалъ снарядъ большого калибра, и онъ, переломившись на двѣ половины, носомъ и кормой вверхъ исчезъ подъ ярко освѣщенной водой. Картина была великолѣпная, если только это слово возможно примѣнить и въ томъ случаѣ, когда гибнетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Около 11 часовъ непріятельскіе миноносцы атаковали эскадру въ послѣдній разъ, и по открывшимся прожекторамъ можно было судить, что наши задніе броненосцы уже порядочно отстали. Послѣ этого, когда боевое освѣщеніе уже полчаса какъ было закрыто, около половины двѣнадцатаго въ строю вмѣстѣ слѣдовали только «Николай I», «Орелъ» и «Сенявинъ», а за ними, сильно отставши, «Апраксинъ», другихъ же судовъ видно въ темнотѣ не было.

Тутъ нельзя не обратить вниманія на поведеніе шедшаго головнымъ флагманскаго броненосца «Николай I». Съ 8 часовъ вечера онъ

далъ самый полный ходъ, который могъ только дать, и держалъ его всю ночь, причемъ бывшій на немъ адмиралъ Небогатовъ, повидимому, нимало не справлялся о томъ, всѣ ли корабли, идущіе сзади, могутъ поспѣть за нимъ. Правда, этотъ ходъ былъ невеликъ, въ среднемъ около 12—13 узловъ, но адмиралу было отлично извѣстно, что «Ушаковъ» такого хода дать не въ состояніи, и онъ могъ бы предвидѣть, что хотя ходъ «Нахимова», «Сисоя» и «Наварина» и считался даже немного больше хода «Николая I», но такъ какъ видно было, что эти суда въ бою довольно сильно пострадали отъ артиллерійскаго огня, то они, по всей вѣроятности, тоже не могли за нимъ слѣдовать такимъ ходомъ. Адмиралъ былъ обязанъ въ то время, когда еще это было возможно, т. е. сейчасъ же по прекращеніи артиллерійскаго боя, когда было еще достаточно свѣтло, спросить сигналомъ оставшіяся у него суда, какой они могутъ имѣть наибольшій ходъ, и затѣмъ этимъ руководствоваться.

Даже когда по лучамъ прожекторовъ стало ясно, что заднія суда отстаютъ, и тогда не было принято никакихъ мѣръ, и «Николай I» продолжалъ итти своимъ самымъ полнымъ ходомъ. Мнѣ могутъ возразить, что суда отстали

благодаря полученнымъ минамъ, я же утверждаю, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ получили мины благодаря тому, что не могли слѣдовать за «Николаемъ I» и отстали («Наваринъ», «Сисой»).

Если бы ходъ «Николая I» былъ на 1 узелъ больше, то и «Сенявинъ» и «Апраксинъ» также отстали бы отъ него и имъ бы не пришлось раздѣлить съ нимъ позора на слѣдующее утро.

Когда все успокоилось и въ 2 часа взошла луна, наконецъ явилась надежда, что хоть эти немногія суда прошли и, можетъ быть, дойдутъ до Владивостока; эта надежда сильно подтверждалась тѣмъ предположеніемъ, что японцы въ бою разстрѣляли всѣ свои боевые запасы и, естественно, должны пойти пополнить ихъ въ одномъ изъ своихъ портовъ, что было весьма вѣроятно въ виду того, что японскія суда стрѣляли во время боя почти вдвое быстрѣе нашего, а у насъ, по крайней мѣрѣ на томъ броненосцѣ, на которомъ я плавалъ, патроновъ для скорострѣльныхъ орудій оставалось минутъ на 5 боя, а для башенныхъ орудій—не болѣе, какъ на 15 минутъ стрѣльбы. Не могли же мы угадать, что японцы и тутъ будутъ настолько предусмотрительны, чтобы имѣть второй комплектъ боевого запаса въ угольныхъ ямахъ,

какъ это и узналось изъ разсказовъ ихъ офицеровъ впослѣдствіи, въ плѣну. Немного только безпокоило нѣкоторыхъ то обстоятельство, что адмиралъ велъ эскадру во Владивостокъ прямо по большей дорогѣ, по тому кратчайшему пути, по которому обыкновенно ходятъ всѣ пароходы, и если бы японцы, противъ ожиданія, стали насъ преслѣдовать, то именно на этой дорогѣ они и преградили бы намъ путь.

Во всякомъ случаѣ, Японское море достаточно широко для того, чтобы избрать хотя бы такой курсъ, чтобы японцамъ, въ случаѣ погони за нами, пришлось немного потрудиться въ отысканіи остатковъ эскадры. Тутъ, именно, важно было выиграть время, а затѣмъ мы могли разсчитывать на туманы, часто случающіеся здѣсь въ маѣ, а въ туманѣ мы были въ полной безопасности.

ГЛАВА III.

Надежда на спасеніе все увеличивалась; около 4½ часовъ утра начало свѣтать, и когда въ 5 часовъ утра стало совсѣмъ свѣтло, мы увидѣли, что изъ величественной эскадры, вступавшей сутки тому назадъ въ Цусимскій проливъ, въ числѣ 36 вымпеловъ, оставалось только 5 судовъ. Впереди шелъ «Николай I», за нимъ страшно изуродованный и избитый «Орелъ», ему въ кильватеръ «Адмиралъ Сенявинъ» и за нимъ, сильно отставши, «Адмиралъ Апраксинъ»; на траверзѣ «Николая I» держался крейсеръ «Изумрудъ».

Боевого значенія этотъ маленькій отрядъ уже не имѣлъ почти никакого. Огонь «Николая I» былъ дѣйствителенъ не далѣе, какъ на 35 кабельтовыхъ, кромѣ того, у него невысоко надъ ватерлиніей было нѣсколько пробоинъ. На «Орлѣ», который какъ будто бы только слу-

чайно избѣгнулъ участи своихъ однотипныхъ товарищей-броненосцевъ и имѣлъ массу пробоинъ, большинство артиллеріи было сбито и только очень небольшое количество пушекъ могло быть приведено въ исправное состояніе для стрѣльбы. Оставались еще 10-дюймовыя пушки «Сенявина» и «Апраксина», но эти орудія, считавшіяся неудачными еще при выпускѣ ихъ съ завода, за 14 мая отслужили всю ту службу, которую отъ нихъ можно было ожидать, и къ утру 15-го стало ясно, что ихъ наружныя скрѣпляющія кольца настолько разошлись, что врядъ ли они могутъ еще выдержать и по 10 выстрѣловъ каждое. Кромѣ того, на послѣднемъ броненосцѣ «Апраксинъ» плиты поясной брони, должно быть, отъ попаданій въ нее и сильныхъ сотрясеній при стрѣльбѣ разошлись, что позволяло водѣ проникать внутрь броненосца. Я не считаю 8-ми 120-миллиметровыхъ орудій броненосцевъ береговой обороны и 8 такихъ же орудій «Изумруда», которыя могли имѣть значеніе лишь въ бою съ весьма незначительными силами.

Къ 5 часамъ утра со всѣхъ сторонъ горизонтъ былъ чистъ, ни нашихъ, ни непріятельскихъ судовъ нигдѣ видно не было; продолжали итти тѣмъ же ходомъ. Но вотъ около $5^1/_4$ часовъ на горизонтѣ справа, потомъ слѣва, сзади по-

казались дымки. Скоро на томъ мѣстѣ, гдѣ сзади насъ мы видѣли дымъ, начали обрисовываться, хотя еще очень неясно, очертанія какихъ-то судовъ; затѣмъ съ лѣвой стороны почти на траверзѣ тоже показался дымъ нѣсколькихъ кораблей.

Отъ половины шестого до шести часовъ нельзя было разсмотрѣть, что это за суда. Было ясно одно, что это не пароходы, а военные корабли. Всѣ глаза, трубы и бинокли были направлены на нихъ; одни говорили, что ясно видятъ «Нахимова», другіе готовы были клясться, что сзади идетъ «Ушаковъ», третьимъ даже казалось, что наши отставшія суда сражаются съ непріятельскими, и они говорили, что слышатъ звукъ выстрѣловъ. Только немногіе видѣли въ этихъ судахъ непріятеля—то самое, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, но ихъ первое время никто не хотѣлъ слушать. Даже къ половинѣ седьмого утра, когда не только въ ближайшихъ судахъ былъ узнанъ непріятель, но и можно было опредѣлить типъ этихъ кораблей, и то находились люди, утверждавшіе, что сзади нихъ все же они видятъ наши суда. Настолько сильно было желаніе, чтобы эти корабли не оказались непріятельскими, что оно людей съ отличнымъ зрѣніемъ здѣсь заставляло галюцинировать. Тогда

же сигналомъ съ «Николая I» на развѣдку былъ посланъ «Изумрудъ», который, отойдя на 60 кабельтовыхъ назадъ, вернулся и донесъ, что это непріятель. Много способствовало ошибкамъ и то обстоятельство, что у 2-хъ японскихъ крейсеровъ типа «Матсушима» трубы оказались желтыми, т. е. такого же цвѣта, какъ и на судахъ нашей эскадры. Была ли эта перекраска сдѣлана съ цѣлью сбить насъ съ толку, или же эти крейсера и утромъ предыдущаго дня имѣли такія же трубы и мы только тогда ихъ изъ-за мглы не замѣтили, это—сказать трудно, во всякомъ случаѣ, эти трубы многихъ ввели въ заблужденіе.

Около 7 ч. 15 м. съ «Николая I» былъ сдѣланъ сигналъ: «Въ исправности ли артиллерія», а еще черезъ 1/4 часа, когда отвѣты съ судовъ были переданы—«Приготовиться къ бою». По этому сигналу, на судахъ отряда пробили боевую тревогу и около 7 ч. 50 м. по сигналу «Николая I»—«Повернуть всѣмъ вдругъ на 4 румба влѣво», легли на пересѣчку курса отряда непріятельскихъ крейсеровъ, который находился немного позади нашего лѣваго траверза въ разстояніи около 100 кабельтовыхъ и состоялъ изъ крейсеровъ: «Матсушима», «Итсукушима», «Хошидате», броненосца «Чинъ-Іенъ» и еще 2-хъ

крейсеровъ 2-го класса, сильно, впрочемъ, отставшихъ.

Какъ только японскіе крейсера замѣтили этотъ нашъ маневръ, они немедленно повернули влѣво и полнымъ ходомъ стали уходить, очевидно, уклоняясь отъ боя. Хотя большого преимущества въ ходѣ, сравнительно съ нами, они и не имѣли, но разстояніе все-таки начало увеличиваться и сразу стало ясно, что нагнать мы ихъ не въ состояніи, вслѣдствіе чего мы, по сигналу адмирала, черезъ 10 минутъ легли опять на свой прежній курсъ.

Уклонившись влѣво и, такимъ образомъ, приблизившись къ тѣмъ дымкамъ, которые мы уже раньше видѣли на траверзѣ и немного впереди его,—мы теперь могли разобрать, что этотъ дымъ исходитъ отъ многихъ военныхъ судовъ, находящихся на очень большомъ разстояніи, такъ что по очертаніямъ ихъ еще невозможно было опредѣлить типа. Всѣ эти суда медленно приближались, заходя съ лѣвой стороны впередъ, а сзади появлялись корпуса другихъ непріятельскихъ кораблей. Къ 9 часамъ стало совершенно ясно, что уйти намъ уже невозможно и остается одно—это проститься съ жизнью, которую надо продать возможно дорогой цѣною. Черезъ полчаса ясно начали выри-

совываться контуры непріятельской главной эскадры, состоявшей изъ броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми мы сражались весь вчерашній день, потерявъ при этомъ наши лучшіе корабли и большинство нашихъ товарищей. Они же шли въ полномъ составѣ и какъ будто вовсе не имѣли поврежденій.

На лицахъ у всѣхъ была написана рѣшимость умереть, такъ какъ другого исхода мы не знали и не считали возможнымъ, и, повидимому, большинство настолько успѣло примириться съ этой мыслью о смерти, что совершенно спокойно и равнодушно ожидало ее. Казалось бы, что въ такія минуты ничто уже не въ состояніи смутить или нарушить равнодушіе людей, простившихся съ жизнью, но появленіе этой знакомой намъ слишкомъ хорошо эскадры въ такомъ цѣльномъ видѣ, безъ всякихъ видимыхъ поврежденій, повергло всѣхъ въ сильное уныніе. Тутъ мы убѣдились, что всѣ наши старанія и усилія что-нибудь сдѣлать, всѣ наши потери и страданія тѣхъ, которые были ранены, убиты и потонули вчера,—все это было напрасно. Мы съ радостью готовы были умереть, утѣшаясь сознаніемъ, что передъ нашей смертью мы все-таки принесли нѣкоторую пользу своей

родинѣ, можетъ быть, и не такую большую, какой она отъ насъ ожидала, но, во всякомъ случаѣ, каждый изъ насъ, насколько у него хватало силъ, исполнялъ свой долгъ и разсчитывалъ хоть на нѣкоторый успѣхъ. Тутъ же, при появленіи какъ будто бы вовсе не поврежденныхъ судовъ непріятельской главной эскадры, и эта послѣдняя иллюзія была у насъ отнята, и многіе, даже съ сильнымъ характеромъ люди, впали въ состояніе полной апатіи ко всему окружающему.

Въ это время «Изумруду» опять было приказано произвести развѣдку: повидимому, на «Николаѣ I» главныя японскія силы усмотрѣны были немного позже. «Изумрудъ» отошелъ не болѣе какъ на 10 кабельтовыхъ и сейчасъ же вернулся, перейдя на правую сторону. Онъ могъ только подтвердить то, что всѣ уже увидѣли сами. Японская броненосная эскадра, имѣя позади себя броненосные крейсера, медленно приближалась къ намъ, идя сходящимся съ нами курсомъ. Около 9 час. 50 мин. она была въ разстояніи приблизительно 100 кабельтовыхъ и шла въ строѣ кильватера; кромѣ нея, нашъ отрядъ былъ съ Nord, West и Sud окруженъ непріятельскими кораблями всевозможныхъ типовъ. Тутъ былъ весь японскій флотъ и, не считая

контръ-миноносцевъ и миноносцевъ, насчитывалось 27 судовъ. Всѣ они все уже и уже смыкали окружающее насъ кольцо по мѣрѣ приближенія къ намъ главныхъ силъ, а нѣкоторыя изъ заднихъ—уже переходили на правую сторону, чтобы преградить единственный оставшійся свободнымъ выходъ на востокъ. На нашихъ судахъ пробили боевую тревогу и приготовились начать тотъ бой, быстрый исходъ котораго всѣмъ намъ былъ очевиденъ.

Въ 10 часовъ японская броненосная эскадра повернула вдругъ на 4 румба вправо и быстро начала съ нами сближаться. Когда непріятельскіе броненосцы были уже не далѣе 60 кабельтовыхъ, на «Николаѣ I» спустили стеньговые и кормовой флаги. Какъ это ни покажется страннымъ, но это дѣйствіе «Николая I», которому послѣдовали другіе корабли, совершенно не было понято многими офицерами этихъ судовъ въ смыслѣ сдачи; во время похода часто днемъ спускались флаги, и этотъ разъ всѣ только очень удивились такому маневру въ виду непріятеля. Это было возможно, конечно, только съ людьми изнервничавшимися и страшно уставшими, но это такъ было въ дѣйствительности, и это одно показываетъ, насколько далеки всѣ были отъ мысли, чтобы можно было

сдаться. Японская эскадра быстро подходила и съ 55 кабельтовыхъ со всѣхъ японскихъ кораблей сразу былъ открытъ огонь по нашему отряду, послѣ чего они легли на параллельный съ нами курсъ въ строѣ кильватера, продолжая стрѣльбу. На нашихъ судахъ съ момента на другой ожидали перваго выстрѣла «Николая I», чтобы вслѣдъ за нимъ открыть огонь лѣвымъ бортомъ, но вдругъ, вмѣсто этого выстрѣла, на немъ увидѣли сигналъ. Первой мыслью было, что онъ означаетъ «Взрываться», но, всмотрѣвшись внимательнѣе, видно было, что сигналъ этотъ по международному своду. Тутъ сразу стало ясно, что означалъ спускъ флага, что значилъ и этотъ сигналъ; для этого не надо было отыскивать его значеніе въ сигнальной книгѣ, въ которой противъ этихъ трехъ флаговъ (XGH) стояло: «Сдаюсь, сдающійся, сдаемся, желаю вступить въ переговоры». Всѣ мы ждали самаго худшаго, но ничего подобнаго не ожидали.

Трудно описать то, что въ этотъ моментъ происходило на мостикѣ: одни, точно на нихъ нашелъ столбнякъ, стояли и какъ будто бы ничего не понимали, другіе, нервы которыхъ отъ этого послѣдняго удара окончательно сдали, припавъ къ какой-нибудь шлюпкѣ,

рыдали, какъ дѣти,—наконецъ, третьи, нервы которыхъ, должно быть, были посильнѣе, то упрашивали и умоляли командировъ, то требовали отъ нихъ не репетовать и не исполнять сигнала, а взрываться, открывать кингстоны или вступить въ бой. Командиры же на всѣ просьбы и требованія разводили руками и отвѣчали, что они и сами понимаютъ, что сдаваться невозможно, но что этотъ сигналъ есть приказаніе адмирала, что если они не послушаютъ его, то непріятель разстрѣляетъ «Николая I» и т. д., и во время этихъ споровъ сигналъ все-таки былъ отрепетованъ. Все это происходило подъ выстрѣлами японской эскадры, которая еще 5 минутъ продолжала стрѣльбу послѣ того, какъ этотъ сигналъ былъ уже поднятъ. «Изумрудъ», тоже было отрепетовавшій сигналъ, вдругъ спохватился, быстро спустилъ его, и, давши самый полный ходъ, который онъ только могъ развить, пошелъ на востокъ—единственное направленіе, по которому не было видно непріятеля. Два японскихъ крейсера отдѣлились и погнались за нимъ, но его ходъ былъ много больше, и онъ быстро скрылся за горизонтомъ. Послѣ того, какъ сигналъ былъ уже поднятъ, отрепетованъ и команда узнала его значеніе, и тѣми изъ офицеровъ, которые старались убѣдить ко-

мандировъ не исполнять его, овладѣло отчаяніе, выразившееся полнымъ безразличіемъ къ происходящему вокругъ нихъ. Все это произошло въ теченіе двухъ или трехъ минутъ. Потомъ какъ-то автоматически были подняты сперва на «Николаѣ I», а затѣмъ и на другихъ судахъ японскіе флаги, полѣ чего японцы перестали стрѣлять и подошли ближе.

Что же оставалось дѣлать тѣмъ офицерамъ, у которыхъ еще осталась хоть искра энергіи? Можно было попробовать, собравъ кучку вѣрныхъ и преданныхъ людей изъ команды, произвести бунтъ и, завладѣвши кораблемъ, затопить его, но такое рѣшеніе вопроса съ весьма сомнительнымъ исходомъ настолько не подходило ко взглядамъ офицеровъ, пріобрѣтеннымъ дисциплиной и службой, что на бунтъ никто не рѣшился. Никто также не рѣшился, не сказавъ никому о своемъ намѣреніи, пойти и тайно взорвать броненосецъ, что значило бы погубить почти всѣхъ людей, бывшихъ на немъ и не предупрежденныхъ о томъ, что сейчасъ послѣдуетъ взрывъ. Можетъ быть, и на это хватило бы рѣшимости у нѣкоторыхъ, если бы не гнетущая мысль, что уже поздно. Въ эти минуты всѣ уже были настолько увѣрены, что поднятіемъ сигнала о сдачѣ и японскаго флага

совершено зло непоправимое, на насъ палъ позоръ, котораго уже мы смыть не въ силахъ. Вотъ почему ничего не было предпринято, и я твердо увѣренъ, а это мнѣніе не только мое личное, но и многихъ другихъ, участвовавшихъ въ бою офицеровъ, не бывшихъ на сдавшихся судахъ, что если бы на мѣстѣ этихъ 120 офицеровъ «Николая I», «Орла», «Адмирала Сенявина» и «Генералъ-адмирала Апраксина» были бы 120 другихъ съ любыхъ судовъ эскадры, то произошло бы совершенно то же, что и въ этомъ случаѣ. Не могу сказать того же про командировъ, такъ какъ если бы нашелся хоть одинъ командиръ, рѣшившійся не исполнять и не репетовать сигнала адмирала, а топить свое судно или вступить въ бой, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ другіе командиры послѣдовали бы его примѣру.

Около 10 часовъ 20 минутъ утра произошла сдача; около 11-ти часовъ адмиралъ Небогатовъ поѣхалъ на флагманскій японскій корабль и въ это время на судахъ торопились сжигать карты и секретныя книги, портить артиллерію и т. д.

Много даже и тогда еще могъ поправить адмиралъ Небогатовъ; онъ могъ даже попытаться, приказавъ судамъ къ извѣстному вре-

мени открыть кингстоны, вовсе не отдавать судовъ и уговорить японцевъ спасти людей, такъ какъ это, по его словамъ, было единственнымъ мотивомъ сдачи. Они, можетъ быть, согласились бы на это, изъ желанія показать міру свою гуманность.

Если бы адмиралъ Небогатовъ по пути на флагманскій японскій корабль вспомнилъ знаменитую передачу нашихъ кораблей на храненіе англичанамъ въ 1808 году адмираломъ Сенявинымъ и, пользуясь тѣмъ, что сигналъ не означаетъ безусловной сдачи, а значитъ только: «Желаю вступить въ переговоры», онъ могъ бы сойтись съ японцами на много болѣе благопріятныхъ для своихъ судовъ условіяхъ, въ особенности опираясь на то, что иначе отрядъ, не дождавшись адмирала, въ условное время открываетъ и огонь и кингстоны и все равно не достается японцамъ, а гибнетъ, принеся имъ хоть небольшой, но все же вредъ.

Но адмиралъ не выговорилъ у японцевъ ровно ничего, если не считать того, что офицерамъ, громадное большинство которыхъ считало эту сдачу величайшимъ позоромъ и въ то время предпочло бы ей бой безъ всякой надежды, было выговорено право вернуться въ Россію на слово и сохранить въ плѣну оружіе.

Впослѣдствіи оба эти условія были сведены къ нулю: первое—русскимъ правительствомъ, запретившимъ офицерамъ сдавшагося отряда возвращаться на слово въ Россію, и второе—японцами, просто не исполнившими его. Кромѣ того, адмиралъ просилъ еще, чтобы съ плѣнными хорошо обращались, на это японцы обиженно отвѣтили, что иначе они и не поступаютъ. Когда это совѣщаніе окончилось, на бортъ нашихъ кораблей взошли японцы, командиры были вызваны къ адмиралу и вскорѣ началась перевозка насъ, уже плѣнныхъ, на японскіе корабли.

Мы какъ разъ находились въ виду острова Дажелетъ, въ приблизительной широтѣ= 36°56′ сѣверной и долготѣ=131°46′ восточной. До Владивостока оставалось всего около трехсотъ миль. Пятнадцать тысячъ миль прошли мы на этихъ негодныхъ для дальнихъ плаваній броненосцахъ береговой обороны, на нихъ же участвовали въ такомъ ожесточенномъ бою, какого уже цѣлое столѣтіе не видали люди, превзошли всѣ эти трудности, но этихъ послѣднихъ 300 миль намъ судьбой не было дано пройти и, вмѣсто награды за всѣ наши старанія и лишенія, она готовила намъ позоръ.

Когда потомъ въ плѣну офицеры отряда спрашивали адмирала Небогатова, какіе же мо-

тивы побудили его рѣшиться на сдачу, онъ отвѣчалъ, что, видя полный нашъ неуспѣхъ наканунѣ и сознавая невозможность принести непріятелю существенный вредъ, онъ считалъ, что его обязанностью было спасти 2000 человѣческихъ жизней, которыя иначе погибли бы, не принеся этимъ никакой пользы. Я не сомнѣваюсь въ искренности словъ адмирала и увѣренъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ сдалъ отрядъ не изъ личной трусости, потому что, какъ старый и больной человѣкъ, онъ долженъ былъ сознавать, что этимъ, по всей вѣроятности, не надолго продлитъ свою жизнь, послѣдніе годы которой все равно будутъ отравлены массой упрековъ и непріятностей, такъ какъ, возлагая на себя страшную тяжесть отвѣтственности, онъ этимъ поступкомъ въ глазахъ многихъ людей опозоритъ свое имя. Своимъ поведеніемъ въ бою наканунѣ, 14-го мая, адмиралъ Небогатовъ показалъ, что дѣйствительно о самомъ себѣ онъ мало заботится.

Но вопросъ въ томъ, не было ли тутъ такое великодушіе чрезмѣрнымъ и неумѣстнымъ. Не могъ ли адмиралъ, сохраняя жизнь большинства команды, спасти и честь флага.

Со своей стороны я увѣренъ, что онъ могъ и долженъ былъ это сдѣлать. За 15 минутъ до

открытія огня японцами было уже совершенно ясно, что за непріятельскіе корабли насъ окружаютъ и съ кѣмъ намъ придется имѣть дѣло. Если адмиралъ уже рѣшительно не считалъ болѣе возможнымъ сражаться, то онъ долженъ былъ въ это время сигналомъ приказать топить суда, и когда японцы подошли бы на дальность выстрѣла, они увидѣли бы плавающихъ въ водѣ людей, которыхъ, по всей вѣроятности, они начали бы подбирать, такъ какъ разбивать уже имъ было больше некого.

Если бы даже въ ту минуту, когда адмиралъ приказалъ поднять свой злосчастный сигналъ, вмѣсто него было бы приказано топиться, то и въ этомъ случаѣ спаслось бы много болѣе половины. Спасательныя средства, въ видѣ большихъ и малыхъ спасательныхъ круговъ, буевъ, поясовъ и коекъ, были; многіе могли бы держаться на выплывшемъ деревѣ, и весь вопросъ заключался въ томъ, стали бы спасать японцы, или нѣтъ. Но тутъ адмиралъ имѣлъ передъ собой только примѣръ «Рюрика», гдѣ они это сдѣлали, и онъ не имѣлъ основанія думать, что здѣсь будетъ иначе.—При гибели нѣкоторыхъ отдѣльныхъ нашихъ судовъ: «Суворова», «Наварина», «Свѣтланы», «Камчатки» и миноносца «Безупречный», они дѣйствительно гибнущихъ

людей не спасали, должно быть потому, что, зная, что не всѣ наши суда потоплены, послѣ гибели одного сейчасъ же шли помогать своимъ въ атакѣ слѣдующихъ. Но вѣдь этого обстоятельства адмиралъ Небогатовъ не зналъ, а потому руководствоваться имъ никакъ не могъ. Конечно, нельзя спорить, что если бы суда были потоплены, то въ первомъ случаѣ непремѣнно погибло бы нѣсколько десятковъ человѣкъ, а во второмъ, можетъ быть, вдвое или втрое больше. Они погибли бы, спасая честь флага русскаго флота, а многіе на этихъ четырехъ судахъ предпочитали смерть позору сдачи.

Но что значила бы гибель этихъ десятковъ людей въ сравненіи съ тысячами лишившихся жизни наканунѣ.—Эта фраза можетъ показаться жестокой, но война сама по себѣ вещь настолько жестокая, что при обсужденіи ея событій надо отрѣшиться отъ мысли, что имѣешь дѣло съ человѣческими жизнями и смотрѣть на людей какъ на цифры.

Адмиралъ былъ очень, можетъ быть слишкомъ, великодушенъ и, рѣшивши сдаться послѣ совѣта съ командиромъ флагманскаго корабля и очень немногими другими офицерами, которые подали ему этотъ совѣтъ, въ виду по всей вѣроятности разныхъ соображеній, онъ устроилъ

все такъ, что помѣшать ему тѣмъ, кто этого не хотѣлъ допустить, было уже трудно. Какъ я уже говорилъ, за нѣсколько времени до сдачи былъ поднятъ сигналъ: «Приготовиться къ бою», увѣрившій всѣхъ на отрядѣ, что мы будемъ сражаться во что бы то ни стало. Вслѣдствіе этого сигналъ о сдачѣ засталъ всѣхъ врасплохъ на своихъ мѣстахъ по боевому расписанію и не было возможности быстро собрать совѣтъ офицеровъ, а съ командирами, считавшими себя обязанными репетовать сигналъ, приходилось спорить нѣкоторымъ изъ тѣхъ немногихъ, которые были на мостикахъ и, вслѣдствіе усталости и такой неожиданности, не совсѣмъ еще потеряли голову. На «Николаѣ I» начали собирать совѣтъ офицеровъ, когда уже сигналъ былъ поднятъ; на этотъ совѣтъ вышло меньше половины офицеровъ и когда изъ нихъ нѣкоторые стали протестовать, адмиралъ началъ ихъ убѣждать, говорилъ имъ, что онъ все беретъ на себя и т. д. и такимъ образомъ, пользуясь своимъ авторитетомъ начальника, заставилъ ихъ замолчать.

Послѣ же того, какъ японцы остановили стрѣльбу, всѣ были настолько убиты случившимся, что, считая позоръ не въ передачѣ судовъ, а въ поднятіи сигнала и японскаго флага, уже не дѣлали попытокъ противить своимъ командирамъ.

ГЛАВА IV.

Цусимскій бой, показавъ преимущество отличной стрѣльбы японцевъ, въ сравненіи съ нашей, кромѣ того, доказываетъ, насколько соблюденіе имп главныхъ принциповъ морской тактики помогло имъ въ разгромѣ нашей эскадры, на которой эти принципы совершенно игнорировались. Развѣдочная служба при японской эскадрѣ была поставлена настолько хорошо, что съ момента вступленія нашихъ судовъ въ Желтое море каждое ихъ движеніе было извѣстно непріятелю, а при нашемъ приближеніи къ Корейскому проливу главныя силы непріятеля, благодаря его крейсерамъ, находившимся въ виду нашей эскадры, начальникъ которой считалъ лишнимъ отгонять ихъ или мѣшать имъ, были по телеграфу извѣщаемы, какъ о составѣ ея и расположеніи судовъ, такъ и о строѣ и движеніяхъ въ любой моментъ. Бла-

годаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, японцы отлично могли, согласно принципу внезапности, напасть на насъ тогда, когда намъ это было менѣе всего удобно, что они не преминули сдѣлать, выбравъ для этого моментъ, когда наша эскадра только что построилась въ двѣ кильватерныя колонны—самый неудобный для принятія боя строй. У насъ же, какъ это видно изъ изложенія всего похода, никакой развѣдочной службы почему-то не производилось, хотя судовъ, приспособленныхъ для несенія ея, было вполнѣ достаточно. Мы не только не стремились поразить непріятеля внезапностью, но даже совершенно не знали, гдѣ и въ какихъ силахъ онъ находится и, какъ я говорилъ уже, повидимому, нарочно не мѣшали его развѣдчикамъ доставлять о насъ свѣдѣнія.

Японская эскадра во время самаго боя все время старалась сосредоточить всѣ свои силы противъ головныхъ кораблей нашей колонны, держась въ такомъ разстояніи отъ нашихъ концевыхъ кораблей, чтобы огонь ихъ по главнымъ японскимъ судамъ былъ бы мало или совсѣмъ недѣйствителенъ. Благодаря своему громадному преимуществу въ эскадренномъ ходѣ, исполненіе такого маневра не представляло для нея особаго труда и этого способа

примѣненія принципа сосредоточенія силъ японская эскадра держалась съ начала и до конца боя, причемъ, однако, старалась, насколько это позволяла туманность погоды, держаться вдали отъ нашей эскадры и не сближаться съ ней болѣе какъ на 25 кабельтовыхъ.

Наша эскадра, силы которой съ самаго начала боя были раздѣлены, такъ какъ крейсера должны были оставаться у транспортовъ и поэтому въ эскадренномъ бою не участвовали, старалась уклониться отъ такого сосредоточенія непріятельскихъ силъ противъ головныхъ кораблей тѣмъ, что нашъ головной, ведшій эскадру, корабль, по большей части, склонялся въ сторону противоположную отъ непріятеля, который, пользуясь своимъ громаднымъ ходомъ, вскорѣ снова занималъ прежнее выгодное положеніе относительно нашихъ судовъ. Только одинъ разъ во время боя броненосецъ «Бородино», ведя эскадру около 2 часовъ 55 минутъ, круто поворачиваетъ въ сторону непріятеля влѣво и наша эскадра, слѣдуя за нимъ, грозитъ обрушиться всею свою силою на концевыя суда японской линіи. Чтобы избѣжать этого, японцы, сперва броненосный, а затѣмъ и крейсерскій отрядъ, поворачиваютъ всѣ вдругъ и опять идутъ на пересѣчку нашего курса, от-

крывъ при этомъ такой убійственный огонь по «Бородину», что послѣдній, повидимому, не выдержавъ его и желая разойтись съ непріятельской эскадрой на контръ-курсахъ, снова поворачиваетъ вправо и затѣмъ ложится почти на противоположный курсъ; наша эскадра слѣдуетъ за нимъ и, такимъ образомъ, мы отдаляемся отъ непріятеля, разойдясь съ нимъ въ 24-хъ кабельтовыхъ. Если бы «Бородино», первый поворотъ котораго былъ при данныхъ обстоятельствахъ совершенно правильнымъ и очень удачнымъ маневромъ, вмѣсто своего послѣдняго поворота продолжалъ итти тѣмъ же курсомъ, японская эскадра, повернувъ всѣми судами вдругъ, находилась бы въ такомъ относительно насъ положеніи, что, несмотря на свой ходъ, уже не могла разсчитывать пройти подъ носомъ у нашихъ головныхъ кораблей. Мы шли настолько сходящимися съ нею курсами, что черезъ нѣсколько минутъ должны были бы сойтись съ нею на разстояніи нѣсколькихъ кабельтовыхъ, а это представляло бы для насъ громадныя выгоды, тогда какъ при этомъ японцы теряли свои преимущества, состоявшія въ недальнобойности орудій нѣкоторыхъ нашихъ судовъ, худшей сравнительно съ непріятелемъ броневой защитѣ ихъ, а главное въ нашемъ

неумѣніи стрѣлять на большихъ дистанціяхъ; кромѣ того, не считая возможности таранныхъ ударовъ при боѣ на такомъ близкомъ разстояніи, наши суда легко могли смѣшаться съ непріятельскими, а при этомъ могла произойти масса случайностей, что намъ, какъ слабѣйшимъ, было, конечно, выгоднѣе, чѣмъ японцамъ. Вообще я считаю, что нашей тактикой въ этомъ бою должно было быть, пользуясь всякимъ случаемъ и каждой ошибкой непріятельской эскадры, располагать свои курсы такъ, чтобы сойтись съ ней на возможно близкое разстояніе. Тутъ я не могу не упомянуть объ одномъ фактѣ, несомнѣнно имѣвшемъ вліяніе на ходъ боя. Дѣло въ томъ, что на послѣдней погрузкѣ угля былъ полученъ приказъ командующаго эскадрой, въ которомъ предупреждается, что въ случаѣ боя, при выходѣ изъ строя головного корабля «Суворова», эскадру продолжаетъ вести, слѣдовательно руководить ея дѣйствіями, слѣдующій въ линіи корабль, за нимъ слѣдующій и т. д. Этимъ самымъ, въ виду быстраго выбытія изъ строя командировъ и офицеровъ, находящихся при управленіи судномъ въ боевой рубкѣ, которая при типѣ рубокъ, принятыхъ на нашихъ судахъ, скорѣе способствовала этому выбыванію офицеровъ,

чѣмъ защищала ихъ, командованіе головнымъ кораблемъ подъ ужаснымъ огнемъ, направленнымъ преимущественно въ него, должно было быстро переходить изъ рукъ въ руки и поэтому весьма правдоподобно, что черезъ нѣкоторое время послѣ начала боя головнымъ кораблемъ командовалъ и велъ его, распоряжаясь при этомъ движеніями всей слѣдовавшей за нимъ эскадры, совершенно молодой неопытный мичманъ или даже, можетъ быть, кондукторъ.

Принципъ взаимной поддержки тоже не былъ забытъ японцами; какъ только они увидѣли, что мы склоняемся къ своимъ транспортамъ, защищаемымъ нашимъ крейсерскимъ отрядомъ, на который нападали всѣ мелкіе японскіе крейсера, они сейчасъ же посылаютъ весь отрядъ броненосныхъ крейсеровъ поддержать свои крейсера 2-го класса и дѣйствовать заодно съ ними противъ приближающейся къ нимъ нашей эскадры.

У насъ же, наоборотъ, этотъ послѣдній принципъ не соблюдается вовсе адмираломъ Небогатовымъ, когда ночью во время минныхъ атакъ «Николай I», идя головнымъ, держитъ такой ходъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ судовъ, вслѣдствіе полученныхъ въ бою поврежденій,

не будучи въ состояніи за нимъ слѣдовать, постепенно отстаютъ, подвергаются поодиночкѣ усиленнымъ атакамъ непріятельскихъ миноносцевъ и, въ концѣ концовъ, получаютъ пробоину, которая заставляетъ ихъ уже окончательно отстать и пасть жертвой тѣхъ же миноносцевъ, или же черезъ нѣсколько времени быть окруженными и потопленными соединенными силами нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ. Такъ было въ первомъ случаѣ съ «Сисоемъ Великимъ» и «Наварипымъ», во второмъ случаѣ съ «Адмираломъ Ушаковымъ», и только «Адмиралъ Нахимовъ» получилъ пробоину, находясь еще въ строѣ вмѣстѣ съ другими судами, благодаря тому, что принялъ непріятельскій миноносецъ за одинъ изъ своихъ.

Все вмѣстѣ—наша плохая стрѣльба, неразумныя распоряженія во время и передъ боемъ и много другихъ ошибокъ и недостатковъ привели насъ къ этому страшному погрому, который былъ для насъ жестокимъ урокомъ; но изъ всякаго урока что-нибудь да выносишь полезнаго на будущее время, такъ и въ Цусимскомъ бою многому можно было научиться. Показавъ еще разъ, какъ я уже сказалъ, постоянство принциповъ морской тактики и громадную роль, которую въ бою играетъ преимущество въ эска-

дрепномъ ходѣ, бой при Цусимѣ настолько освѣтилъ мнѣ многіе вопросы, что я считаю своимъ долгомъ изложить здѣсь главнѣйшіе изъ нихъ.

Первый и самый главный—это все та же стрѣльба. Только такая эскадра, личный составъ которой всю свою энергію положитъ на то, чтобы усиленной практикой при условіяхъ, возможно близкихъ къ боевымъ, выработать отличныхъ комендоровъ, можетъ разсчитывать на успѣхъ въ будущемъ морскомъ сраженіи, и если, не жалѣя труда и денегъ, на ней выработаны отличные наводчики и каждый человѣкъ прекрасно знаетъ свое орудіе, успѣхъ ей уже на половину обезпеченъ.

Обученіе комендоровъ и прохожденіе службы ими не можетъ у насъ продолжаться на тѣхъ основаніяхъ, какъ это дѣлалось раньше, гдѣ комендоръ, окончивъ курсъ учебно-артиллерійскаго отряда, въ которомъ онъ никогда не практиковался въ стрѣльбѣ на дистанціяхъ близкихъ къ боевымъ, гдѣ онъ никогда не стрѣлялъ изъ орудій средняго и крупнаго калибра съ судна, идущаго большимъ ходомъ, гдѣ его очень часто заставляли стрѣлять изъ старыхъ орудій, на современныхъ судахъ не имѣющихся,—наконецъ, попадалъ на службу къ современному ору-

дію, въ кампанію на какой-нибудь новый броненосецъ или крейсеръ, затѣмъ часто слѣдующую кампанію дѣлалъ, служа у допотопнаго 9-тифунтоваго орудія на «Азіи» или «Не тронь меня», на которыхъ за это время стрѣльбы не производилъ, и, конечно, забывалъ половину того, чему научился. Затѣмъ, если онъ мѣнялъ это судно не на такое же другое, на которомъ стрѣльбы не производится вовсе, и не попадалъ на строящійся корабль, а назначался снова на современное судно внутренняго плаванія или шелъ за границу, то къ концу своей службы онъ снова начиналъ припоминать кое-что изъ того, чему его учили, и, выйдя въ запасъ, уносилъ всѣ эти свѣдѣнія съ собой въ деревню, гдѣ они не приносили ему никакой пользы, уносилъ ихъ вмѣстѣ со злобой на судьбу, не давшей ему на службѣ такой спеціальности, какъ спеціальность машиниста или минера, выучившись которой, онъ «на волѣ» легко могъ зарабатывать больше денегъ, чѣмъ онъ когда-либо могъ разсчитывать заработать, уходя на службу. Само собой разумѣется, что такое прохожденіе службы—со «Славы» на «Первенецъ», съ «Трехъ Святителей» на «Пендераклію», отъ 12-тидюймоваго башеннаго орудія къ старой 4-фунтовой пушкѣ или 3-линейному пулемету, причемъ

нерѣдко 2 или 3 года протекаютъ для комендора вовсе безъ стрѣльбы, не можетъ не отозваться самымъ скернымъ образомъ даже на отлично подготовленномъ человѣкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ именно такъ обыкновенно и протекала служба комендора, и только весьма немногіе, попавъ по окончаніи учебно-артиллерійскаго отряда къ какому-нибудь орудію на извѣстномъ кораблѣ, всю службу оставались у этой своей пушки, большей частью тогда, когда судно ихъ плавало за границей.

Далѣе, если комендоръ у какого-нибудь орудія—идеальный наводчикъ и стрѣляетъ выдающимся образомъ, то и тогда, по существующему на флотѣ положенію, онъ не можетъ остаться на сверхсрочной службѣ у своей пушки наводчикомъ, а долженъ или уйти въ запасъ, или же, если онъ выказалъ успѣхи въ наукахъ, его дѣлаютъ артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ и въ этомъ случаѣ онъ дѣлается инструкторомъ и все же перестаетъ быть наводчикомъ.

Положительно необходимо, чтобы при обученіи комендоровъ самое серьезное вниманіе было бы обращено на то, чтобы комендоръ практически обучался при условіяхъ дѣйствительно близкихъ къ бою, въ смыслѣ разстоя-

пій и скоростей какъ своего судна, такъ и цѣли, причемъ его, главнымъ образомъ, должны учить стрѣлять на дальнихъ дистанціяхъ и съ большого хода; на то, чтобы онъ обучался стрѣльбѣ изъ орудій новѣйшихъ системъ, изъ коихъ ему придется стрѣлять во время боя, и изъ этихъ орудій выбралъ бы себѣ какое-нибудь одно, у котораго бы преимущественно и спеціализировался; на то, чтобы, окончивъ курсъ своего ученья, онъ поступалъ къ какому-нибудь одному орудію, у этого орудія оставался бы всю свою службу и, если даже орудіе это передали бы съ одного судна на другой, онъ вмѣстѣ съ нимъ и формуляромъ тоже переходилъ бы на другое судно; на то, чтобы каждый комендоръ непремѣнно каждый годъ дѣлалъ бы нѣсколько стрѣльбъ, по возможности, изъ своей пушки, а если его корабль не въ плаваніи, то, во всякомъ случаѣ, изъ орудія одного съ его пушкой калибра.

Наконецъ, на то, чтобы комендоры, признанные къ концу своей службы отличными, изъ ряда вонъ выходящими, наводчиками, особенно у орудій крупнаго калибра, непремѣнно были бы оставляемы на сверхсрочной службѣ на тѣхъ же мѣстахъ наводчиками у своихъ орудій, при чемъ для удержанія ихъ на службѣ имъ должно

давать хорошее жалованье и всякія льготы, производить въ унтеръ-офицеры, дѣлать прибавки жалованья, но непремѣнно оставлять у тѣхъ же орудій.

Мнѣ могутъ отвѣтить, что все это очень дорого обойдется, но отъ этой-то мысли и надо отрѣшиться. Орудіе—это та же машина, а каждый, кто владѣетъ какой-нибудь хорошей машиной, понимаетъ, что, чтобы извлечь изъ нея всю ту пользу, какую она только въ состояніи ему дать, онъ долженъ ежегодно затрачивать на содержаніе ея и уходъ за ней извѣстный, иногда порядочный, процентъ ея стоимости.

Уже разъ начавъ говорить о личномъ составѣ, я не могу не вспомнить, что, несмотря на совѣты и указанія всѣхъ военно-морскихъ писателей, офицеры нашего флота никогда не обучаются управленію большими кораблями въ то время, когда они на нихъ плаваютъ, и единственная практика, которую они имѣютъ въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что они иногда присутствуютъ при управленіи командирами своего корабля во время производства эскадренныхъ эволюцій, бывающихъ у насъ не особенно-то часто. Это не можетъ считаться достаточнымъ, но даже авторитетъ адмирала Макарова, который въ своемъ тактическомъ трудѣ

«Помни войну» считаетъ такое обученіе офицеровъ управленію совершенно необходимымъ, ничего не могъ сдѣлать въ этомъ направленіи, и никогда на судахъ нашего флота офицеры систематически ему обучаемы не были. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ Цусимскомъ бою на судахъ, наиболѣе обстрѣливаемыхъ, командиры ихъ весьма быстро выбывали изъ строя и бывали замѣняемы другими офицерами въ порядкѣ передачи командованія, которые, конечно, не могли быть настолько на высотѣ своего положенія, какъ если бы они были обучены маневрированію на своемъ кораблѣ. При этомъ, благодаря упомянутому приказу адмирала Рожественскаго, имъ, если это былъ головной корабль, въ данномъ случаѣ пришлось вести не только свое судно, но и всю за нимъ слѣдовавшую эскадру.

Перехожу къ матеріальной части. Насколько я могъ наблюдать самъ и изъ разспросовъ офицеровъ съ другихъ судовъ выяснилось заслуживающее вниманія обстоятельство, что броня ни на одномъ почти изъ нашихъ судовъ пробита не была, что снова подтверждаетъ достигнутую техникой послѣдняго времени побѣду брони надъ артиллеріей.

Я уже говорилъ выше, какимъ образомъ разрываются японскіе снаряды и какое громад-

ное количество осколковъ они даютъ, заклинивая и порта орудія, выводя изъ строя массу личнаго состава, а главное производя страшные пожары, почему на современныхъ судахъ, идя въ бой, не только не должно имѣть деревянныхъ шлюпокъ и вообще дерева, но и койки, служившія раньше для защиты, столь легко зажигаются и горятъ, что должны быть или замѣнены чѣмъ-нибудь другимъ, или же передъ боемъ должны убираться внизъ подъ броневую палубу въ мѣста, недостижимыя для непріятельскихъ снарядовъ.

При каждой новой окраскѣ судовъ, которыя, по возможности, должны были бы краситься какой-нибудь негорючей краской (а такихъ красокъ въ продажѣ имѣется сколько угодно), непремѣнно слѣдуетъ наблюдать, чтобы слой старой краски снимался, въ противномъ случаѣ накапливается довольно толстый слой масляной краски, который загорается и служитъ передачей огня отъ одного предмета къ другому. Кромѣ того, замѣчено, что японскіе снаряды, при разрывѣ, распространяютъ настолько удушливые газы, что если этотъ разрывъ происходитъ въ закрытомъ помѣщеніи, они быстро отравляютъ находящихся тамъ людей, почему на судахъ въ такихъ закрытыхъ помѣщеніяхъ и батареяхъ не-

обходимо имѣть сильные электрическіе вентиляторы. Слѣдуетъ также наблюдать, чтобы при постройкѣ судовъ шпигаты въ батареяхъ и палубахъ, находящихся много выше ватерлиніи, устраивались бы такимъ образомъ, чтобы большое количество воды, собирающееся въ этихъ помѣщеніяхъ вслѣдствіе тушенія пожаровъ, дѣйствительно стекало бы черезъ эти шпигаты, а не застаивалось бы въ помѣщеніяхъ, какъ это, по свидѣтельству многихъ офицеровъ, имѣло мѣсто въ бою на нѣкоторыхъ судахъ и, по всей вѣроятности, служило одной изъ причинъ переворота тѣхъ судовъ, которыя погибли такимъ образомъ.

Переходя къ нашему вооруженію, я прежде всего долженъ обратить вниманіе на дальномѣры, которые во время боя настолько разстраиваются отъ сотрясеній при своей собственной стрѣльбѣ и разрывѣ непріятельскихъ снарядовъ, что были случаи показанія того же разстоянія по двумъ дальномѣрамъ, въ которыхъ одинъ показывалъ 48 кабельтовыхъ, тогда какъ отъ другого передавали для того же разстоянія только 30 кабельтовыхъ. Кромѣ того, употребляющіеся теперь на судахъ дальномѣры Барра и Струда и безъ этого при большихъ разстояніяхъ, на которыхъ ведется бой, слишкомъ мало

точны и, будучи установлены на открытыхъ мѣстахъ, весьма быстро выводятся изъ строя, какъ это и было во время боя, гдѣ на болѣе обстрѣливаемыхъ судахъ черезъ часъ уже не дѣйствовалъ ни одинъ дальномѣръ.

Все это, связанное съ тѣмъ обстоятельствомъ, что всякая передача разстояній къ орудіямъ, какъ голосовая, такъ и посредствомъ трубъ и телефоновъ, во время боя очень затруднительна, а иногда и совсѣмъ невозможна, наводитъ на мысль, нельзя ли къ каждой башнѣ приспособить свой дальномѣръ, хотя бы того же увеличеннаго типа, причемъ онъ долженъ былъ бы быть установленъ надъ орудіями внутри ея, базой могъ бы имѣть діаметръ самой башни и только объективы его немного выступали бы съ боковъ башни. Такой дальномѣръ имѣлъ бы то преимущество, что, будучи вмѣстѣ съ башней въ горизонтальномъ направленіи все время наведенъ на цѣль, онъ почти весь былъ бы защищенъ толстой броней и, имѣя длинную базу, могъ бы давать гораздо болѣе точныя разстоянія, опредѣленіе которыхъ производилось бы тутъ же у самыхъ орудій.

О нашихъ снарядахъ и прицѣлахъ я уже говорилъ раньше, но здѣсь еще разъ повторю, что совершенно необходимо капитально измѣ-

нить какъ самое снаряженіе снарядовъ, такъ и трубки къ нимъ, у насъ употребляющіяся. Оптическіе прицѣлы же должны быть усовершенствованы въ томъ направленіи, чтобы отъ сотрясеній при стрѣльбѣ они не могли бы измѣнять своего относительно орудія положенія.

Что касается артиллеріи, я имѣю еще прибавить, что въ башняхъ весьма опасно во время боя держать запасные заряды, которые отъ осколковъ, попадающихъ черезъ амбразуры, воспламеняются и или сжигаютъ всю башенную прислугу, или же, преимущественно у орудій крупнаго калибра, взрываются и производятъ разрушеніе всей башни, какъ это и имѣло мѣсто въ 12-тидюймовой кормовой башнѣ «Суворова».

Сжиганіе же прислуги имѣло мѣсто у нѣсколькихъ 6-дюймовыхъ башенныхъ орудій «Орла».

О послѣдствіяхъ безобразной постройки боевыхъ рубокъ я упоминалъ уже нѣсколько разъ и поэтому больше распространяться объ этомъ вопросѣ не буду; что же касается спорнаго вопроса о щитахъ при орудіяхъ, то я думаю, что въ Цусимскомъ бою этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу такихъ щитовъ, такъ какъ мелкіе осколки японскихъ снарядовъ не

могли бы пробить щитовъ, а большинство людей, стоявшихъ на открытыхъ мѣстахъ, выводилось ими изъ строя.

Изъ изложенія самаго боя видно, что въ продолженіе его не было сдѣлано ни одного сигнала, да и дѣлать сигналы вскорѣ послѣ начала боя не было никакой возможности, такъ какъ на всѣхъ судахъ почти всѣ сигнальные фалы вскорѣ были перебиты, а на флагманскихъ корабляхъ, подвергавшихся особенно сильному огню непріятеля, сигнальщиковъ такъ и счищало съ мостиковъ непріятельскими снарядами.

Необходимо, чтобы въ будущемъ сигнальщики какимъ-либо образомъ были защищены, для чего проектъ боевыхъ рубокъ съ траверзами, выработанный офицерами Владивостокской крейсерской эскадры, мнѣ кажется весьма удобнымъ. Также должно быть обращено большее вниманіе на развитіе сигнализаціи, гдѣ сигналы поднимались бы и показывались бы на длинныхъ шестахъ, и на развитіе сигнализаціи семафорами съ мачтъ, производимой изъ боевой рубки или другого, хорошо защищеннаго мѣста.

Что касается отраженія минныхъ атакъ, ночь съ 14 на 15 мая вполнѣ убѣдила меня,

что во время атаки на ходу прожекторы слѣдуетъ открывать только въ самомъ крайнемъ случаѣ или даже вовсе не открывать и стрѣлять по миноносцамъ только навѣрняка, такъ какъ, если ихъ нѣсколько, атакованное судно или суда держатъ въ лучахъ своихъ прожекторовъ только два или три миноносца, а вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ самымъ даютъ возможность другимъ отлично оріентироваться и, подойдя незамѣченными съ той же или съ другой стороны на достаточно близкое разстояніе, выпустить мину по превосходно видной цѣли. Если же на кораблѣ нѣтъ никакихъ огней, миноносецъ, не имѣя никакой возможности оріентироваться, увидитъ атакуемое судно только на весьма близкомъ разстояніи и, идя обыкновенно очень большимъ ходомъ, легко можетъ проскочить, не успѣвъ разрядить своего миннаго аппарата, или же дѣлаетъ выстрѣлъ наскоро, впопыхахъ, причемъ легко можетъ промахнуться.

ГЛАВА V.

За полгода пребыванія въ японскомъ плѣну мнѣ удалось собрать свѣдѣнія отъ другихъ плѣнныхъ офицеровъ и матросовъ о томъ, что происходило на ихъ корабляхъ 14 и 15 мая. Предполагая, что описаніе происходившаго во время боя на каждомъ отдѣльномъ суднѣ, погибшемъ въ бою, можетъ представить нѣкоторый интересъ, я постараюсь изложить здѣсь то немногое, что мнѣ удалось узнать изъ разныхъ источниковъ объ участи этихъ кораблей, и при этомъ буду придерживаться той послѣдовательности, въ которой суда находились въ строю въ началѣ боя.

Флагманскій броненосецъ «Князь Суворовъ», подъ командой капитана 1-го ранга Игнаціуса въ 1 часъ 50 минутъ съ разстоянія 32 кабельтовыхъ сдѣлалъ первый выстрѣлъ изъ 6-дюймовой башни по головному японскому броненосцу

«Миказа» и этимъ подалъ сигналъ къ открытію боя. Въ это время японская эскадра поворачивала на параллельный намъ курсъ, наши же суда еще перестраивались изъ строя 2-хъ кильватерныхъ колоннъ въ одну. Японскія суда при поворотѣ створились, но, повернувъ, сперва «Миказа», а затѣмъ и другія, по очереди, открывали огонь. Японскіе первые отвѣтные выстрѣлы послѣдовали минуты черезъ двѣ послѣ открытія огня «Суворовымъ» и по немъ переднія ихъ суда, главнымъ образомъ, и сосредоточили свой огонь, пристрѣлявшись весьма быстро, такъ какъ послѣ двухъ-трехъ перелетовъ, а затѣмъ нѣсколькихъ недолетовъ почти ни одного снаряда не пролетало мимо. Первый попавшій снарядъ, разорвавшись, убилъ сигнальнаго кондуктора Контурова, сигнальщиковъ и ординарцевъ, находившихся позади боевой рубки; сейчасъ же вслѣдъ за этимъ большимъ осколкомъ было убито 2 человѣка въ самой рубкѣ, а затѣмъ въ ней же были ранены ревизоръ лейтенантъ Орнатовъ и старшій артиллеристъ лейтенантъ Владимірскій, которые ушли на перевязку; послѣдняго при управленіи огнемъ замѣнилъ флагманскій артиллеристъ. Ближайшія японскія суда находились отъ «Суворова» въ разстояніи около 23 кабельтовыхъ и развили по немъ такой огонь,

что все, что не было защищено, буквально сметалось снарядами, даже въ боевой рубкѣ не было никакой возможности стоять изъ-за пролетающихъ въ просвѣтъ осколковъ; приходилось держаться въ согнутомъ положеніи и, выглянувъ на моментъ, сейчасъ же прятать голову.

Въ 2 ч. 5 м. уклонились на нѣкоторое время на $2^1/_2$ румба вправо, въ это время въ рубкѣ же былъ убитъ осколкомъ въ голову флагманскій артиллеристъ полковникъ Берсеневъ; онъ былъ замѣненъ пришедшимъ съ перевязки лейтенантомъ Владимірскимъ. Сбило лѣвый дальномѣръ, который сейчасъ же былъ замѣненъ правымъ, но и этотъ, въ свою очередь, черезъ нѣсколько минутъ былъ разбитъ осколками.

Снаряды въ рубку, башню и передніе надстройки сыпались безпрестанно, и корабль во многихъ мѣстахъ уже горѣлъ.

Около 2 ч. 15 м. легко ранило адмирала, флагъ-капитана, мичмана Шишкина и еще нѣсколькихъ человѣкъ. Командиръ просилъ перемѣнить курсъ, мотивируя это тѣмъ, что японцы пристрѣлялись, и въ 2 ч. 20 м. адмиралъ приказалъ повернуть на 4 румба вправо, что и было исполнено; въ это время вторично ранило Владимірскаго и черезъ минуту и адмирала въ голову и ноги, затѣмъ лейтенанта Свербѣева,

а также и пришедшаго въ рубку лейтенанта Зотова. Передъ этимъ броненосецъ получилъ пробоину въ отдѣленіе лѣваго подводнаго аппарата, во время же поворота онъ перестаетъ слушаться руля и продолжаетъ медленно катиться вправо и, такимъ образомъ, перекатывается на обратный курсъ. Изъ рубки уносятъ раненаго въ голову командира, возлѣ нея кругомъ сильный пожаръ.

Вернувшійся въ рубку лейтенантъ Владимірскій, управляясь машинами, приводитъ броненосецъ на прежній курсъ. Управленіе машинами весьма затруднительно, такъ какъ дѣйствуетъ только одинъ телеграфъ и одна переговорная труба.

Черезъ нѣсколько времени «Суворовъ» снова начинаютъ осыпать снарядами, и лейтенантъ Владимірскій раненъ въ третій разъ, а его мѣсто при управленіи занимаетъ лейтенантъ Богдановъ. Къ 3 ч. 15 м. на «Суворовѣ» уже была сбита одна труба и гротъ-мачта и выведена изъ строя кормовая 12-дюймовая башня, крышу которой, вслѣдствіе, должно быть, взрыва внутри ея, совершенно вырвало вонъ; кромѣ того, выведено много другихъ орудій и во многихъ мѣстахъ пожары; уже много убитыхъ и раненыхъ, а управленіе броненосцемъ перешло въ

центральный постъ. Къ счастью, удалось выправить появившійся было кренъ, и машины работали совершенно исправно.

Къ 4 часамъ пожаръ началъ распространяться съ громадной быстротой въ обѣихъ батарейныхъ палубахъ, причемъ взрывались 75-миллиметровые патроны, которые, однако, при этомъ большого разрушенія не производили, такъ что команда, тушившая пожары, даже не обращала на нихъ большого вниманія. Отсутствіе парусинныхъ водоотливныхъ шланговъ, которые всѣ были перебиты, густой, ѣдкій дымъ и жаръ очень затрудняли тушеніе пожаровъ, которымъ, поспѣвая всюду, распоряжался лейтенантъ Богдановъ.

75-миллиметровыя орудія средней батареи не дѣйствовали, ихъ борта были совершенно исковерканы и чрезъ нихъ въ броненосецъ свободно вливалось большое количество воды.

Черезъ нѣкоторое время, когда огонь непріятеля стихъ, «Суворовъ» былъ совсѣмъ уже изуродованъ, но оставшійся личный составъ его все еще продолжалъ мужественно бороться противъ остававшихся одинаково сильныхъ, хотя и разнородныхъ враговъ — воды и пламени. Снизу начали выносить запасные шланги, но дымъ былъ до того густъ, что въ палу-

бахъ едва можно было ориентироваться, настолько все было завалено обломками различныхъ вещей. Почти всѣ желѣзные трапы были перебиты. Управлялъ броненосцемъ флагъ-капитанъ, капитанъ 1-го ранга Клапье-де Колонгъ, находясь на наружномъ срѣзѣ правой средней 6-дюймовой башни и отдавая приказанія въ центральный постъ при помощи голосовой передачи. Адмиралъ былъ перенесенъ въ 6-дюймовую башню вскорѣ послѣ полученія имъ второй раны, гдѣ онъ и оставался во все время послѣдующаго боя. Должно быть, около 4½ часовъ, къ «Суворову» приблизились 4 японскихъ небольшихъ миноносца, но, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ своихъ мелкихъ орудій, они, въ виду приближенія нашей эскадры, быстро удалились, несмотря на то, что съ «Суворова» по нимъ стрѣляла только одна 75-миллиметровая пушка и нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ ружьями. Это, повидимому, было все, что осталось отъ артиллерійскаго вооруженія броненосца. На этотъ разъ наша эскадра прошла очень близко отъ «Суворова», и въ это же время къ нему направился миноносецъ «Буйный»; но вмѣстѣ со своими судами къ «Суворову» приблизилась и непріятельская эскадра и снова его нѣкоторое время осыпали непріятельскіе снаряды. Мино-

носецъ «Буйный», подойдя къ борту, снялъ раненаго адмирала и тѣхъ чиновъ штаба, которые въ это время находились около него. На срѣзѣ были видны оставшіеся цѣлыми судовые офицеры лейтенанты Богдановъ и Вырубовъ и прапорщикъ фонъ-Курсель; послѣднему одинъ изъ штабныхъ предложилъ перейти съ ними вмѣстѣ на миноносецъ, но онъ съ твердостью отказался, пожелавъ остаться на своемъ суднѣ. Когда миноносецъ отвалилъ отъ борта, «Суворовъ» остался вдали отъ нашихъ судовъ почти совершенно одинъ, потому что около него находилась одна только «Камчатка». По свидѣтельству одного изъ спасшихся съ нея мастеровыхъ, должно быть, около 7 часовъ вечера, къ нему подошли непріятельскіе миноносцы и, безъ всякаго для себя риска, выпустили въ него нѣсколько минъ, послѣ чего «Суворовъ», по утвержденію того же спасеннаго съ «Камчатки», быстро пошелъ ко дну, не перевернувшись, какъ это имѣло мѣсто съ однотипными съ нимъ броненосцами «Бородино» и «Александръ III». Вслѣдствіе чего такъ случилось,—сказать трудно; можетъ быть, одной изъ причинъ того, что онъ не перевернулся, было то, что къ вечеру на немъ трубы, мачты и всѣ надстройки были сбиты, многое наверху

сгорѣло и, такимъ образомъ, надводная часть была облегчена настолько, что броненосецъ передъ смертью получилъ хорошую остойчивость, которой ему недоставало при жизни. Изъ всего личнаго состава «Суворова» спаслись только тѣ немногіе матросы, которые вмѣстѣ съ адмираломъ и его штабомъ успѣли перескочить на миноносецъ «Буйный», оставшіеся же на броненосцѣ погибли всѣ.

О шедшемъ въ началѣ боя непосредственно въ кильватеръ «Суворову» броненосцѣ «Александръ III», подъ командой капитана 1-го ранга Бухвостова, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; онъ такъ же, какъ и миноносецъ «Безупречный», погибъ со всѣмъ своимъ личнымъ составомъ, и команды этихъ двухъ судовъ унесли съ собою въ вѣчность разсказъ о послѣднихъ часахъ своихъ кораблей.

«Александръ III», повидимому, уже въ началѣ боя потерпѣлъ довольно сильныя поврежденія и къ моменту его перваго выхода изъ строя, около 2 ч. 40 м., на немъ уже видны было значительные пожары. Мало вѣроятнымъ, однако, кажется, чтобы полученныя повреждепія заставили его выйти изъ строя, такъ какъ

въ этомъ случаѣ онъ врядъ ли такъ быстро опять вступилъ бы въ линію и такъ долго бы могъ еще сражаться; остается предположить, что у него, такъ же какъ и на «Суворовѣ», въ это время случилась какая-нибудь неисправность рулевого привода, которую, по всей вѣроятности, весьма быстро удалось исправить. Картина того, что происходило на «Александрѣ III», должно быть, очень похожа на все, имѣвшее мѣсто на «Суворовѣ». Когда онъ послѣдній разъ вышелъ изъ строя, около 6 часовъ вечера, и эскадра проходила мимо него, онъ былъ весь изрѣшетенъ пробоинами, и кренъ на лѣвую сторону былъ одинъ моментъ такъ великъ, что, казалось, онъ ближайшими къ водѣ орудіями вотъ-вотъ начнетъ чертить по ней и перевернется; но, повидимому, въ остававшихся на немъ людяхъ сохранились еще энергія и силы бороться, и онъ, ни на минуту не переставая стрѣлять, молодецки справился съ креномъ и еще разъ выпрямился и вступилъ въ линію.

Но это послѣднее усиліе не надолго продолжило его агонію, и уже черезъ полчаса онъ снова сильно накренился и началъ выходить изъ строя. Около боевой рубки у него былъ сильный пожаръ, и съ «Сенявина», за которымъ онъ шелъ, на мостикѣ не видѣли никого изъ

офицеровъ; тамъ стоялъ одинъ сигнальщикъ, который семафоромъ передалъ: «Терплю бѣдствіе». Чуя близкую гибель, на бакъ выскочило довольно много команды, но броненосецъ вдругъ такъ быстро перевернулся, что большинство изъ нихъ накрылъ собой, и только человѣкъ 15 успѣло выбраться на киль и этимъ на нѣсколько времени отсрочить моментъ своей гибели. Одному Богу извѣстно, какой ужасно мучительной смерти подверглись тѣ, которые, цѣлые или раненые, оставались еще въ живыхъ въ нижнихъ помѣщеніяхъ перевернувшагося броненосца; размолотые машинами, придавленные снарядами или другими тяжестями, они инстинктивно должны были стараться уползти вверхъ отъ наполнявшей броненосецъ воды, но наверху встрѣчали палубу, бывшую теперь потолкомъ и, упершись въ нее, наполовину искалѣченные и задыхающіеся отъ недостатка воздуха, тонули въ той же настигающей ихъ водѣ.

Изъ 900 человѣкъ команды эскадреннаго броненосца «Бородино» какимъ-то чудомъ удалось спастись только одному марсовому Ющину. Къ счастью, онъ во время боя раненъ не былъ

и поэтому могъ разсказать многое видѣнное имъ самимъ и слышанное отъ другихъ о послѣднихъ часахъ своего корабля.

По боевому расписанію, марсовый Ющинъ находился у одной изъ 75-миллиметровыхъ пушекъ въ носовомъ казематѣ, такъ что видѣть то, что происходило на верхней палубѣ и въ другихъ частяхъ корабля онъ, конечно, не могъ, но все, что разсказывали въ его казематѣ приходившіе туда люди пожарнаго дивизіона, разсыльные и тѣ, которые должны были убирать раненыхъ, отлично сохранилось въ его памяти, и разсказъ его даетъ достаточно хорошее понятіе о томъ, что дѣлалось на броненосцѣ во время боя.

По словамъ Ющина, передъ самымъ началомъ боя командиръ броненосца, обожаемый всей командой капитанъ 1 ранга Серебрянниковъ, вызвавъ весь личный составъ на верхнюю палубу, сказалъ рѣчь, въ которой напомнилъ командѣ о томъ, какъ всякій долженъ вести себя въ предстоящемъ бою, честно исполняя свой долгъ и данную присягу. Почти тотчасъ же послѣ этого была пробита боевая тревога и бой начался съ особымъ рвеніемъ со стороны команды, на которую слова командира произвели большое впечатлѣніе.

Въ началѣ боя въ «Бородино» было немного попаданій, и первую тяжкую пробоину онъ получилъ около $3^1/_2$ часовъ въ кормовую часть праваго борта, немного выше ватерлиніи. Начался пожаръ и пробоиной бронепосецъ, благодаря зыби, началъ принимать воду. Тотчасъ же туда былъ отправленъ трюмно-пожарный дивизіонъ подъ командой юнкера, очень энергично распоряжавшагося, и пожаръ былъ быстро потушенъ. Въ это же время находившемуся въ батареѣ мичману Прикотъ осколками снаряда, попавшаго туда, оторвало обѣ ноги.

Но въ общемъ до 6-го часа особенно сильныхъ поврежденій бронепосецъ не имѣлъ и раненыхъ и убитыхъ было сравнительно немного. Только послѣ окончанія перерыва боя онъ сильно началъ страдать отъ сосредоточеннаго на немъ огня непріятельскихъ судовъ и вскорѣ послѣ возобновленія боя около носовой 6-тидюймовой башни съ праваго борта немного выше срѣза попавшій снарядъ большого калибра, разорвавшись, сдѣлалъ въ борту большую пробоину съ ворота величиной и, кромѣ того, пробилъ вторую палубу; почти одновременно другой снарядъ пробилъ палубу на бакѣ. Черезъ нѣсколько времени крупнымъ снарядомъ, разорвавшимся около рубки, былъ совершенно разрушенъ мостикъ и

перебиты и ранены всѣ люди, бывшіе въ боевой рубкѣ и вблизи ея; имъ убило старшаго и младшаго штурмановъ, причемъ одного изъ нихъ разорвало на мелкіе куски. Старшему артиллерійскому офицеру, лейтенанту Завалишину, вырвало животъ, и о немъ говорили, что онъ самъ сошелъ внизъ, но, не дойдя до перевязочнаго пункта, тутъ же упалъ и умеръ. Командиръ и старшій минный офицеръ, также раненые, были снесены внизъ. Кромѣ того, осколками снаряда, попавшаго въ носовую 12-тидюймовую башню, былъ срѣзанъ колпакъ этой башни и обезглавленъ командиръ ея лейтенантъ Фуксъ.

Командованіе судномъ принялъ старшій офицеръ, капитанъ 2 ранга Макаровъ, управляя броненосцемъ при посредствѣ центральнаго поста.

Командиръ лежалъ въ перевязочномъ пунктѣ съ тяжелой раной въ шеѣ и оторванной кистью лѣвой руки. Извѣстіе о его ранѣ произвело удручающее впечатлѣніе на команду, и, когда стрѣльба немного затихла, многіе бѣгали узнавать, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ ни на минуту не терялъ сознанія и все время продолжалъ отдавать распоряженія, интересуясь ходомъ боя и ободряя команду.

Когда «Александръ III» вышелъ изъ строя и «Бородино» занялъ его мѣсто въ головѣ колонны, для него наступилъ послѣдній, самый страшный періодъ боя; въ него непрерывно начали попадать снаряды, которые зажигали и коверкали все на своемъ пути. До этихъ поръ на броненосцѣ еще довольно хорошо справлялись съ пожарами, но тутъ они начали одолѣвать, и всѣ помѣщенія постепенно пропитывались густымъ ѣдкимъ дымомъ, мѣшавшимъ видѣть непріятеля и стрѣлять. Вскорѣ почувствовался довольно сильный кренъ на правую сторону, но «Бородино не выходилъ изъ строя, а продолжалъ итти впереди эскадры, все еще стрѣляя, хотя уже гораздо рѣже, такъ какъ большинство орудій и прислуги ихъ было выведено изъ строя, а непріятельскіе снаряды попадали все чаще и чаще. Незадолго до гибели броненосца всѣ офицеры были выведены изъ строя и, по мнѣнію Ющина, въ это время броненосецъ получилъ нѣсколько подводныхъ пробоинъ. Правда, Ющинъ не видѣлъ такихъ пробоинъ и думаетъ такъ только потому, что броненосецъ сильно накренился, а между тѣмъ онъ самъ никакого сильнаго взрыва, какимъ былъ бы взрывъ пороховыхъ погребовъ или мины, не слышалъ. Почти передъ самою гибелью ко-

рабля онъ прошелъ отъ своего мѣста въ носовомъ казематѣ до самой кормы и имѣлъ случай видѣть всѣ разрушенія надводной части броненосца. Случилось это слѣдующимъ образомъ: незадолго до переворота, въ носовой казематъ, въ которомъ находился Ющинъ, попали одинъ за другимъ два снаряда, выбившіе всѣхъ людей, тамъ находившихся, кромѣ самого Ющина и его начальника—артиллерійскаго кондуктора Чепакина. Произошелъ большой пожаръ, потушить который имъ двоимъ было не подъ силу. Тогда Чепакинъ приказалъ Ющину пробѣжать на корму и привести оттуда людей. Исполняя приказаніе кондуктора, Ющинъ отправился по назначенію. Пробираясь между обломками, онъ увидѣлъ, что борта спардека во многихъ мѣстахъ пробиты и разворочены. Въ палубѣ были громадные провалы и требовалась большая осторожность, чтобы не упасть туда; почти не было возможности спуститься изъ одной палубы въ другую, такъ какъ всѣ трапы были перебиты. Офицерское помѣщеніе и адмиральская каюта были совершенно разрушены и объяты пламенемъ. Никакихъ людей Ющинъ въ кормѣ не нашелъ, трюмо-пожарный дивизіонъ былъ, должно быть, уже весь выбитъ изъ строя и кругомъ только валялась масса труповъ. Обе-

зумѣвъ отъ ужаса, онъ вскочилъ на лѣвый срѣзъ и хотѣлъ, самъ не зная зачѣмъ, пробраться на верхнюю палубу, но тутъ увидѣлъ, что она вся пылаетъ, въ особенности задній мостикъ, и побѣжалъ назадъ въ свой казематъ, чтобы сообщить обо всемъ видѣнномъ кондуктору. Только что онъ успѣлъ добѣжалъ до своей пушки, какъ броненосецъ сразу легъ на бокъ и перевернулся вверхъ килемъ. Вода моментально хлынула въ орудійные порта и заполнила казематъ. Ющинъ уже не могъ черезъ нихъ выскочить и очутился на потолкѣ: тутъ онъ инстинктивно ухватился за тонкую паровую трубу, а затѣмъ, разорвавъ на себѣ платье и ощупавъ ногой полупортикъ, нырнулъ въ него и, продолжая работать руками и ногами, вскорѣ выплылъ на поверхность, нѣсколько разъ захлебнувшись водой. Первое, что онъ увидѣлъ,—была подводная часть его корабля, на которой стояло человѣкъ 8 матросовъ, остальные же погибали той же ужасной, мучительной смертью, какой погибли и ихъ товарищи съ «Александра III». Увидѣвъ Ющина, одинъ изъ этихъ матросовъ, минный машинистъ Петовъ, крикнулъ ему: «плыви сюда» и, снявъ съ себя рубашку, старался подать ему одинъ конецъ ея. Ющинъ ухватился-было за рукавъ этой рубашки, но

его сейчасъ же отшибло волной отъ подводной части и онъ увидѣлъ невдалекѣ нѣсколько обломковъ дерева, на которыхъ держались 4 матроса; ему послѣ нѣкоторыхъ усилій удалось подплыть къ нимъ и здѣсь онъ крѣпко ухватился за обломокъ рея. Недолго пришлось этимъ 5-ти человѣкамъ проплавать вмѣстѣ; вскорѣ обломки съ находящимися на нихъ людьми были волнами разнесены въ разныя стороны, а еще чрезъ нѣсколько минутъ начало темнѣть, и Ющинъ совершенно потерялъ другихъ изъ виду; подводной же части «Бородина» давно уже не было видно.

Три часа продержался Ющинъ на своемъ обломкѣ, бросаемомъ изъ стороны въ сторону волнами въ совершенной темнотѣ; многое, должно быть, перечувствовалъ онъ за это время и, должно быть, еще черезъ нѣсколько времени, обезсилѣвъ, пошелъ бы ко дну, какъ и другіе его товарищи, но по какому-то странному велѣнію судьбы онъ почему-то былъ подобранъ однимъ изъ трехъ японскихъ миноносцевъ, проходившихъ мимо него.

Броненосецъ «Ослябя», подъ командой капитана 1 ранга Бэра, какъ извѣстно, передъ самымъ началомъ боя былъ головнымъ лѣвой колонны. Хотя на немъ и развѣвался флагъ адми-

рала фонъ-Фелькерзама, но самого адмирала уже 3 дня не существовало и только тѣло покойнаго, залитое въ цементъ, въ гробу стояло въ походной церкви броненосца. Во время открытія огня японской эскадрой «Ослябя» все еще оставался головнымъ лѣвой колонны, такъ какъ броненосцы 1-го отряда еще не вступили впереди него въ линію и, должно быть, вслѣдствіе этого на немъ и былъ сосредоточенъ огонь всѣхъ концевыхъ японскихъ кораблей, а именно отряда броненосныхъ крейсеровъ. Чтобы быстрѣе вступить въ кильватеръ «Орлу», на «Ослябѣ» было положено лѣво руля, но до того, какъ линія выравнялась, «Ослябя» былъ буквально осыпаемъ снарядами, покрывшими его палубы убитыми и ранеными, и успѣлъ получить отъ снаряда крупнаго калибра большую подводную пробоину въ носу съ лѣвой стороны, которая заставила его сразу накрениться и сѣсть на носъ. Послѣ вступленія въ кильватеръ попаданія замѣтно уменьшились, но все же ихъ было много, и вскорѣ на броненосцѣ была подбита носовая 10-дюймовая башня, перебита подача къ носовому каземату и получено еще нѣсколько снарядовъ въ носъ. Черезъ полчаса послѣ начала боя по непріятелю могли еще дѣйствовать только кормовая 10-дюймовая

башня и кормовыя орудія, вся же остальная артиллерія лѣваго борта была подбита. Около 2 ч. 30 м. въ носовую часть броненосца на лѣвомъ борту, недалеко отъ первой большой пробоины, противъ 10-тидюймовой башни, попалъ второй снарядъ, разорвавшій бортъ въ пробоину громадныхъ размѣровъ. Въ образовавшееся отверстіе въ броненосецъ хлынула вода. Отверстіе было настолько велико, что, по словамъ очевидцевъ, изъ него вывалились хранившіяся въ одномъ изъ помѣщеній противъ этого мѣста пустыя мины загражденія. Въ то же время другимъ снарядомъ была сдѣлана пробоина у ватерлиніи въ борту, противъ задней 16-той угольной ямы, и вода, заполнивъ яму, выпучила уже попорченную, должно быть, тѣмъ же снарядомъ переборку, отдѣляющую ее отъ жилой палубы, и хлынула туда, невдалекѣ отъ перевязочнаго пункта. Есть спасенные, которые говорятъ, что видѣли, что около этого мѣста обвалились броневыя плиты.

Кренъ началъ быстро увеличиваться, и «Ослябя» еще глубже сѣлъ носомъ, вслѣдствіе чего онъ застопорилъ машины и вышелъ изъ строя, все болѣе и болѣе ложась на лѣвый бортъ. Вода настолько стремительно вливалась въ пробоины, что опрокидывала и уносила до-

ски, койки, словомъ, все, чѣмъ старались задѣлать эти пробоины, и чѣмъ больше ложился броненосецъ, тѣмъ большее количество воды попадало въ него изъ отверстій, выбитыхъ снарядами въ борту выше ватерлиніи. Послышалась команда: «Спасаться», и люди, собравшіеся на правомъ борту, начали прыгать въ воду. Командиръ раненъ не былъ и распоряжался до самаго послѣдняго момента. Когда его уговаривали спасаться, онъ отвѣчалъ, прощаясь: «Идите, спасайтесь, я не уйду». Послѣднимъ упрашивалъ его броситься въ воду его ординарецъ, квартирмейстеръ Михайловъ, принесшій ему двѣ койки. Капитанъ 1 ранга Бэръ обнялъ его и сказалъ: «иди, спасайся», а самъ ушелъ въ боевую рубку, послѣ чего его больше не видѣли. Старшаго офицера Похвиснева видѣли во время боя лежащимъ раненымъ на рундукахъ въ жилой палубѣ. Никто изъ боевой смѣны машинной команды и механиковъ наверхъ выйти не успѣлъ и всѣ они остались на своихъ мѣстахъ. Когда кренъ дошелъ до батарейной палубы и въ порта и пробоины ея начала вливаться вода, броненосецъ быстро легъ на бокъ, зарывшись носомъ, и затѣмъ носомъ впередъ плавно пошелъ ко дну. До послѣдняго момента по нему не переставали стрѣ-

лять, и многіе, находившіеся уже въ водѣ, тутъ были убиты осколками рвавшихся между ними снарядовъ. Къ плававшей командѣ погибшаго броненосца сейчасъ же подошли миноносцы «Буйный», «Быстрый» и «Бравый» и начали спасать людей, причемъ первому удалось спасти больше всѣхъ, около 200 человѣкъ.

Броненосецъ «Сисой Великій» въ началѣ боя мало терпѣлъ отъ огня непріятельской эскадры, но какъ только изъ строя вышелъ «Ослябя», на немъ сразу почувствовали, что теперь часть японскихъ пушекъ, освободившихся послѣ гибели «Осляби», свой огонь перенесла на него. Очень много снарядовъ попадало въ броню, но ни одинъ не пробивалъ ея. Самыя сильныя поврежденія броненосецъ получилъ съ праваго борта около 4 часовъ, должно быть, немного ранѣе, когда эскадра сражалась съ японскими броненосными крейсерами съ правой стороны. Броненосецъ подъ рядъ получилъ два снаряда въ батарею, произведшіе тамъ сильный пожаръ, пробоину у ватерлиніи въ носу, заполнившую носовое отдѣленіе водой, и снарядъ въ жилую палубу, также произведшій значительный пожаръ, вслѣдствіе чего онъ на 15 минутъ вышелъ изъ строя влѣво. Эскадра въ это время проходила

мимо своихъ транспортовъ и крейсеровъ, и крейсеръ «Дмитрій Донской», подойдя къ «Сисою», принялъ на это время на себя огонь непріятеля и заслонилъ его. Пожаръ въ батареѣ былъ потушенъ только черезъ 2 часа, и отъ него сильно пострадали какъ сами орудія, такъ и приспособленія для подачи патроновъ къ нимъ.

Въ 8 часовъ вечера стемнѣло, и броненосецъ, не имѣя возможности поспѣть за другими судами изъ-за своей пробоины у ватерлиніи въ носу, которою онъ принималъ много воды,— началъ отставать отъ нихъ. Потерявши. другихъ изъ виду, на «Сисоѣ Великомъ» приступили къ задѣлыванію пробоины въ носу, но работа эта не увѣнчалась большимъ успѣхомъ, такъ какъ пластырь водой постоянно срывало, вода продолжала прибывать и откачивать ее пришлось всю ночь. Все время съ вечера и до 3-хъ часовъ ночи на броненосецъ производились атаки японскихъ миноносцевъ, всякій разъ удачно отбиваемыя. Около 2-хъ часовъ ночи одному изъ миноносцевъ удалось удачно выпустить мину, которая попала и взорвалась у рулевого отдѣленія. Потерявъ руль, «Сисой» продолжалъ итти, управляясь машинами, но когда къ разсвѣту стало ясно, что дойти до Вла-

дивостока опъ разсчитывать не можетъ,—повернулъ назадъ къ о. Цусимѣ. Около 6 часовъ утра на горизонтѣ показался крейсеръ «Владиміръ Мономахъ» и миноносецъ «Громкій», направлявшіеся къ тому же острову. Когда они приблизились, на «Сисоѣ Великомъ» сдѣлали сигналъ «Мономаху»: «Спасите команду», на что онъ отвѣтилъ: «Спасти не могу, самъ затону черезъ нѣсколько минутъ», и пошелъ дальше. Положеніе броненосца было очень тяжелое, онъ имѣлъ кренъ на лѣвую сторону и по верхнюю палубу сидѣлъ носомъ, корма же была поднята сильно кверху. На горизонтѣ показались три непріятельскихъ вспомогательныхъ крейсера и быстро направились къ «Сисою», который сигналомъ просилъ ихъ спасти команду и сталъ спускать барказъ съ цѣлью погрузить туда раненыхъ. Японцы также спустили шлюпки, которыя подошли къ броненосцу и начали принимать людей. Крейсера же подошли къ «Сисою Великому» съ цѣлью взять его на буксиръ, но буксиръ завести не успѣли, какъ вдругъ броненосецъ перевалился на правую сторону и пошелъ ко дну.

Слѣдующимъ за «Сисоемъ Великимъ» въ строю шелъ броненосецъ «Наваринъ», онъ такъ же, какъ и послѣдній, до гибели «Осля-

бил мало страдалъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и первую крупную пробоину 12-дюймовымъ снарядомъ получилъ въ кормовую часть лѣваго борта, очень близко отъ ватерлиніи, въ самомъ началѣ 4-го часа. Черезъ нѣкоторое время, должно быть, около 4-хъ часовъ, онъ получилъ совершенно такую же пробоину, тоже въ корму у ватерлиніи, симмертично первой, съ правой стороны. Оба эти снаряда произвели сильныя разрушенія въ кормѣ и зажгли каютъ-компанію, которая совершенно была ими разрушена. Пожаръ, послѣ большихъ усилій, былъ потушенъ, а пробоины наскоро задѣланы настолько, чтобы не пропускать большого количества воды. До вечера, если не считать большихъ разрушеній и пожаровъ наверху, броненосецъ вблизи ватерлиніи имѣлъ еще одну пробоину съ кормы въ лѣвомъ борту и одну въ носу, на правой сторонѣ, около кондукторскихъ каютъ. Въ серединѣ боя осколками снаряда, попавшаго въ крышу носовой башни и снесшаго 47-миллиметровую пушку, былъ раненъ въ животъ и ноги командиръ, капитанъ 1-го ранга баронъ Фитингофъ, который сейчасъ же былъ унесенъ въ операціонный пунктъ. Его мѣсто занялъ старшій офицеръ, капитанъ 2-го ранга Дуркинъ. Кромѣ того, во время боя были

ранены штурманъ лейтенантъ Рклицкій и мичманы Лимишевскій и Щелкуновъ.

Послѣ окончанія артиллерійскаго боя, когда на «Николаѣ I» былъ показанъ курсъ и поднятъ сигналъ: «Слѣдовать за мной», и оставшіяся въ строю суда увеличили ходъ, «Наваринъ» тоже старался за ними слѣдовать, хотя на такомъ ходу у него садилась корма и онъ своими кормовыми пробоинами принималъ все большее количество воды. До 9 часовъ вечера броненосцу удавалось поспѣвать за эскадрой, успѣшно отбивая всѣ минныя атаки, но къ этому времени онъ настолько погрузился кормой, что вода заливала кормовой срѣзъ и доходила до 12-тидюймовой башни. Невозможно было продолжать итти такимъ ходомъ, и онъ уменьшилъ его, а когда всѣ корабли быстро скрылись изъ виду въ темнотѣ, — совсѣмъ застопорилъ машины и началъ подводить пластырь. Тутъ миноносцы со всѣхъ сторонъ начали отчаянно нападать на него; одно время ихъ было болѣе двадцати. Броненосецъ усиленно отъ нихъ отстрѣливался и первое время ему удавалось не допускать ихъ приближаться, но вотъ около 11 часовъ одинъ изъ нападавшихъ миноносцевъ, подойдя незамѣтно сзади, выпустилъ мину въ корму броненосца. Мина

взорвалась, послышался страшный ударъ, и всю корму залило водой. Тутъ среди команды произошло нѣкоторое замѣшательство и не успѣли они прійти въ себя, какъ другой миноносецъ выпустилъ мину, взорвавшуюся по срединѣ корабля съ праваго борта; миноносецъ, при своемъ поворотѣ обратно, былъ утопленъ послѣдними выстрѣлами «Наварина», который продолжалъ тихо двигаться впередъ, сильно накренившись на правый бортъ. Чувствуя близкую гибель, всѣ люди на броненосцѣ бросали свои мѣста и выбѣгали наверхъ; одни старались спустить шлюпки, другіе метались по палубѣ, третьи прыгали въ воду. Офицеры, сознавая безвыходность положенія, прощались другъ съ другомъ. Дѣйствительно, броненосецъ накренился настолько, что стрѣлять уже больше не могъ. Правымъ бортомъ онъ уже лежалъ на водѣ и видно было, какъ къ нему подходятъ, отдѣлившись отъ другихъ, еще два непріятельскихъ миноносца.

Подойдя совсѣмъ близко съ лѣваго борта, они выпустили еще двѣ мины, которыя взорвались, послѣ чего «Наваринъ» сразу перевернулся, задавивъ при этомъ тѣ немногія шлюпки, которыя предъ самою гибелью удалось спустить. Это было въ первомъ часу ночи. Всѣ

свѣдѣнія, которыя я передаю здѣсь, почерпнуты изъ разсказа матроса Сѣдова, одного изъ трехъ спасшихся съ «Наварина», который на слѣдующій день былъ подобранъ изъ воды японскимъ миноносцемъ и привезенъ имъ въ плѣнъ. Разсказъ о томъ, что онъ претерпѣлъ, 16 часовъ носимый волнами, настолько интересенъ, что я не могу удержаться, чтобы также не привести его.

Когда Сѣдовъ, послѣ гибели броненосца, попалъ въ воду, онъ очутился среди массы барахтающихся и плавающихъ матросовъ; большинство изъ нихъ не успѣло запастись спасательными средствами и многіе хватались за другихъ и топили другъ друга; всѣ кричали и взывали о помощи, но японскіе миноносцы одинъ за другимъ уходили, никого не спасая, сопровождаемые мольбами и проклятіями тонущихъ. За Сѣдова тоже ухватился одинъ—баталеръ Казняковъ—и чуть не потащилъ его ко дну, онъ еле успѣлъ отъ него вырваться, послѣ чего тотъ сейчасъ же потонулъ. Кругомъ слышались отчаянные вопли и крики: «Не подплывай, утопишь», «Не хватайся, все равно убью» и т. д. Сѣдова, несмотря на пробковый матрасъ, которымъ онъ былъ опоясанъ, что-то сильно потянуло внизъ и онъ довольно глу-

боко ушелъ подъ воду, но послѣ нѣкоторыхъ усилій опять выплылъ наружу. Въ это время съ погибшаго броненосца начало съ большой силой выбрасывать на поверхность деревянныя вещи, за которыя хваталась команда, но въ то же время этимъ деревомъ сильно калѣчило многихъ плавающихъ. Вблизи Сѣдова одному матросу сломало руку, другому разбило челюсти и онъ, громко застонавъ, скрылся подъ водой, еще одному какимъ-то бревномъ разбило черепъ, но на немъ былъ пробковый поясъ и онъ продолжалъ мертвый плавать на поверхности. Сначала было очень темно, но потомъ взошла луна и стало свѣтлѣе, плававшихъ оставалось все меньше и меньше, такъ какъ многіе отъ страшной усталости и холода до того ослабѣвали, что выпускали изъ рукъ предметы, за которые держались, и шли ко дну. Безконечно тянулась эта ночь. Наконецъ, стало разсвѣтать и взошло солнце. День былъ ясный и кругомъ на горизонтѣ никого не было видно. Должно быть, около 7 часовъ утра на горизонтѣ показался миноносецъ, шедшій прямо на маленькую кучку оставшихся еще на поверхности воды людей. Къ этому времени на обломкахъ держалось около 50 матросовъ, и среди нихъ, невдалекѣ отъ Сѣдова, на спасательномъ

кругѣ держался лейтенантъ Пуховъ, къ которому, когда выяснилось, что миноносецъ—японскій, Сѣдовъ обратился съ вопросомъ, будетъ ли онъ ихъ спасать. «Право, не знаю, голубчикъ», отвѣтилъ Пуховъ: «судя по тому, какъ они насъ оставили вчера, думаю, что нѣтъ». Дѣйствительно, миноносецъ совсѣмъ въ близкомъ разстояніи прошелъ мимо и, несмотря на отчаянные вопли людей, махавшихъ ему руками, не остановился, хотя не могъ ихъ не видѣть и не слышать, и скоро скрылся изъ виду. Кучка плавающихъ людей все таяла, нѣкоторые сходили съ ума и дико хохотали. Одинъ изъ матросовъ, тоже, должно быть, лишившись разсудка, сзади подплылъ къ лейтенанту Пухову и вдругъ со страшнымъ крикомъ схватилъ его за горло. «Агафоновъ, что ты дѣлаешь, за что ты меня топишь», прохрипѣлъ Пуховъ, но матросъ, вмѣсто отвѣта, продолжалъ топить лейтенанта съ дикимъ воплемъ, изъ котораго ничего нельзя было понять. Сѣдову стало жаль офицера, извѣстнаго своей добротой къ командѣ, и онъ, подплывъ къ нимъ, отбилъ его отъ матроса Агафонова, у котораго съѣхалъ поясъ, вслѣдствіе чего онъ перевернулся внизъ головой и утонулъ. Недолго послѣ этого проплавалъ и лейтенантъ Пуховъ на своемъ спаса-

тельномъ кругѣ; онъ вдругъ какъ-то странно замахалъ въ воздухѣ руками и, потерявъ, должно быть, сознаніе, пошелъ ко дну. Еще черезъ нѣсколько времени около Сѣдова оставалось только 7 человѣкъ, державшихся на большомъ такелажномъ ящикѣ. Онъ тоже присоединился къ нимъ, но и эти люди одинъ за другимъ, обезсилѣвъ, срывались и тонули. Въ концѣ концовъ Сѣдовъ остался одинъ и потерялъ сознаніе. Около 4-хъ часовъ дня 15-го мая его поднялъ проходившій японскій миноносецъ, и здѣсь онъ опять пришелъ въ себя, не сразу повѣривъ тому, что онъ еще живъ и находится среди людей.

Крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ» во время боя 14-го мая хотя и получилъ нѣсколько непріятельскихъ снарядовъ, но ни одинъ изъ нихъ не попалъ слишкомъ близко къ ватерлиніи, благодаря чему у него къ вечеру не было особенно серьезныхъ поврежденій по корпусу и онъ свободно могъ слѣдовать за увеличившей ходъ эскадрой. Въ самомъ началѣ минныхъ атакъ, вскорѣ послѣ 8 часовъ вечера, онъ, однако, получилъ минную пробоину отъ непріятельскаго миноносца, по которому съ крейсера не стрѣляли, такъ какъ приняли его за свой миноносецъ. Пробоина была въ носу съ праваго борта,

и, получивъ ее, крейсеръ принужденъ былъ выйти изъ строя и остановиться, чтобы подвести пластырь. На пробоину подвели три пластыря, но она была настолько велика, что вода заполнила все носовое отдѣленіе и все прибывала, хотя помпы безпрерывно работали всю ночь, откачивая ее. Когда кончили работы по подводкѣ пластырей, опять дали ходъ машинамъ, но хотя онѣ и работали исправно, крейсеръ только медленно подвигался впередъ, такъ какъ сильно сѣлъ носомъ. Атаки непріятельскихъ миноносцевъ, все время успѣшно отражаемыя, продолжались до полуночи. Постепенно прибывавшая вода грозила «Нахимову» гибелью. Было ясно, что до Владивостока онъ не доберется, а потому съ разсвѣтомъ взяли курсъ къ ближайшему берегу. По разсказамъ, вдали отъ крейсера сзади него все время шелъ японскій миноносецъ, сообщавшійся со своими по телеграфу безъ проводовъ. Около 7 часовъ утра приблизились къ берегу острова Цусимы и, спустивъ барказы, начали грузить на нихъ раненыхъ. Въ это время къ «Нахимову» приблизились японскіе вспомогательный крейсеръ и миноносецъ. Послѣ сигнала «Нахимова» японцы также спустили шлюпки и послали ихъ къ крейсеру, чтобы снять людей. Посланному съ «Нахимова» на

японскій крейсеръ лейтенанту командиръ этого крейсера заявилъ, что если будетъ сдѣлана попытка утопить «Нахимовъ», онъ будетъ разстрѣливать всѣхъ плавающихъ на поверхности воды людей. На это вышеупомянутый офицеръ отвѣтилъ ему, что крейсеръ уже тонетъ. Дѣйствительно, когда большая часть команды была перевезена на берегъ своими шлюпками, а остальные взяты японскими, крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ» около 9 часовъ утра 15-го погрузился въ воду. Въ это же время вдали были видны крейсеръ «Владимиръ Мономахъ» и миноносецъ «Громкій», направляющіеся къ берегу.

Броненосецъ береговой обороны «Адмиралъ Ушаковъ», послѣ прекращенія артиллерійскаго боя, слѣдовалъ за остальными кораблями, но, когда стемнѣло, не будучи въ состояніи держаться за ними тѣмъ ходомъ, которымъ они шли, постепенно сталъ отставать. Удачно отразивъ всѣ минныя атаки, онъ на слѣдующій день продолжалъ итти на NO, имѣя курсъ на Владивостокъ. Около $4^1/_2$ часовъ дня впереди показалась японская эскадра, отъ которой отдѣлились два броненосныхъ крейсера и быстро стали его нагонять. Приблизившись на разстояніе выстрѣла, одинъ изъ нихъ поднялъ сигналъ, извѣщающій о томъ, что адми-

ралъ Небогатовъ сдалъ эскадру. Это, должно быть, было сдѣлано съ цѣлью заставить «Адмиралъ Ушаковъ» также капитулировать; но, вмѣсто отвѣта, броненосецъ пошелъ на непріятеля и открылъ по нему огонь. Бой продолжался недолго, тѣмъ болѣе, что на броненосцѣ были открыты кингстоны и онъ вскорѣ пошелъ ко дну. Какъ только «Ушаковъ» около 6 часовъ вечера скрылся подъ водой, японцы спустили шлюпки и начали подбирать людей, которыхъ было спасено болѣе трехъ четвертей личнаго состава. Командиръ «Ушакова», капитанъ 1-го ранга Миклуха, не пожелалъ быть спасеннымъ и утонулъ. Гибель «Ушакова» интересна еще въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ, какъ немного людей потерялъ бы адмиралъ Небогатовъ, если бы онъ приказалъ топить суда, или же поступилъ бы подобно этому броненосцу.

Крейсеръ «Дмитрій Донской», послѣ дневного боя, въ которомъ получилъ лишь весьма незначительныя поврежденія въ верхнія надстройки и шлюпки, вечеромъ держался за крейсерами «Олегъ» и «Аврора», шедшими на югъ, но, не имѣя возможности слѣдовать за ними съ той скоростью, какую они развили, быстро сталъ отъ нихъ отставать и съ наступленіемъ темноты совсѣмъ потерялъ ихъ изъ виду и повернулъ

на NO. Успѣшно отбивъ ночью всѣ минныя атаки, крейсеръ утромъ слѣдующаго дня на разсвѣтѣ увидѣлъ миноносецъ «Буйный», на которомъ находился тогда адмиралъ Рожественскій. Адмиралъ на «Дмитрій Донской» перейти не пожелалъ и былъ перевезенъ на «Бѣдовый», который и ушелъ вмѣстѣ съ «Грознымъ». «Буйный» же остался около «Дмитрія Донского», съ которымъ и продолжалъ путь. Вскорѣ выяснилось, что онъ слѣдовать за крейсеромъ не можетъ, и потому съ него, кромѣ команды, спасенной съ «Ослябя» и взятой на «Донской» раньше, была снята и собственная команда, а самый миноносецъ утопленъ нѣсколькими выстрѣлами, послѣ чего крейсеръ продолжалъ путь по курсу NO 20°.

Около 4-хъ часовъ вечера на горизонтѣ впереди курса были усмотрѣны дымки, а справа вдали на траверзѣ показалась непріятельская эскадра, шедшая контръ-курсомъ, вслѣдствіе чего «Донской» круто повернулъ на NW съ расчетомъ пройти лѣвѣе острова Дажелетъ. Черезъ нѣсколько времени на мѣстѣ дымковъ съ правой стороны показались 3 крейсера 2-го класса «Итсукушима», «Матсушима» и «Хошидате», и броненосецъ «Чинь-Іенъ», а къ 5-ти часамъ съ лѣвой стороны показалось два трех-

трубныхъ быстроходныхъ крейсера, «Нитака» и «Отава», послѣдніе быстро приближались. Сознавая невозможность бороться съ этими 6-ю кораблями, рѣшено было попытаться выброситься на о. Дажелетъ, до котораго оставалось 25 миль, и крейсеръ направился туда полнымъ ходомъ около 13 узловъ. Крейсера съ лѣвой стороны быстро нагоняли, и въ 6½ часовъ съ одного изъ нихъ былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ; «Дмитрій Донской» отвѣчалъ, и бой завязался. Сперва попаданій было мало, но черезъ нѣсколько времени японцы пристрѣлялись, и крейсеръ получилъ нѣсколько пробоинъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ загорѣлся. Одинъ изъ снарядовъ попалъ въ передній мостикъ, гдѣ осколками его были ранены командиръ, капитанъ 1-го ранга Лебедевъ, и старшій штурманъ, подполковникъ Шульцъ, и убитъ артиллерійскій офицеръ, лейтенантъ Дурново. Положеніе было тѣмъ болѣе тяжелое, что каждый снарядъ, попадавшій въ верхнюю палубу, выбивалъ изъ строя массу людей, такъ какъ здѣсь толпились снятые съ «Буйнаго», которыхъ было около 270 человѣкъ. Все же первое время бой былъ еще возможенъ, потому что четыре старыхъ непріятельскихъ корабля только медленно приближались, и ихъ огонь былъ мало дѣйствителенъ, но

вотъ снарядомъ вдругъ разбило рулевой приводъ, и крейсеръ началъ катиться какъ разъ въ сторону этихъ крейсеровъ; попаданія значительно увеличились. Къ концу боя «Дмитрій Донской» не могъ развить больше 5 узловъ хода изъ-за того, что давленіе въ котлахъ, вслѣдствіе пробитой трубы, сильно упало. Къ счастью, начало темнѣть, и бой прекратился. Начались минныя атаки, которыя безъ успѣха для японцевъ продолжались до 10 часовъ вечера. Въ темнотѣ крейсеръ подошелъ къ острову и сталъ сперва въ разстояніи 4-хъ кабельтовыхъ, а затѣмъ, приблизившись до 2 кабельтовыхъ къ берегу, отдалъ якорь и началъ на уцѣлѣвшихъ шлюпкахъ перевозить на берегъ команду. Перевозка была закончена къ 6-ти часамъ утра, послѣ чего крейсеръ съ немногими оставшимися на немъ людьми, подъ командой старшаго офицера, капитана 2-го ранга Блохина, снялся съ якоря и отошелъ на 45-саженную глубину. Тутъ на немъ были открыты кингстоны, и «Дмитрій Донской» медленно и безъ крена пошелъ ко дну, остававшіеся же на немъ люди на баркасѣ вернулись къ берегу.

Крейсеръ «Владимиръ Мономахъ», послѣ общаго дневного сраженія, сперва шелъ по курсу Sud въ кильватеръ другимъ крейсерамъ,

непосредственно за «Дмитріемъ Донскимъ»; вскорѣ же послѣ наступленія темноты остальныя суда были потеряны изъ виду, и крейсеръ остался одинъ. На моментъ въ темнотѣ опять показался «Донской», идущій контръ-курсомъ и прошедшій полнымъ ходомъ за кормой съ лѣваго борта на правый. Послѣ этого крейсеръ повернулъ на NO и взялъ курсъ на Владивостокъ. До 9 часовъ было отбито 3 минныхъ атаки, и около этого времени сзади кормы показался миноносецъ, сдѣлавшій условный сигналъ; это былъ «Громкій», и ему было приказано держаться возможно ближе за кормой. Сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ крейсеромъ была получена мина въ правый бортъ отъ непріятельскаго миноносца, совсѣмъ близко подошедшаго къ «Владимиру Мономаху». Видѣвшіе этотъ миноносецъ говорили, что, подходя, передъ тѣмъ, какъ выпустить мину, онъ сдѣлалъ тотъ же опознательный сигналъ, который за нѣсколько времени до этого дѣлалъ «Громкій». Взрывъ былъ настолько силенъ, что машина на моментъ остановилась, а прислугу 6-дюймоваго орудія, подъ которымъ онъ произошелъ, выбросило въ орудійный портъ за бортъ. Начали подводить пластырь, но этому сильно мѣшали не прекращавшіяся минныя атаки, во

время которыхъ приходилось давать ходъ. «Громкій» продолжалъ держаться около крейсера и только на разсвѣтѣ, когда послѣдній окончательно застопорилъ машину, далъ полный ходъ и ушелъ, сообщивши, что идетъ во Владивостокъ.

Къ полуночи подводка пластыря была уже почти окончена, какъ вдругъ, чтобы увернуться отъ новой атаки, пришлось дать полный ходъ, причемъ концы, закрѣплявшіе пластырь, оборвались, и вода начала прибывать съ новой силой. Видя невозможность продолжать путь во Владивостокъ, рѣшено было итти къ берегу и на него выброситься, почему курсъ перемѣнили къ West. Крейсеръ продолжалъ двигаться подъ сильнымъ, все увеличивающимся креномъ; атаки непріятельскихъ миноносцевъ продолжались до 2-хъ часовъ ночи, но, къ счастью, больше ни одной мины получено не было. Вскорѣ послѣ разсвѣта открылся берегъ, а около 6 часовъ утра былъ усмотрѣнъ «Сисой Великій», который сигналомъ просилъ спасти команду. Находясь самъ въ весьма критическомъ положеніи, «Владимиръ Мономахъ» отвѣтилъ, что сдѣлать этого не въ состояніи, и пошелъ дальше. Около 8 часовъ утра подошли къ о. Цусимѣ; вода въ это время уже

подходила къ топкамъ, паръ упалъ до 15 фунтовъ и крейсеръ подвигался впередъ только самымъ малымъ ходомъ. Начали спускать шлюпки, на которыя помѣщали раненыхъ. Къ «Мономаху» подошелъ японскій вспомогательный крейсеръ и также спустилъ шлюпки, которыя подошли къ нему, на нихъ помѣстилась часть команды, остальные же перебрались на японское судно вплавь. Послѣдними, остававшимися на «Владимирѣ Мономахѣ» людьми были открыты кингстоны, и онъ, благодаря своей большой пробоинѣ, весьма быстро пошелъ ко дну около 9 часовъ утра.

Крейсеръ 1 ранга «Свѣтлана» въ самомъ началѣ боя 14 мая получилъ въ носовую часть, у отдѣленія динамомашинъ, ниже ватерлиніи значительную пробоину. Вода въ такомъ количествѣ хлынула въ нее и такъ быстро стала прибывать, что люди, бывшіе въ носовыхъ 6-тидюймовыхъ погребахъ, еле успѣли выбраться оттуда по трубѣ элеватора, и есть предположеніе, что два человѣка такъ тамъ и остались. Носовое отдѣленіе было все затоплено, и крейсеръ вслѣдствіе этого сильно сѣлъ носомъ и не могъ уже дать больше 15 узловъ хода. Къ счастью, переборки выдержали, и вода въ другія отдѣленія не попала. Кромѣ этой пробоины,

«Свѣтлана» во время дневного боя получила еще одну небольшую пробоину у ватерлиніи, остальныя поврежденія были незначительны и начинавшіеся пожары удавалось всякій разъ потушить въ началѣ ихъ возникновенія. Крейсеръ все время держался въ кильватерѣ другимъ крейсерамъ, но, когда стемнѣло, полнымъ ходомъ пошелъ во Владивостокъ.

Ночь прошла спокойно, никого изъ другихъ судовъ, кромѣ миноносца «Быстрый», шедшаго тѣмъ же курсомъ, видно не было. На разсвѣтѣ 15-го съ правой стороны замѣчено было нѣсколько непріятельскихъ судовъ, шедшихъ, повидимому, малымъ ходомъ. Они скоро исчезли изъ виду, но въ непродолжительномъ времени съ правой же стороны, позади траверза, опять появились два непріятельскихъ быстроходныхъ крейсера, которые, увидавъ «Свѣтлану», сейчасъ же погнались за ней и быстро начали приближаться. Впереди справа былъ виденъ островъ Дажелетъ, съ лѣвой же стороны вдали еле вырисовывался Корейскій берегъ. Послѣ совѣщанія съ офицерами командиръ рѣшилъ выброситься на послѣдній, въ случаѣ же, если крейсеръ не успѣетъ дойти, принять бой. Между тѣмъ стало ясно, что отъ нагоняющихъ непріятельскихъ крейсеровъ уйти невозможно, и когда

они подошли на 45 кабельтовыхъ, «Свѣтлана» открыла огонь. Непріятель отвѣчалъ, и бой завязался. Вскорѣ крейсеръ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу и, получивъ много какъ надводныхъ, такъ и подводныхъ пробоинъ, началъ тонуть; на немъ уже было очень много убитыхъ и раненыхъ, до берега оставалось еще около 15 миль, а бой все продолжался, пока командиру не доложили, что больше стрѣлять нечѣмъ. Кормовые патронные погреба были пусты, носовые же уже почти сутки были подъ водой.

Тогда командиръ отдалъ распоряженіе командѣ спасаться и, потребовавъ къ себѣ миннаго офицера, приказалъ взорвать крейсеръ, но и этого исполнить нельзя было вслѣдствіе того, что погребъ уже былъ затопленъ. Японцы продолжали стрѣлять по «Свѣтланѣ», которая, не имѣя ходу, такъ какъ главная паровая труба была перебита, медленно погружалась. Они не прекращали стрѣльбы по «Свѣтланѣ» и плавающимъ кругомъ людямъ до тѣхъ поръ, пока около 10½ часовъ утра крейсеръ не скрылся подъ водой. Много людей было убито уже на поверхности воды. Покончивъ со «Свѣтланой», непріятельскіе крейсера полнымъ ходомъ ушли на югъ, и бывшіе на водѣ люди потеряли вся-

кую надежду быть спасенными. Во время этого послѣдняго боя, передъ самымъ концомъ его, былъ на бакѣ убитъ командиръ, капитанъ 1 ранга Шеинъ. Старшій офицеръ, капитанъ 2 ранга Зуровъ, также передъ самой гибелью крейсера былъ раненъ въ батарейной палубѣ, въ то время, когда онъ обходилъ помѣщенія, чтобы высылать команду спасаться; получивши тяжелую рану, онъ упалъ на палубу и, будучи не въ состояніи больше подняться, погибъ вмѣстѣ съ крейсеромъ. Лейтенанты Арцыбашевъ и Толстой оба убиты, первый осколками въ голову въ батареѣ, второй въ то время, когда онъ пытался спустить гребной катеръ для спасенія раненыхъ. Только черезъ пять часовъ, когда уже многіе изъ плававшихъ отъ изнеможенія и холода утонули, появилось большое двухтрубное судно, принятое сперва за нашъ транспортъ «Корею», но оказавшееся впослѣдствіи японскимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Америка-Мару». Подойдя къ мѣсту катастрофы, крейсеръ спустилъ шлюпки и началъ подбирать оставшійся экипажъ «Свѣтланы». Всего было спасено 217 человѣкъ офицеровъ и команды; столько же остальныхъ было убито во время боя и погибло въ водѣ; среди послѣднихъ были лейтенанты Воропецъ, мичманъ

графъ Нирод̀ъ и прапорщики Свербѣевъ и Акатьевъ.

Миноносецъ «Быстрый», шедшій вмѣстѣ со «Свѣтланой», увидѣвши, что непріятельскіе крейсера нагоняютъ, и не имѣя возможности ее поддержать, полнымъ ходомъ пошелъ къ Корейскому берегу, куда и была высажена команда. Самый же миноносецъ отошелъ отъ берега и былъ взорванъ.

Изъ погибшихъ большихъ судовъ остается сказать нѣсколько словъ о транспортѣ «Камчатка», съ котораго спаслось всего 56 человѣкъ, главнымъ образомъ мастеровыхъ. По ихъ словамъ, «Камчатка» главныя поврежденія получила около 4-хъ часовъ дня, когда въ нее попало нѣсколько крупныхъ снарядовъ отъ проходившихъ непріятельскихъ броненосныхъ крейсеровъ. Однимъ изъ первыхъ снарядовъ, снесшимъ половину мостика, былъ убитъ командиръ, капитанъ 2 ранга Степановъ, и тяжело раненъ старшій офицеръ, лейтенантъ Никоновъ, оставшійся лежать на мостикѣ. На транспортѣ произошла паника, думали, что онъ сейчасъ пойдетъ ко дну, и нѣсколько человѣкъ команды выскочили за бортъ. Но «Камчатка» продолжала держаться на водѣ и не потеряла возможности управляться. Только черезъ нѣсколько времени,

находясь всего въ одномъ кабельтовѣ отъ «Суворова», она около $6^1/_2$ часовъ вечера 14 мая была окружена нѣсколькими непріятельскими крейсерами 2 класса и миноносцами. Всѣ они подошли на очень близкое разстояніе и открыли по транспорту убійственный огонь. Транспортъ былъ весь въ огнѣ и вслѣдствіе пробоинъ имѣлъ нѣсколько отдѣленій затопленными, но, благодаря переборкамъ, которыя не сдали, продолжалъ довольно долго плавать на водѣ и потонулъ только около 7 часовъ вечера, почти одновременно и вблизи отъ «Суворова», котораго въ то время минами топили непріятельскіе миноносцы.

Передъ самой гибелью удалось спустить барказъ и шестерку. Мичманъ Аристовъ, у котораго рука была оторвана, передъ тѣмъ, какъ сажать людей на барказъ, раздавалъ имъ деньги, вынутыя изъ судового ящика, говоря: «берите, вамъ пригодится». Все это происходило подъ огнемъ, и лейтенантъ Генъ былъ убитъ, будучи уже на шестеркѣ.

Передъ самой гибелью одинъ изъ механиковъ, служившихъ при мастерской, предложилъ раненому лейтенанту Никонову поднять бѣлый флагъ, для того, чтобы японцы перестали стрѣлять, но послѣдній уже умиралъ и нѣсколько

разъ въ забытьи проговорилъ: «Все, что хотите, только не флагъ». Японскія суда продолжали стрѣлять до тѣхъ поръ, пока «Камчатка» и «Суворовъ» не скрылись подъ водой, послѣ чего всѣ ушли и скрылись изъ виду.

Что касается судьбы миноносцевъ, то изъ нихъ главнаго вниманія заслуживаютъ миноносцы «Буйный» и «Громкій».

«Буйный» подъ командой капитана 2 ранга Коломейцева, не зная о смерти адмирала Фелькерзама и будучи приказомъ назначенъ на случай надобности помогать ему, видя критическое положеніе «Ослябя», около 2 ч. 40 м. сейчасъ же пошелъ къ нему и подоспѣлъ какъ разъ во время, такъ какъ въ это время «Ослябя» уже погружался. Спустивши вельботъ, сдѣлавшій 3 рейса, «Буйный» принялъ 204 человѣка офицеровъ и команды. Къ мѣсту гибели подошли еще 2 миноносца: «Бравый» и «Быстрый», которые тоже спасали людей. Но тутъ въ это-то мѣсто японцы и сосредоточили сильнѣйшій огонь, и миноносцы принуждены были отойти, а поздно пришедшій «Бѣдовый» уже вовсе не былъ въ состояніи спасать погибающихъ. Оставивъ мѣсто гибели «Ослябя», «Буйный» пошелъ къ транспортамъ и около 3 ч. 45 м. увидѣлъ «Уралъ», кото-

рый стоялъ на мѣстѣ подъ сильнымъ креномъ и спускалъ шлюпки, спасая людей; пройдя дальше, съ миноносца усмотрѣли отдѣльно отъ нашей главной эскадры остовъ горѣвшаго броненосца «Суворовъ». Капитанъ 2 ранга Коломейцевъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, направленнымъ въ «Суворова», приблизился къ нему и, увидѣвши на правомъ срѣзѣ у 6-тидюймовой башни кучку офицеровъ штаба, которые махали руками и что-то кричали, подошелъ къ навѣтренному борту, выбросилъ койки вмѣсто кранцевъ и приготовился принять людей. Раненаго адмирала Рожественскаго вынесли изъ 6-тидюймовой башни и, пользуясь зыбью, перебросили на миноносецъ, гдѣ его на руки приняла команда, затѣмъ съ «Суворова» начали соскакивать чины штаба и 23 человѣка нижнихъ чиновъ броненосца. У борта стоялъ прапорщикъ фонъ-Курсель, которому одинъ изъ офицеровъ штаба предложилъ также перейти, но онъ отъ этого отказался, и «Буйный» отошелъ отъ броненосца. Это было около 5 ч. 30 м. вечера. Подойдя къ крейсерамъ, флагъ-капитанъ приказалъ поднять сигналы: «Адмиралъ передаетъ командованіе адмиралу Небогатову» и «Адмиралъ находится на миноносцѣ раненъ»; кромѣ того, эти сигналы были переданы на ближайшіе крей-

сера и миноносцы посредствомъ семафора. Такъ какъ за дальностью сигналъ этотъ на «Николаѣ I» разобранъ быть не могъ, сдѣлано было распоряженіе, чтобы «Безупречный» пошелъ къ «Николаю I» и передалъ бы это и приказаніе вести эскадру во Владивостокъ, словами. «Буйный» же сталъ держаться около крейсера «Дмитрій Донской». Когда около 7½ часовъ адмиралъ Рожественскій пришелъ въ себя и узналъ, что не весь штабъ спасенъ, онъ приказалъ, чтобы «Бѣдовый» шелъ къ «Суворову» спасать команду, но искать «Суворова» было уже невозможно и, какъ оказалось впослѣдствіи, онъ къ этому времени уже былъ утопленъ непріятельскими миноносцами. «Буйный» продолжалъ держаться за «Дмитріемъ Донскимъ» по курсу сперва на Sud, а затѣмъ черезъ West на NO. Въ виду наступившей темноты и того, что машина начала сдавать, это было очень затруднительно и вскорѣ «Донского» потеряли изъ виду. Въ 1 часъ ночи миноносецъ легъ на N, чтобы итти этимъ курсомъ до разсвѣта. Одинъ котелъ сгорѣлъ, машина не давала болѣе 130 оборотовъ и угля не могло хватить до Владивостока, вслѣдствіе чего штабомъ адмирала былъ собранъ совѣтъ, на которомъ рѣшено итти къ берегу, высадить тамъ адмирала, а миноносецъ уничтожить; въ случаѣ

же встрѣчи съ непріятельскимъ крейсеромъ, для того, чтобы не подвергать разстрѣлу адмирала, поднять бѣлый флагъ и флагъ Краснаго Креста, а миноносецъ сдать. Такъ какъ возможность встрѣчи съ японскимъ крейсеромъ была болѣе вѣроятна около Корейскаго берега, то, несмотря на то, что до него оставалось лишь около 65 миль, рѣшили итти къ японскому. Съ разсвѣтомъ увидѣли на West два японскихъ трехтрубныхъ крейсера и повернули отъ нихъ на Ost; они, повидимому, «Буйнаго» не замѣтили и продолжали итти своимъ путемъ. Черезъ полчаса впереди увидѣли «Дмитрія Донского» съ двумя миноносцами и пошли на него. «Дмитрій Донской», несмотря на поднятые на «Буйномъ» позывные, принявъ его за японца, сталъ уходить на Ost, и только, когда позывные были сдѣланы по телеграфу, опять повернулъ назадъ. Въ это время командиръ «Буйнаго» доложилъ адмиралу, что миноносецъ не въ исправности и дойти до Владивостока не можетъ, и предложилъ ему перейти на «Дмитрій Донской», но отъ этого адмиралъ, однако, отказался и рѣшилъ перейти на миноносецъ «Бѣдовый», который показалъ, что имѣетъ на 2 сутокъ угля и что машины въ полной исправности. Катеръ съ «Дмитрія Донского» пере-

везъ адмирала и штабъ на «Бѣдовый», который вмѣстѣ съ «Грознымъ» пошелъ дальше. Послѣ этого съ «Буйнаго» были перевезены на «Дмитрій Донской» спасенные съ «Ослябя» люди, и крейсеръ съ миноносцемъ совмѣстно продолжали путь. На моментъ на горизонтѣ показались непріятельскіе миноносцы, которые, впрочемъ, быстро скрылись, но вскорѣ выяснилось, что «Буйный» поспѣть за «Дмитріемъ Донскимъ» не можетъ, о чемъ послѣдній былъ извѣщенъ сигналомъ. Онъ остановился, «Буйный» подошелъ къ борту и, по общему совѣту, было рѣшено снять команду съ миноносца, а его утопить, что сейчасъ же и было исполнено. Взрывъ, приготовленный на «Буйномъ», не удался и по нему съ «Дмитрія Донского» еще было сдѣлано 8 выстрѣловъ, послѣ чего онъ пошелъ ко дну въ $11^1/_2$ часовъ дня въ 70 миляхъ къ Sud-отъ острова Дажелета.

Миноносецъ «Громкій», подъ командой капитана 2-го ранга Керинъ, ночью все время продолжалъ держаться около «Владимира Мономаха», получившаго мину, разсчитывая, въ случаѣ гибели послѣдняго, снять съ него людей. Только утромъ, убѣдившись въ томъ, что крейсеръ успѣетъ добраться до берега, онъ отдѣлился и пошелъ во Владивостокъ. Вскорѣ

на горизонтѣ показались 2 непріятельскихъ миноносца и погнались за «Громкимъ». Одинъ изъ нихъ былъ очень большой, въ 600 тоннъ, другой же обыкновенный, средней величины. Они довольно быстро приближались и открыли по нему огонь, держась на довольно большомъ разстояніи, такъ какъ, повидимому, боялись его минъ и пулемета. Видя, что «Громкому» не уйти, капитанъ 2-го ранга Кернъ рѣшилъ принять бой и, повернувъ внезапно навстрѣчу непріятелю, пошелъ прямо на большой миноносецъ, на которомъ такъ растерялись отъ такого неожиданнаго маневра, что даже застопорили машины. «Громкій» выпустилъ въ него мину въ одномъ кабельтовѣ разстоянія, но, къ несчастью, съ нею повторилось то, что уже имѣло мѣсто нѣсколько разъ во время практическихъ стрѣльбъ и о чемъ командиръ «Громкаго» нѣсколько разъ доносилъ, а именно—благодаря недостаточному заряду или плохому качеству пороха, мина тихо выползла изъ аппарата и, ударившись окромку его хвостовой своей частью, дальше не пошла. У японскихъ миноносцевъ минъ въ аппаратахъ не было. «Громкій» сначала весьма удачно маневрировалъ, стараясь прижать большой непріятельскій миноносецъ къ берегу, причемъ выпустилъ въ него еще одну

мину, но это уже было сдѣлано, когда оба противника шли полнымъ ходомъ, и мина прошла у него подъ кормой. Скоро на «Громкомъ» непріятельскими снарядами были выведены три котла, причемъ кочегары у нихъ были сварены, сбиты всѣ орудія, и онъ, прекративъ огонь, началъ тонуть. Японцы, увидя это, какъ будто рѣшили подойти бортъ о бортъ, но, замѣтивъ, что вся команда стоитъ наверху, должно быть, предположили, что на миноносцѣ рѣшили принять абордажъ и съ разстоянія нѣсколькихъ десятковъ саженъ открыли убійственный огонь по стоявшимъ на палубѣ людямъ. Командиръ тогда приказалъ спасаться, и люди начали выскакивать за бортъ. Миноносецъ уже погружался, когда капитанъ 2 ранга Кернъ крикнулъ судовому механику, чтобы онъ бросался въ воду. Въ это время онъ самъ былъ смертельно раненъ, а сейчасъ же вслѣдъ за нимъ былъ убитъ мичманъ Шелашниковъ. Когда около 11 часовъ утра «Громкій» окончательно утонулъ, японскіе миноносцы подобрали плававшую команду.

Интересно, что нѣкоторые изъ бывшихъ на «Громкомъ» утверждаютъ, что въ то время, когда они плавали въ водѣ, одного изъ матросовъ схватила акула около самаго борта японскаго миноносца.

Японскіе матросы будто бы также видѣли ее и кричали и били по водѣ, чтобы ее испугать.

Я слышалъ о присутствіи акулъ во время боя у острова Цусимы отъ командъ нѣкоторыхъ другихъ судовъ, но думалъ, что это ошибка, такъ какъ въ этихъ водахъ онѣ не водятся и должны были бы въ этомъ случаѣ приплыть, слѣдуя за эскадрой съ юга, но показаніе людей съ «Громкаго» подтверждаетъ послѣднее предположеніе.

Совершенно неизвѣстна участь миноносца «Безупречный», съ него нѣтъ ни одного спасеннаго, а также нѣтъ и никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ погибъ. Одинъ изъ тѣхъ, кто могъ бы что-нибудь о немъ разсказать,—это командиръ японскаго крейсера «Читозе», который, по рапорту адмирала Того, возвращаясь къ своей эскадрѣ изъ бухты «Aburatani», по дорогѣ встрѣтилъ русскій контръ-миноносецъ и утопилъ его.

ОБЪЯСНЕНІЕ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНОВЪ.

Баллы вѣтра и состоянія моря . . . . . Сила вѣтра и состояніе моря опредѣляются баллами отъ 0 до 12; гдѣ 0 означаетъ полное безвѣтріе и совершенно гладкое море; 12 — ураганъ и огромное волненіе.

Буксиръ . . . . . Толстый, часто проволочный, канатъ, посредствомъ котораго одно судно тащитъ другое.

Ватерлинія . . . . . Плоскость сѣченія корабля, по которую онъ погруженъ въ воду.

Кабельтовъ . . . . . 100 саженъ шестифутовой мѣры.

Казематъ . . . . . Отдѣльная защищенная часть корабля, въ которой установлено одно или нѣсколько орудій.

Киль . . . . . Продольный брусъ, идущій внизу каждаго судна по подводной части отъ носа до кормы.

Кингстонъ . . . . . Клапанъ, посредствомъ котораго имѣется возможность затопить судно.

Кильватерная колонна. Строй, въ которомъ одинъ корабль слѣдуетъ позади другого въ извѣстномъ разстояніи.

Клюзы . . . . . Отверстія въ носу корабля, черезъ которыя выведены наружу якорные канаты.

Комендóръ . . . . . Обученный артиллерійскому дѣлу матросъ.

Крáнецъ . . . . . Оплетенныя тросовыя подушки, употребляющіяся при подходѣ одного судна къ другому для воспрепятствованія порчи бортовъ отъ сталкиванія между собой.

Кренъ . . . . . Наклоненіе судна въ какую-нибудь одну сторону.

Мателóтъ . . . . . Одинъ изъ кораблей въ линіи кильватера.

Остóйчивость . . . . . Способность (выпрямляющая) корабля противиться наклоняющимъ его силамъ.

Орудíйный портъ . . . Отверстіе въ борту корабля, черезъ которое за бортъ выходятъ дульныя части орудій.

Ошвартóвиться . . . . Стать рядомъ съ другимъ судномъ, скрѣпившись съ нимъ цѣпями, канатами и т. д.

Переборка . . . . . Водонепроницаемая стѣнка, отдѣляющая на суднѣ одно помѣщеніе отъ другого.

Перискóпъ . . . . . Отражательный инструментъ подводной лодки, находящійся на поверхности воды, черезъ который изъ лодки производятся наблюденія.

Плáстырь . . . . . Приспособленіе для задѣлыванія пробоинъ.

Прожéкторъ . . . . . Сильный электрическій фонарь, лучами котораго пользуются для освѣщенія горизонта на разстояніе отъ 2-хъ до 3-хъ миль.

Прохожденіе контръ-галсами или контръ-курсами . . . . . Прохожденіе одного корабля мимо другого противоположными курсами.

Радіусъ циркуляціи . . Радіусъ наименьшаго круга, который описываетъ корабль при поворотѣ.

Раковина . . . . . На раковину—выраженіе, употребляющееся для обозначенія направленія на 45° въ сторону отъ кормы.

Рóстры . . . . . Мѣсто въ средней части судна наверху, гдѣ обыкновенно устанавливаются шлюпки.

Румбъ . . . . . Одно изъ тридцати двухъ направленій компаса, равное $11^1/_4°$.

Рундукъ . . . . . Ящикъ для вещей команды.

Сигнальный фалъ . . Пеньковый конецъ, служащій для поднятія флажныхъ сигналовъ.

Спардекъ . . . . . Палуба, расположенная надъ батарейной.

Срѣзы . . . . . Верхнія палубы передней и задней части современнаго броненосца, пониженныя относительно возвышенной средней части.

Створиться . . . . . Расположеніе двухъ или нѣсколькихъ судовъ по прямой линіи по отношенію къ третьему кораблю.

Стеньговой флагъ . . Военный флагъ, поднимающійся во время боя на верхнемъ концѣ каждой мачты.

Трáверзъ . . . . . Направленіе въ сторону, перпендикулярное къ курсу корабля.

Трапъ . . . . . Лѣстница на суднѣ.

Тросъ . . . . . Пеньковые и стальные концы и канаты.

Топовый огонь . . . . Яркій, обыкновенно электрическій, огонь, носимый судами ночью на большомъ возвышеніи на передней мачтѣ.

Узелъ ходу . . . . . Выраженіе, употребляющееся для показанія скорости судна. Имѣть 8 узловъ ходу — дѣлать 8 миль въ часъ. (Миля—$1^{3}/_{4}$ версты).

Флагманскій корабль . Адмиральскій корабль.

Шпига́тъ . . . . . Отверстіе въ палубѣ для стока воды.

Эволюція . . . . . Построеніе.

Элеваторъ . . . . . Приспособленіе для подъема патроновъ къ орудіямъ.

Цѣна 1 руб.

2007041302